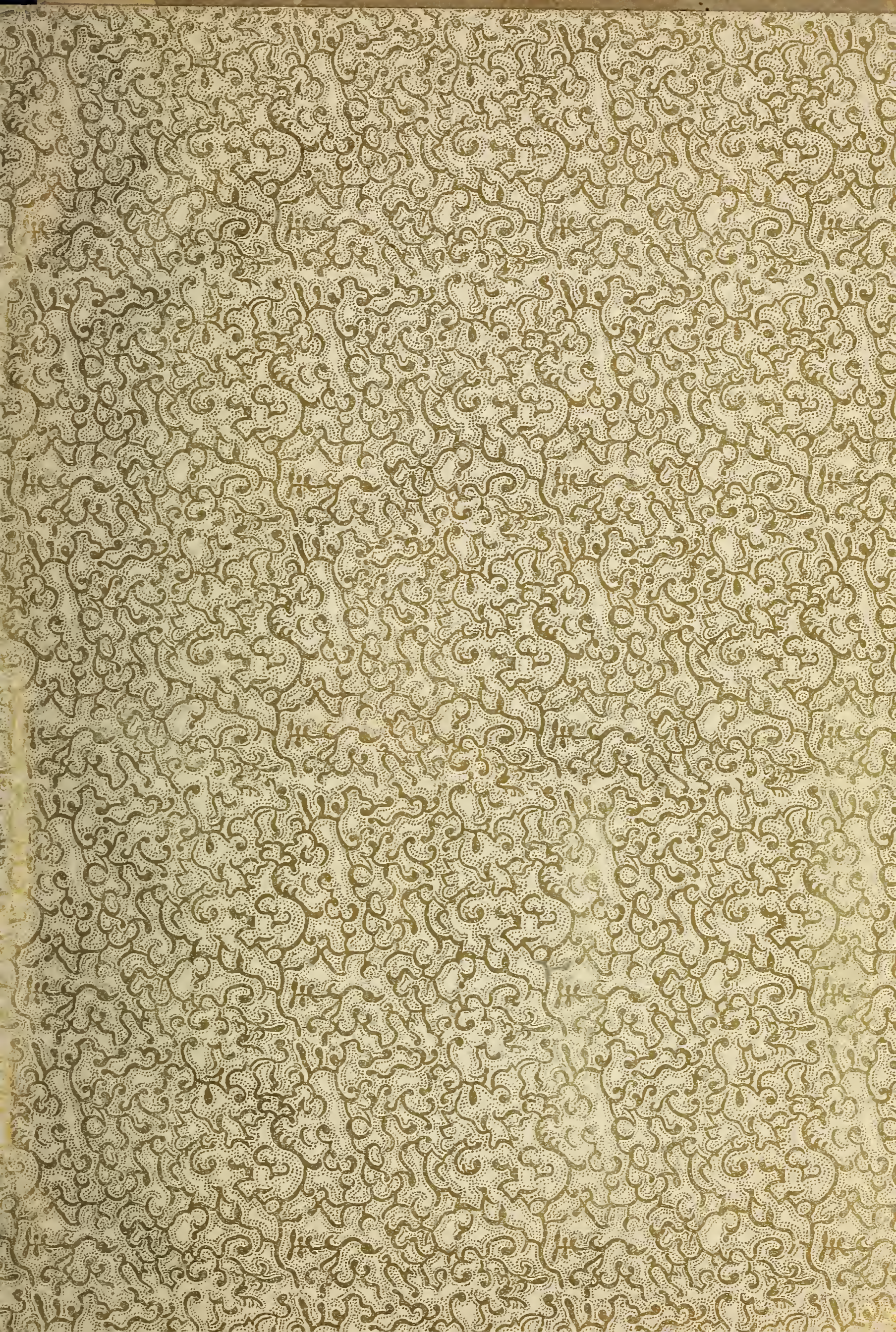

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

РУССКІЕ ДЕМОКРАТЫ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Н. ВИТНЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи К. Вульфа, Литейный просп., № 60.
1871.

РУССКІЕ
ДЕМОКРАТЫ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Н. ВИТНЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи К. Вульфа, Литейный просп., № 60.
1871.

ГЛАВА I.

Большое село Дуброво стоитъ при широкой рѣкѣ, на крутомъ ея берегу. Село расположено такимъ образомъ, что вѣчно пустая базарная площадь раздѣляетъ его на двѣ части. Сейчасъ за деревнею вдоль по берегу рѣки начинаются заливные луга, ширина которыхъ равна ширинѣ весенняго разлива водъ; просторъ позволяетъ видѣть далеко и казалось благодать должна была бы воцариться здѣсь съ давныхъ поръ: тутъ слава Богу и травы, и лѣсу, и рыбы—всего вдоволь; но бѣдность поселилась здѣсь и напрасно хозяева вмѣстѣ съ батраками въ потѣ лица своего стараются изгнать ее вонъ изъ села: она сѣла на плечи мужиковъ и треплетъ ихъ, какъ властелинъ, имѣющій надъ ними право жизни и смерти. Не даромъ говорятъ старые люди: ,,что мы-де, послѣ освобожденія нашего, окромя нужды не видывали надъ собою иного барина".

Былъ хорошій лѣтній день и при томъ праздничный, когда въ Дуброво прибылъ корабейникъ, давнишній знакомый всѣхъ жителей этаго села.

— И то уже хорошо братцы: прежде у васъ было два господина: нужда и помѣщикъ; а теперь остался

одинъ—другой выбылъ, остроумно замѣтилъ щетинникъ, *) когда какой-то изъ мѣстныхъ старожилъ повторилъ ему указанное выше изрѣченіе стариковъ.

—Знамо лучше кормилецъ—теперь по крайности вѣдаемъ кого слушать; а то прежде одинъ требовалъ на барщину—другой велѣлъ дома лежать да голодное брюхо тереть;—хоть ты разорвись, а ни одному не угодишъ бывало; отвѣтилъ ему дядя Матвѣй, первый острякъ въ околодкѣ.

— Ты вотъ что дядя: разскажика лучше, какъ у васъ въ деревни вмѣсто одного, до два помѣщика завелось, шутилъ щетинникъ, находившейся въ этотъ день въ отличномъ расположеніи духа.

— Дѣло это братцы мои дивное, началъ Матвѣй, осматривая публику, пришедшую поглазѣть на товаръ разносчика; прочитали это намъ въ церкви о волѣ, потомъ посредникъ пріѣхалъ, тотъ высѣкъ двоихъ и тоже волю эту толкомъ разсказалъ...

— А глято высѣкъ? переспросили его слушатели.

— Вольныхъ, а высѣкъ по крѣпостному; ну думаетъ: ничего это; хотя мы и стеганные, а все таки волю получили; пріѣхалъ братцы мои и становой—тотъ по зубамъ чесалъ, чесалъ міръ православный, да потомъ и ну пороть всѣхъ безъ раз-

*) Мѣстное названіе корабейника.

бору; ну проѣхалъ и этотъ; теперь думаемъ слава Богу волю, какъ есть получили: иной со страху бѣгаетъ по деревнѣ—мѣста себѣ найти не можетъ, другой вправду лежитъ, повернуться на спину не смѣетъ; третьему зубовъ не рознять: припухло у него тамъ во рту все, какъ есть; припухло, да и сперло...

Общій хохотъ прервалъ на время разсказъ дяди Матвѣя.

— Развѣ, какъ припухнетъ какое мѣсто во рту, то его сопретъ;—какъ же? его не то что стиснетъ; а разопретъ то мѣсто во всѣ стороны, резонно замѣтили разсказчику.

— Знаемъ; это все отъ того происходитъ, какъ опухоль приключится. Если нашъ братъ мужикъ ударитъ кого, то знамо не умѣючи бьетъ по верху, ну и опухоль отъ того въ наружу выходитъ; а становой ударитъ въ зубы, такъ ушами услышишъ: тамъ и опухоль сядетъ...

— Ай балагуръ!

— Вотъ такъ бѣсъ!

Слышались изъ толпы одобрительные отзывы.

— Уѣхалъ братцы становой, продолжалъ Матвѣй и нагрянулъ къ намъ исправникъ. Налетѣлъ онъ на деревню, собралъ міръ на сходку, выпучилъ свои глаза, да какъ завопитъ:

«— Знаете-ли вы подлецы, кто я такой?

*

Мужики начали ему кланяться.

«— Какъ молъ намъ вашей милости не знать? вы самъ г-нъ исправникъ, Павломъ Митрофановичемъ, ихъ высокоблагородіемъ, величаетесь..

«— Врете, молъ вы, разбойники, я ваше начальство!

Мужики ему въ поясъ.

«— Слушаемъ молъ батюшка-начальство.

«Замолчалъ было исправникъ; только опять глазищами обвелъ народъ, да и завопилъ:

«— Вы знаете въ уѣздѣ у насъ бунтъ, а вы слухи возмутительные распустили?

«— Гдѣ намъ знать батюшка? отвѣчаемъ.

«— Отпираетесь! кричитъ исправиикъ, сѣчь ихъ, эй сотскіе сюда!

«Отпороли на этотъ разъ много народу крещенаго.»

— Стой дядя Матвѣй, ты говорилъ что послѣ воли стало два помѣщика, а ужъ это выходитъ третій замѣчаетъ щетинникъ.

— Ты слушай до конца, возразилъ разскащикъ, это идутъ не помѣщики, а начальство;—тѣмъ еще чередъ не насталъ. Вотъ перепоролъ насъ исправникъ, да и спрашиваетъ:

«— Ну что канальи, бунтовать больше не станите?

«— Никакъ нѣтъ ваше высокоблагородіе—начальство, только смилуйся, а мы ни Боже-мой.... дѣтямъ своимъ на всегда закажемъ тоже самое.

«— Ну, а волю помнить станете? спрашиваетъ.

«— Какъ не помнить батюшка, вѣкъ теперь будемъ помнить и дѣтямъ закажемъ.

Выпучилъ исправникъ глаза свои въ послѣднiй разъ и не побрезгалъ хлѣбомъ солью отъ тѣхъ самыхъ мужиковъ, которымъ спины чесалъ; послѣ того—маршъ дальше».

Опять общiй хохотъ.

— Мужикъ знамо дѣло дуракъ, продолжалъ Матвѣй помолчавъ, его бьютъ, а онъ еще хлѣбомъ солью кормитъ. Ну, да что-жъ ты подѣлаешь, когда начальство бунтъ прiѣхало усмирять? Прожили мы этакъ годъ на свободной волѣ, наѣлись мы каши березевой отъ начальства, анъ глядь двое изъ нашего брата въ помѣщики вышли. Всѣми дѣлами на селѣ начали орудовать; народъ въ кабалу къ себѣ забрали;а тотъ съ дуру и шапку передъ ними ломаетъ. Ну, думаю теперь и начальство и помѣщики завелись; пропадай ты и воля эта!.... а самого глято злость разобрала. Разъ при народѣ залучилъ я этихъ помѣщиковъ; снялъ шапку и низехонько имъ кланяюсь.

«— Почетъ, говорю, милостей вашей господа замазанные бары, отдать пришолъ.

«— Что тебѣ нужно шутъ? спрашиваютъ мiроѣды.

«— А то нужно мнѣ, говорю, что вы мошенники

сами изъ нашаго брата, а міру отъ васъ жить нельзя.

«— Кабы на такихъ дураковъ, да прежніе наши помѣщики, выбили-бы они изъ нихъ дурь, расходились мои мужики.

«— Тѣ говорю били кулакомъ, а вы рублемъ.

«Тутъ народъ захохоталъ; они отъ этого сраму домой ушли; а въ волости такъ повернули дѣло, что меня та-ки постебали, да и изъ деревни бы выжили, если-бъ посредникъ на ихъ просьбу поддался.»

«Вотъ они каковы свои помѣщики, не хуже настоящихъ; я и теперь имъ каждый разъ это вспоминаю.»

Народъ смѣялся, корабейникъ торговалъ и чуткимъ ухомъ прислушивался къ этому разговору молодой человѣкъ красивой наружности, деревенской сыроваръ: Федоръ Гавриловичъ Радужный.—Онъ былъ постояльцемъ у дяди Матвѣя.

— Федору Гавриловичу—добро здравствовать! заговорили мужики, приподнимая шапки.

— Здравствуйте братцы, привѣтствовалъ ихъ молодой человѣкъ, пожимая руки ближайшимъ къ нему крестьянамъ и пробираясь къ щитиннику.

— Все ли здорово? спрашивалъ его торговецъ, жеманно раскланиваясь.

—Все идетъ по старому, а привезли—ли вы мнѣ сверло, что я вамъ заказывалъ въ тотъ разъ? спро-

силъ вновь пришедшій, засовывая руки въ карманы своего потертаго пальто изъ демикотона.

— Какъ-же!... привезъ, и торговецъ вынулъ изъ короба красный коловородъ.

— А вотъ и шесть перьевъ къ нему, сказалъ онъ, подавая покупателю свертокъ изъ сѣрой бумаги.

— Ну хорошо, и молодой человѣкъ началъ разсматривать привезенную ему вещь. На минуту всѣ замолкли. Замѣтно было, что сыроваръ пріобрелъ въ деревнѣ репутацію умнаго человѣка. Крестьяне ожидали, чтобы онъ заговорилъ первый. Никто не рѣшался предупредить его своимъ глупымъ словомъ, какъ въ простотѣ сердечной, народъ величаетъ свои собственныя разсужденія. Солнце начинало изрядно припекать. На щекахъ молодаго человѣка заигралъ нѣжный румянецъ, на его высокомъ лбѣ, съ котораго скользнула назадъ соломенная шляпа, показались капли пота; но его сѣрые глаза, подвижные и бойкіе, зорко слѣдили за его длинными, словно выточенными пальцами, которые перебирали стальные сверла, блистѣвшія на солнцѣ. Вся стройная фигура высокаго молодаго человѣка, граціозно наклонилась надъ коробомъ и свободныя пряди его бѣлокурыхъ волосъ небрежно мотались при всякомъ его движеніи.

— А какъ цѣна этой вещи? обратился Радужный къ торговцу.

— Безъ лишняго: четыре съ полтиною!

— Полно вамъ грѣшить-то въ праздникъ: говорите настоящую цѣну.

— Зачѣмъ грѣшить?.. Такъ будетъ безъ обидно.

— Ты братецъ мой, если говорить такъ говори дѣло этому человѣку, потому онъ самъ до всякой вещи дошелъ, посовѣтовалъ торговцу одинъ изъ присутствующихъ.

— Онъ братъ воли не помнитъ, потому родился съ этою самою волею за которою много разъ пытало насъ стегать начальство, вмѣшался дядя Матвей къ общему удовольствію публики.

— Знаемъ! рѣзко отозвался щетинникъ.... получите коловоротъ за четыре рубля;—значитъ безъ торгу и безъ хлопотъ.

Радужный взялъ купленную вещь, заплатилъ за нее деньги и отошолъ отъ короба.

— А ну-тка! дай мнѣ; я погляжу, сказалъ приблизившійся къ нему мужикъ съ рыжею бородою и краснымъ лицомъ. Онъ судорожно моргалъ глазами, что придавало ему весьма не пряітный видъ.

— Посмотри Николай Петровичъ, если это тебѣ нужно, а то лучше и не задерживай меня.

Радужный отдалъ коловоротъ любопытному крестьянину.

— Куда торопишься—вѣдь сегодня праздникъ? спросилъ послѣдній.

— У меня сыръ варится.

— А помошники твои посмотрятъ, какъ онъ тамъ варится.

— Какъ-же, удержишъ ихъ въ праздникъ? Всѣ ушли въ хороводы гулять!

— Гмъ.. вотъ подумаешъ, теперь хотя бы твое дѣло: слава Богу есть чѣмъ прокормиться и званія такого; а тоже маишся не хуже нашего брата.

Николай Петровичь хотѣлъ придать своему лицу жалостное выраженіе; но вмѣсто того вся его фигура, съ головою повернутою на бокъ, олицетворила первобытную хитрость; а глаза, моргавшіе не въ попадъ, сразу выдали его плутаватыя наклонности.

Дядя Матвей, наблюдавшій за этой сценой, вдругъ громко захихикалъ.

— Лиса этотъ Николай, буть ему не ладно; видишъ подъѣзжаетъ какъ къ барину: знать опять будетъ сбиваться въ счетѣ, какъ за молоко станетъ деньги получать, сказалъ онъ.

— Нѣтъ братъ, онъ хитеръ: на этотъ разъ самъ не придетъ; а жену погонитъ разсчитываться, замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Ну та еще почище его будетъ, флегматически замѣтила сгорбленная старуха.

— Знаемъ что почище!

— Оба хороши, еще не узнаешь кто кого обчиститъ, жена мужа или мужъ жену?

— Мужъ обчиститъ, потому онъ съ дѣвушками

пошаливаетъ и отъ жены творогъ крадетъ, да имъ носитъ.

— Нѣтъ братцы—про творогъ никто не знаетъ; а вотъ ленту изъ женина повойника такъ онъ точно выдралъ, да Матренѣ отнесъ.

Кричали голоса съ разныхъ сторонъ.

А Николай между тѣмъ все еще разсматривалъ коловоротъ и ахалъ отъ удовольствія.

— Будетъ вамъ горланить-то черти! унимала ихъ жена этого крестьянина, такая же толстая и красная баба, одѣтая въ новый ситцовый сарафанъ.

— Али тебѣ ленты больше не жаль? спросилъ ее молодой парень съ гармонькою подъ мышкою.

— Чего ее жалѣть коли она на доброе дѣло и въ прокъ пошла, отозвался кто-то сзади толстой бабы, которую вдругъ разобрала досада при такомъ воспоминаніи о мужниныхъ продѣлкахъ.

— Пытала я его пилить, да что ему разбойнику съ этого сдѣлается? сказала она вспыхнувъ.

Ѳедоръ Гавриловичъ стоялъ въ сторонѣ отъ толпы и казалось уже не обращалъ на нее никакого вниманія.

— Ты бы его хорошенько пробрала, коли ты умная баба, шутилъ дядя Матвѣй.

— Да развѣ я ему спущу, что-ли? Онъ думаетъ, что баба, такъ ужъ ему ничего и подѣлать не можетъ.

— Знамо можетъ, — другая зубаста, какъ

щука; только все-же локтя своего не укуситъ и мужика она не обидитъ, развѣ только уйдетъ отъ него въ лѣсъ, да съ волками выть станетъ, процѣдилъ дядя Матвѣй.

— Да я ему... раскричалась баба, задѣтая за живое, да я ему.. заплюю всѣ его воровскіе глаза!

— А и глазъ-то у него не много: всего только два, поправилъ ее парень съ гармонькою подъ мышкой.

— Ничего ему съ этого не сдѣлается оботрется только, и дядя Матвѣй глазами обвелъ засмѣявшуюся публику.

Наконецъ любопытный крестьянинъ отдалъ коловоротъ Радужному, который удалился въ сыроварню.

Когда Федора Гавриловича не стало уже видно, Николай обратился къ женѣ.

— Баба, ты чаго тутъ народъ смущать пришла? крикнулъ онъ, проваливай домой!

— Какъ-бы не такъ? что я тебѣ затворница досталась какая, что ты куражишся надо мною чортъ? возразила та.

— Скройся съ глазъ долой; не то пришибу, какъ муху!

Николай подошелъ къ своей бабѣ, которая начала быстро отступать.

— Развѣ домой не вернешся, а то будетъ тебѣ, ругалась она, выбираясь изъ толпы.

— Ай молодецъ, сразу прыть бабью укротилъ подсмѣивались молодые парни.

— Мужъ дуракъ, такъ и жена изъ за него обезславиться должна, замѣтила высокая и стройная женщина съ выразительнымъ лицомъ.

— А тебя спрашиваютъ? огрызался Николай.

— Баба тебѣ глупая попалась, такъ ты и мудришь надъ нею, а другая тебя съ Божьяго свѣта давно бы сжила; вишь, какъ страмитъ сердечную при всемъ народѣ!

— Сживай со свѣту своего мужа, коли охота есть.

— Да развѣ мой такимъ-же дуракомъ выросъ, какъ ты?

За тѣмъ разговоръ принялъ другое направленіе и расторговавшійся щетинникъ занялъ публику своими прибаутками, которые такъ и лились у него съ языка, по мѣрѣ того, какъ мѣдные гроши и рублевая бумажки прибывали въ его походную кассу.

Въ это время Федоръ Гавриловичъ даваривалъ свой сыръ и придавалъ ему круглую форму. Окончивъ работу онъ замкнулъ избу, сѣлъ на порогъ пустыхъ сѣней, закурилъ сигару и задумался.

ГЛАВА II.

Пошелъ уже третій годъ съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ селѣ живетъ Федоръ Гавриловичъ, отецъ котораго былъ очень не доволенъ своимъ сыномъ, не оправдавшимъ ни одной изъ его надеждъ.

Старику Радужному было въ это время 60 лѣтъ. Онъ жилъ на барскую ногу въ своемъ большомъ имѣніи, находившимся за нѣсколько сотъ верстъ отъ села Дуброва. Отличаясь хлѣбосольствомъ и придворными манерами, отецъ Федора Гавриловича былъ избранъ предводителемъ дворянства вскорѣ послѣ его пріѣзда въ свое имѣніе. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, былъ однимъ изъ адъютантовъ Милородовича въ Турецкую компанію 1826 года, имѣлъ большой успѣхъ въ обществѣ, танцовалъ во дворцѣ, куда былъ приглошаемъ на имтимные вечера и вообще ему жилось хорошо. Будущее обѣщало ему очень многое; но всѣ его надежды должны были рухнуть, благодаря Венгерской пулѣ, засѣвшей въ его груди. Неудобства этой ноши Радужный отецъ переносилъ съ спартанскою стойкостью при жизни своей жены. Когда же она была похищена преждевременною смертью, то ветеранъ сильно потрясенный этимъ

событіемъ, сталъ чувствовать себя хуже и наконецъ долженъ былъ удалиться на покой въ свое помѣстье. Званіе генералъ-маіора, трогательное прощаніе со своими знакомыми и пенсія, не имѣвшая большой цѣны въ глазахъ этаго хорошо обезпеченнаго человѣка; вотъ главные мотивы, варіаціи которыхъ должны были утѣшать старика въ его уединеніи; но кромѣ того онъ имѣлъ сына, который передъ отъѣздомъ отца изъ Петербурга, выдержалъ экзаменъ въ Университетъ. Генералъ-же готовилъ своего сына въ военную службу и еще семь лѣтъ тому назадъ былъ уже огорченъ упорствомъ малодаго человѣка, добивавшагося иной цѣли.

Радужный младшій учился, а отецъ предводительствовалъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ каждой весны, которая всякій разъ сулила ему радостное свиданіе съ молодымъ студентомъ, пріѣзжавшимъ въ деревню на каникулы.

Въ первые два года, эти каникулы проходили для нихъ очень весело. Сынъ пріѣзжалъ къ отцу, привозя съ собою товарищей, которые съ подвижностью, свойственною молодымъ людямъ, вносили жизнь въ угрюмое наслѣдственное село: крики юности раздовались во всѣхъ концахъ дома, переходили въ садъ и изчезали въ окрестныхъ лѣсахъ, изъ которыхъ слышались выстрѣлы ретивыхъ охотниковъ, не рѣдко проподавшихъ

но нѣсколько дней сряду. Въ увеселніяхъ молодыхъ людей дѣятельное участіе принималъ 17-ти лѣтній юноша, сосѣдъ Радужныхъ по имѣнію, нѣкто Алексѣй Владиміровичъ Кохъ, товарищъ дѣтскихъ игръ Ѳедора Гавриловича. Кохъ былъ сынъ не богатыхъ дворянъ и тетка его Пелагея Ивановна Шабрина, вдова и наслѣдница послѣ мужа (одного изъ мѣстныхъ тузовъ) взяла молодаго человѣка на свое попеченіе. Красивая наружность и мундиръ гвардейскаго подпрапорщика совершенно примирили бездѣтную тетку съ тѣми заботами, которыя она расточала на своего племянника.

Все шло какъ нельзя лучше, и старикъ Радужный началъ уже примиряться съ тѣмъ, что сынъ его составитъ себѣ гражданскую карьеру вмѣсто военной, которая не приходилась по душѣ молодому человѣку. Но вотъ настали каникулы третьяго учебнаго года и отецъ былъ серьезно озабоченъ медленностью своего сына, который остался въ Петербургѣ цѣлую лишнюю недѣлю. Старикъ посылалъ къ нему эстафеты, на которыя отъ сына получалъ лаконическій отвѣтъ; „не безпокойтесь; я скоро буду у васъ.“

Это случилось въ концѣ пятидесятыхъ годахъ, когда даже въ воздухѣ, какъ извѣстно, носилось что то недоброе, безпокоившее старыя кости и мысли генерала, теряясь въ различныхъ предполо-

женіяхъ, приняли такую безпокойную форму, что послѣ семидневной тревоги, онъ сѣлъ въ экипажъ и самъ поѣхалъ въ Петербургъ; къ счастью онъ встрѣтилъ сына на четвертой верстѣ отъ дома, почти вытащилъ его изъ наемнаго экипажа и посадилъ рядомъ съ собою.

— Ты одинъ? спросилъ онъ у студента, поцѣловалъ его чуть ли не въ десятый разъ.

— Одинъ, отвѣтилъ тотъ такимъ тономъ, который доказываетъ наше равнодушіе къ предстоящему разговору.

— Что съ тобою?—безпокоился отецъ.

— Ничего особеннаго.

— Ты меня не узнаешь, что-ли? въ голосѣ старика слышались слезы и досада.

Федору Гавриловичу стало жаль отца.

— Узнаю и при томъ очень хорошо; но дѣло въ томъ, что можетъ быть ты не узнаешь меня.

— Это почему?

— Во мнѣ произошла большая перѣмена.

— Въ двадцать лѣтъвъ тебѣ произошла перемѣна, что же ты постарѣлъ, что-ли? генералъ силился смѣяться. Онъ хотѣлъ отдѣлаться шуткою отъ того, что въ другихъ семействахъ производило такой сильный разладъ. Старикъ боялся услышать отъ сына рѣзкое осужденіе всему, что сроднилось съ его шестидесяти лѣтнеею жизнею и думалъ, что можно отшутиться отъ этаго страха.

— Да, пожалуй и постарѣлъ, подтвердилъ студентъ.

— Я тебѣ не вѣрю, потому что чувствую себя молодымъ отъ одного твоего присутсвія.

— Во всякомъ случаѣ мы не будемъ говорить болѣе объ этомъ и я виноватъ, передъ тобою въ томъ, что....

Тутъ молодой человѣкъ затруднился въ выборѣ слова:

— Въ томъ, что я сегодня не веселъ, сказалъ онъ наконецъ.

— Это съ дороги, ты вѣрно усталъ.

— Да, я въ самомъ дѣлѣ усталъ.

Пріѣхавъ домой они пообѣдали вмѣстѣ и потомъ разошлись по своимъ комнатамъ.

Что—то словно порвалось въ груди старика, который чувствовалъ, что до спины его прикоснулась, что-то холодное онъ легъ отдыхать, но ему не спалось и въ головѣ воцарился хаосъ; старикъ заходилъ по комнатѣ; руки его дрожали, а горло пересохло до того, что онъ не могъ говорить.

Генералъ сѣлъ къокну и молча, съ тупымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на рядъ молодыхъ липъ, подстриженныхъ по формѣ, какъ солдаты того эскадрона, которымъ онъ когда-то командовалъ.

А сыну было скучно, скучно до злобы на все окружающее. Все что онъ думалъ, все что слышалъ отъ своихъ сверстниковъ, все что прочиталъ за по-

слѣднее время, все это мѣшало ему быть веселымъ, сковывало мысль на одномъ предметѣ и требовало дѣятельности, характеръ которой онъ не умѣлъ опредѣлить.

Отецъ былъ здѣсь не при чемъ: онъ не могъ помочь сыну выбраться изъ лаберинта недоразумѣній, осаждавшихъ молодую голову; между ними уже порвалась дружеская связь; остался долгъ звучайщій на молодомъ языкѣ, какъ эхо пустаго слова, значеніе котораго понимается только людьми много испытавшими въ жизни.

Между сыномъ и отцомъ поселились какія-то официіальныя отношенія: каждый изъ нихъ не хотѣлъ затрагивать слабой струны другаго. Одинъ не дѣлалъ этаго изъ состраданія къ старости; другой надѣялся, что съ лѣтами его пойметъ эта неопытная молодость. Обоихъ удерживала гордость; обоимъ казалось, что высказаться—значитъ извиниться; а извиняться было рѣшительно не въ чемъ, никто не чувствовалъ за собою вины. Какъ тяжела подобная игра обоюдной деликатности, объ этомъ могутъ судить мои русскіе читатели, пережившіе то тяжелое состояніе, на которое мнѣ приходится имъ указывать.

Время при такой обстановкѣ ползло, какъ червякъ. Молодой человѣкъ убивалъ его чтеніемъ, но часто книга выпадала у него изъ рукъ; онъ вскакивалъ съ мѣста, точно ужаленный и мучительный

вопросъ. „что дѣлать?“ преслѣдовалъ его, какъ чудовище и отправлялъ дни цвѣтущей молодости. У Ѳедора Гавриловича кружилась голова, онъ судорожно брался за патронтажъ; заряжалъ ружье и отправлялся на охоту.

Свѣжій вѣтеръ дышалъ ему въ лицо, лѣсная влага принимала его какъ роднаго сына, болотная дичь выпархивала изъ подъ его ногъ и счастливый случай спасалъ жизнь испуганнаго вальшнепа и торопливаго бекаса; а охотникъ все шелъ впередъ и впередъ до тѣхъ поръ пока имъ не овладѣвало утомленіе: тогда онъ ложился на какой нибудь пригорокъ подъ тѣнь высокой сосны, между вѣтьвями которой однообразно гудѣлъ вѣтерокъ; молодой человѣкъ находилъ нѣсколько минутъ покоя въ своемъ новомъ убѣжищѣ, вдали отъ человѣческаго голоса. Онъ любовался лазурью голубаго неба, по которому скользили бѣлыя прозрачныя облака; ихъ очертанія занимали охотника и онъ припоминалъ миѳологическія существа, сравнивая ихъ съ этими тучками разныхъ величинъ и формъ. Но такое невинное наслажденіе не могло быть продолжительно и если неразрѣшенный вопросъ засядитъ человѣку въ голову, то вездѣ въ природѣ онъ найдетъ связь между тѣмъ, что видитъ и тѣмъ чѣмъ занятъ его умъ. Самое наслажденіе, которое мы выносимъ изъ нашихъ наблюденій, есть только послѣдствіе извѣстнаго нравственнаго настроенія.

*

И вотъ Радужный видитъ, какъ облако, отражая лучь солнца, принимаетъ красный оттѣнокъ; единственное сравненіе, которое онъ можетъ пріискать къ этому явленію есть кровь людей, пролитая не справедливостью и животнымъ эгоизмомъ другихъ людей. Отсюда естественнымъ послѣдствіемъ вытекаютъ всѣ невзгоды нашей соціальной жизни, которая какъ извѣстно заняла всѣ юные русскіе умы начиная съ пятидесятыхъ годовъ. Ѳедору Гавриловичу хотѣлосъ сдѣлать что нибудь для своей родины; безкорыстные молодые порывы нашептывали ему несбыточныя мысли и онъ видѣлъ себя героемъ такихъ сценъ, не благопріятные результаты которыхъ становились очевидны ему самому. Его не волновали военные подвиги, которымъ отецъ посвятилъ всю свою жизнь, нѣтъ—мученическій вѣнецъ, надѣтый во имя добра и для счастья другихъ, казался ему лучше славной смерти на полѣ битвъ. Онъ зналъ что горячіе лучи отъ этаго вѣнца, падали бы на окружающихъ и согрѣвали бы людей живительнымъ свѣтомъ любви. Онъ тогда не былъ знакомъ съ народамъ и не успѣлъ еще изучить людей, а потому молодой человѣкъ терялся среди тысячи догадокъ, когда отыскивалъ свое призваніе.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ онъ тихо возвращался домой; на встрѣчу къ нему выбѣжалъ Кохъ. Онъ былъ только что произведенъ въ офицеры и воспользовался первымъ отпускомъ для

того, чтобы побывать у теткѣ и показаться своимъ знакомымъ. Видъ этой веселой фигуры не пріятно поразилъ Радужнаго: онъ принялъ его очень сухо.

— И вы довольны собою? спросилъ онъ у гостя послѣ продолжительнаго молчанія.

— Какъ видите—я ни на что не могу жаловаться,—офицеръ гвардіи: пользуюсь порядочнымъ содержаніемъ отъ тетушки во все время пока служу; чего же мнѣ еще?

— Этимъ вы довольны?

— Есть надежды; мало ли что можетъ быть? меня могутъ сдѣлать флигель-адьютантомъ; я могу жениться на богатой дѣвушкѣ: напримѣръ на нашей сосѣдкѣ Соболевой, которая, я увѣренъ, будетъ не прочь... гость самодовольно улыбнулся.

— Un husard comme moi, c'est déja quelque chose, добавилъ офицеръ; лицо его такъ и просіяло отъ счастья.

— Да, вы красивый мужчина, отдалъ ему дань Федоръ Гавриловичъ; но ваше направленіе меня возмущаетъ.

— Позвольте, я васъ не понимаю.

— Неужели одно личное благополучіе можетъ васъ удовлетворить?

— Не благополучіе, а счастіе можетъ меня удовлетворить; но поймите, что это счастье я долженъ взять съ бою. У мен нѣтъ никакого состоя-

нія; понимаете: ничего прочнаго и я долженъ добиться до всего самъ?

— Знаете ли, что мы совершенно различно смотримъ на вещи.

— А какъ же вы на нихъ смотрите?

— Я бы никогда не былъ счастливъ, если-бъ не сдѣлалъ чего нибудь для счастья другихъ.

— Ну это идиллія я вамъ скажу; всѣ не могутъ быть взлелѣяны судьбою.

— Могутъ и будутъ; но пока этаго нѣтъ, мы должны содѣйствовать тому, чтобы этотъ золотой вѣкъ наступилъ скорѣе.

— Pardon, прежде всего я долженъ вамъ сказать, что вы не знаете ни людей, ни жизни.

— Ваша правда; съ сегодняшняго же дня начну ихъ изучать.

— И очень хорошо сдѣлаете.

Гусаръ провелъ у него вечеръ и наконецъ уѣхалъ.

— Ѳедя, я никогда не увижу тебя въ этой формѣ? спросилъ отецъ, указывая на уѣзжавшаго гостя.

— Я не знаю, какъ вы можете думать объ этомъ? и по лицу молодаго человѣка пробѣжала не пріятная тѣнь.

— Ты утрируешь все—тебѣ нужно развлекаться.

— Съ завтряшняго дня я спеціально займусь разъѣздами по окрестности.

— И хорошо сдѣлаешъ—это меня даже радуетъ.

— Я изучу бытъ нашихъ помѣщиковъ и нашего народа.

Отецъ съ недоумѣніемъ покачалъ головою.

Тоскливое чуство старика перешло скоро въ сильную досаду на сына. Онъ началъ сердиться на Ѳедора Гавриловича и не могъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ демократическихъ увлеченій студента. Старикъ бѣшено любилъ сына; но конечно любилъ его по своему.

«Вотъ этотъ Кохъ: онъ глупъ какъ горшокъ съ сывороткою, а все таки навелъ меня на хорошую мысль. Я непремённо изучу жизнь, которая сама укажетъ мнѣ, что я долженъ дѣлать» думалъ молодой Радужный и въ эту ночь онъ спокойно заснулъ.

ГЛАВА III.

На слѣдующій день Федоръ Гавриловичъ объявилъ отцу, что онъ намѣренъ провести на охотѣ цѣлою недѣлю.

— Да, тебѣ не дурно развлечься, а то ты зачитался, одобрилъ его отецъ.

Черезъ часъ молодой человѣкъ выѣхалъ из ъ села на добромъ конѣ; его сопровождали лакей и два конюха.

Отъѣхавъ верстъ тридцать на полныхъ рысяхъ, Радужный остановился въ первой попавшейся ему на глаза деревнѣ. Онъ подъѣхалъ къ крайней избѣ и объявилъ своимъ спутникамъ, что желаетъ продолжать путь пѣшкомъ, въ сопровожденіи своего лакея; а конюхамъ онъ велѣлъ дожидаться его возвращенія и никуда не выѣзжать изъ этой деревни. Онъ далъ имъ денегъ и просилъ беречь лошадей; а самъ одѣлся въ платье однаго конюха, перерядилъ лакея въ поддевку другаго и, отдохнувъ не много, пустился въ путь съ товарищемъ, не очень то довольнымъ распоряженіемъ своего барина; за то конюхи были весьма счастливы: они пропьянствовали цѣлую недѣлю, что очень дурно повліяло на бѣдныхъ лошадей.

— Не называй меня бариномъ не и говори мнѣ на вы, приказывалъ Радужный своему лакею.

— Но куда-же мы идемъ, нарядившись такими чучелами? спрашивалъ его товарищъ, выведенный изъ терпенія.

— Я хочу посмотрѣть какъ живутъ крестьяне нашего уѣзда.

— Да это можно видѣть и сидя на лошади.

— Ничего не увидишъ сидя на лошади, да ты не сердись: я тебѣ хорошо заплачу за эту прогулку. Послѣднія слова вызвали лакея на хорошое расположеніе духа и онъ сказалъ, что если барину угодно все узнать, какъ быть слѣдуетъ, то имъ лучше

всего податься въ большое село, которое отъ сюда не далеко; купить тамъ въ лавкѣ всякихъ пустяковъ рублей на пятьдесятъ и торговать ими по деревнямъ.

— А какъ будемъ ходить безъ всякого дѣла, то насъ пожалуй еще свяжутъ и отведутъ къ становому, заключилъ лакей.

Ѳедоръ Гавриловичъ принялъ его предложеніе съ восторгомъ и вечеромъ они были уже въ этомъ селѣ.

Въ недѣлю своихъ скитаній Радужный успѣлъ убѣдиться въ не оцѣнимыхъ достоинствахъ своего спутника, который зналъ множество прибаутокъ всякаго рода и отлично умѣлъ ладить съ хозяевами и хозяйками у которыхъ они ночевали. Кромѣ того лакей водилъ его по самымъ отдаленнымъ деревнямъ для того, чтобы кто нибудь не узналъ ихъ и не вышло бы скандала на весь уѣздъ.

Ѳедоръ Гавриловичъ былъ въ восхищеніи: ему пришлось слышать столько новаго и видѣть такъ много не извѣстныхъ ему типовъ, что онъ не зналъ куда ему дѣваться отъ полноты ощущеній. Товарищъ не понималъ его увлеченій и только удивлялся своему барину, который совсѣмъ не умѣлъ торговать и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи весьма мало успѣховъ въ теченіе цѣлой недѣли, за то лакею осталась вся выручка вмѣстѣ съ капиталомъ, потраченнымъ на товаръ; впрочемъ часть изъ этихъ денегъ они израсходовали на покупку

дичи, чтобы не вернуться домой съ пустыми руками. Возвратясь къ лошадямъ, они застали конюховъ пьянами; и хозяинъ квартиры жаловался Радужному, на ихъ буйство. Нужно было заплатить хозяину, чтобы онъ молчалъ и ночевать въ ожиданіи того, когда выспятся конюхи.

— Какъ вамъ братцы не стыдно? выговаривалъ имъ баринъ на слѣдующій денъ.

— Виноваты—съ; дѣлайте съ нами что угодно, только попашѣ не докладывайте.

— Я хочу, чтобы вы ни кому не расказывали о томъ, гдѣ были; а на всѣ вопросы отвѣчали бы что ѣздили на охоту по лѣсамъ всего уѣзда.

— Слушаемъ—съ, будьте покойны!

Охотники возвратились домой весма довольные другъ другомъ.

Генералъ замѣтилъ веселость сына и видѣлъ въ этомъ признакъ того, что фанаберія его проходитъ, но старикъ снова погрузился въ мрачное раздумье послѣ того, какъ сынъ въ припадкѣ этой веселости провелъ ему нѣсколько крайне деморатическихъ идей.

— Я буду очень несчасливъ, если доживу до того, что увижу, какъ нравственныя силы моего сына будутъ втоптаны въ грязь подкованнымъ каблукомъ крѣпостнаго мужика, сказалъ онъ, вспыхнувъ отъ негодованія.

— Но крестьянъ скоро освободятъ, тогда права всѣхъ будутъ одинаковы.

— Знаю, что ихъ освободятъ, но тебѣ не извѣстно, какъ груба эта среда и какое несчастіе подпасть подъ ее вліяніе. У насъ въ уѣздѣ есть примѣры обмужичившихся дворянъ, они хуже своихъ крѣпостныхъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ—онъ ни къ чему не ведетъ.

И между ними снова возникли офиціальныя отношенія.

Въ это же лѣто Өедоръ Гавриловичъ сдѣлалъ визитъ Варварѣ Осиповнѣ Соболевой, которая считалась умнѣйшею женщиною въ околодкѣ. Оказалость, что ея дочь Любинька, на которую имѣлъ виды юный гусаръ, была дѣвочкою лѣтъ тринадцати.

Войдя въ богатый домъ Соболевыхъ, Радужный засталъ въ залѣ этого ребенка, который подъ руководствомъ гувернантки, кончалъ свой урокъ музыки. Люба была славною дѣвочкою: розовый цвѣтъ ея лица, окаймленнаго длинными буклями каштановыхъ волосъ, останавливалъ вниманіе всякаго; а пытливые каріе глазки и слегка вздернутый носикъ, обнаруживали такую любознательность, что каждому человѣку хотѣлось подѣлиться съ нею своими свѣдѣніями. Поговоривъ съ нею въ продолже-

ніе десяти минутъ, молодой человѣкъ замѣтилъ, что ея миніатюрныя ручки не могли оставаться въ покоѣ: онѣ то и дѣло перебирали всѣ предметы, попадавшіе дѣвочкѣ на глаза. Между прочимъ рѣзвый ребенокъ произвелъ сильный безпорядокъ въ букетѣ цвѣтовъ, стоявшихъ на каминѣ въ большой вазѣ, изображавшей голову китайца.

— Бѣдные цвѣты, замѣтила ей гувернантка—въ ту минуту, когда въ залу вошла хозяйка.

Вѣрѣ Осиповнѣ было тогда уже за сорокъ лѣтъ; она держала себя прямо и въ ея походкѣ, ровной, какъ колебаніе маятника, мѣстные остряки подмѣтили излишную храбрость. Лицо этой женщины выдавалось своею осмысленностью, но вообще она была не хороша. Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что Вѣра Осиповна жила не въ ладахъ съ покойнымъ своимъ мужемъ и недавно еще отказалось отъ предложенія однаго давнишняго искателя ея руки. Услыхавъ отказъ, старый вздыхатель поникъ головою.

— Я знаю, что вамъ нужны мои деньги; но а не отдамъ ихъ никому. Вамъ не извѣстно сколько труда стоило мнѣ сохранить ихъ отъ моего покойнаго мужа, утѣшала его вдова, сдѣлавшаяся тогда предмѣтомъ разговоровъ ме-

жду всѣми ея столичными и провинціальными знакомыми.

— De nouveau mon buquet! сказала она, войдя въ комнату.

— Не сердись мамаша—я приведу его въ порядокъ и Люба завозилась около китайской головы.

Вѣра Осиповна приняла Радужнаго очень любезно и пожурила его за то, что они до сихъ поръ не знакомы.

— Знаетете ли?... вообще люди такъ дурны и такъ скоро портятся, что мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе всякое новое знакомство съ молодымъ человѣкомъ, который еще не успѣлъ пріобрести житейскаго опыта, сказала она.

— Не испорченные должны исправлять остальныхъ.

— Перестаньте пожалуйста; объ этомъ говорили уже такъ много во всѣ времена, что не стоитъ тратить словъ на повтореніе такой избитой и безплодной мысли.

— Да, но давность желанія лучшихъ людей стараго времени не мѣшаетъ его осуществленію въ настоящемъ.

— Кто же будетъ осуществлять — то. Ужъ не вы ли, наша Русская молодежъ, которая доматываетъ состояніе своихъ предковъ?

— Я знаю одно: что если—бы наша моло-

дежъ не была одушевлена прекрасными стремленіями, то она вполнѣ заслужила бы вашу насмѣшку, сказалъ гость, вспыхнувъ отъ негодованія.

Вѣра Осиповна внимательно осмотрѣла молодаго человѣка и должно быть осталась имъ довольна.

— Ну, хорошо сказала она, смягчая тонъ: улучшать людей надо конечно снизу; то есть слѣдуетъ начать съ крестьянъ, которые еще— не тронутая почва; для этого необходимо, чтобы наша молодежъ, если только сама она не испорчена, необходимо говорю я, чтобы она обратилась въ сельскихъ учителей и чтобы вы большую часть своей молодости провели бы въ крестьянскихъ избахъ, улучшая народное хозяйство, какъ это дѣлало кажется голандское дворяндство XVII вѣка. Но есть ли у насъ такіе люди?

— Я увѣренъ, что есть.

— Въ такомъ случаѣ вы не откажете мнѣ въ просьбѣ: познакомить меня въ Петербургѣ съ такою молодежью нынѣшнюю же зимою. Я живу на Николаевской улицѣ, въ своемъ домѣ.

— Непремѣнно познакомлю. Федору Гавриловичу стало пріятно говорить съ этой женщиной, безцеремонность которой ему очень понравилась.

— Но я за ранѣе увѣрена, что и вы всѣ

только поговорите, да тѣмъ и кончится дѣло; повѣрьте мнѣ, что съ лѣтами всѣ благія теоріи отойдутъ на второй планъ и дѣйствительная жизнь заставитъ васъ думать только о личномъ спокойствіи и тогда вы сдѣлаетесь такими-же безцвѣтными и скучными, какими видите теперь насъ.

— Личное счастье—это сентиментальность, развращающая людей.

Вѣрѣ Осиповнѣ еще не случалось слышать ничего подобнаго. Фраза эта ее поразила и она готова была возмутиться, но сдержалась.

— Чѣмъ же вы замѣните его въ жизни?

— Стремленіемъ упрочить счастье другихъ людей и преимущественно народа отвѣтилъ студентъ.

— Нынѣшняя молодежъ самоувѣренна до смѣшнаго и признаюсь, мнѣ было бы очень непріятно, если бъ моя дочь увѣровала-бы въ ея принципы. Я не хотѣла бы чтобъ ей говорили подобныя вещи.

А Люба стояла подлѣ стула молодаго человѣка и внимательно слушала его слова.

— Впрочемъ—пусть она теперь-же узнаетъ все и такимъ образомъ избавится отъ труда узнавать это послѣ своего совершеннолѣтія и мать заботливо взглянула въ лицо дочери, не обратившей на нее ни какого вниманія.

— Люба, хочешъ я возьму тебѣ такого учителя, какъ М-r Радужный? спросила хозяйка.

— Конечно хочу; потому что вашъ старикъ въ очкахъ вмѣсто урока словесности читаетъ мнѣ однѣ наставленія: то я не такъ сижу, то не почтительно выражаю свои мнѣнія о старшихъ и тому подобное.

Мать какъ-то кисло улыбалась и помолчала.

Вѣра Осиповна отпустила своего гостя только послѣ обѣда, и на прощаньи крѣпко пожала ему руку.

— Люблю я молодежъ за ея живучесть. Что ей надо? не большой комокъ земли, лучь весенняго солнца, да пожалуй каплю дождя и она разцвѣтаетъ, поетъ, и веселитъ другихъ, говорила хозяйка, стоя уже на крыльцѣ.

— И отлично дѣлаетъ, подтвердилъ студентъ.

— Да, но не люблю я вашихъ буйныхъ возгласовъ, которые нарушаютъ спокойствіе ровной жизни благоразумныхъ людей; знаете-ли, что въ порывахъ юношей есть что-то не нормальное, пугающее наше сердце?

— Какъ ночная буря передъ солнечнымъ днемъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ иначе, какъ темная ночь, наступившая въ полдень майскаго дня.

— Это случается и въ природѣ во время солнечныхъ затмѣній.

— Въ природѣ такое явленіе повторяется рѣдко

но въ соціальной жизни такія не нормальности часто нарушаютъ спокойствіе цѣлыхъ тысячь людей.

— Вините въ этомъ жизнь дурно устроенную вашими испорченными людьми, которые стараются сдерживать стремленія молодости до тѣхъ поръ пока новая сила могучею волною не прорветъ всѣхъ плотинъ, мѣшающихъ ея движенію. Отсюда, вмѣсто ровнаго хода вещей, люди прибѣгаютъ къ не правильнымъ толчкамъ—это ясно, какъ день.

Гость вскочилъ на коня, а Вѣра Осиповна задумчиво посмотрѣла ему въ слѣдъ.

— Этой молодежи не здобровать, если она не образумится, подумала она и ею овладѣло безпокойство за дочь, которая должна будетъ жить среди людей, говорящихъ такія рѣзкія вещи.

ГЛАВА IV

Дня за три до отъѣзда студента въ Петербургъ, между отцомъ и сыномъ возникли болѣе дружелюбныя отношенія. Федоръ Гавриловичъ охотно выслушивалъ воспоминанія генерала о его разнообразной жизни въ столицѣ и въ двухъ заграничныхъ компаніяхъ.

Они разстались самымъ трогательнымъ образомъ.

Въ слѣдующее лѣто сынъ не пріѣзжалъ въ родовое имѣніе.

Отецъ получилъ отъ него письмо, изъ котораго узналъ, что Федоръ Гавриловичъ съ своимъ товарищемъ Пучининымъ отправились путешествовать по Россіи на что они пожертвовали шесть мѣсяцевъ своего учебнаго времени. Сперва генералъ былъ сильно огорченъ и дошелъ до бѣшенства; но успокоясь, увѣдомилъ сына, что онъ одобряетъ его намѣреніе изучить отечество и послалъ ему денегъ болѣе обыкновеннаго сдержанія молодого человѣка.

А Федоръ Гавриловичъ, въ сопровожденіи Сергѣя Платоновича Пучинина, спустился на пароходѣ внизъ по Волгѣ. Въ своихъ народныхъ костюмахъ они проникали въ окрестныя деревни и пріобрѣли много дорогихъ для нихъ свѣденій изъ народнаог быта не смотря на то что крестьяне чаще всего смотрѣли на нихъ, какъ на раззорившихся благородныхъ людей.

Его товарищъ Пучининъ принадлежалъ къ числу такихъ студентовъ, которые не имѣютъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Онъ былъ круглый сирота.

Отецъ его, былъ сельскимъ священникомъ Архангельской губерніи и умеръ не оставивъ сыну ничего

кромѣ родительскаго благословенія. Сергѣй Платоновичъ, кончивъ курсъ въ гимназіи, пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ и первый годъ своего пребыванія въ немъ прожилъ въ извощичьей квартирѣ гдѣ отъ части жизнь была устроена на артельныхъ началахъ; потомъ ему удалось помѣстить въ газетахъ нѣсколько очерковъ изъ народнаго быта; на эти деньги онъ окапировался и тогда поступилъ въ число студентовъ.

Уроки и не постоянная корректурная работа доставляли ему средства къ существованію. Жизнь, исполненная лишеній, сдѣлала Сергѣя Платоновича угрюмымъ и не привѣтливымъ ко всѣмъ мало извѣстнымъ ему людямъ.

Вѣчно сосредоченный и съ книгою въ рукахъ, онъ не любилъ шумныхъ собраній веселой молодежи знакомой съ жизнью только по наслышкѣ. Случайно попадая на такія сборища, онъ долго малчалъ, наконецъ сердился и тогда ядовитыя насмѣшки сыпались изъ его устъ на головы замѣчтавшихся юношей. Скоро однако онъ пріобрелъ отъ части заслуженную имъ репутацію многіе студенты обращались къ нему, какъ къ оракулу, въ непогрѣшимость котораго твердо вѣрили. Мало по малу суровый нравъ Пучинина измѣнился; онъ сдѣлался общительнѣе, но никогда веселая улыбка или молодой безпечный смѣхъ эн оживляли его широкаго лица, выдававшаго му-

*

скулистую силу и твердую энергію сына Архангельскихъ тундръ.

Съ Радужнымъ они познакомились на студентческой сходкѣ и съ перваго разу сильно разбранились. Федоръ Гавриловичъ настаивалъ на необходимости оваціи въ честь любимаго професора; Сергѣй Платоновичъ старался доказать что это великая глупость, отъ которой никто сытъ не будетъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что овація была отложена и все таки состоялось недѣлю спустя послѣ такого пренія. Въ этой оваціи самъ Пучининъ принялъ участіе и когда она кончилась, молодые люди случайно очутились другъ противъ друга.

— Вы не хотѣли нести на рукахъ профессора сказалъ Радужный.

— Да, но я передумалъ послѣ того.

Съ этой минуты они сдѣлались пріятелями.

— Ты просто художникъ; всякую штуку съ разныхъ сторонъ осматриваешь, говорилъ Сергѣй Платоновичъ въ одну изъ послѣдующихъ своихъ бесѣдъ съ Федоромъ Гавриловичемъ.

— Это тебѣ не нравится?

— Оно знаешь-ли какъ то странно выходитъ: тотъ же самый предметъ по твоему иногда хорошъ, иногда дуренъ. Хлещешь ты въ усъ и въ гриву, а устойчивости никакой не имѣешь.

— Есть вещи абсолютно хорошія.

— За однѣми изъ нихъ ты признаешь это достоинство; а по другимъ твой взглядъ скользитъ точно ноги барышень по паркету, такъ—безъ всякаго толку.

— А ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ по твоему и привелъ бы весь міръ къ одному знаменателю, то есть къ одной идеи его сегодняшней пользы; нѣтъ, о всемъ томъ, чего я не выработаю въ себѣ основательно о томъ буду говорить, какъ оно мнѣ кажется; другимъ путемъ нельзя изучать вещей и ты напрасно порицаешь мои колебанія во всемъ мало мнѣ извѣстномъ.

— По моему лучше сразу опредѣлить чего стоитъ вещь, да ужъ и покончить съ этимъ дѣломъ на всегда.

— Оно конечно полезнѣе для насъ; но мы рискуемъ тогда быть не справедливыми и односторонними.

— А вы художники за то врете на прямикъ.

Въ этомъ отношеніи пріятели никогда не могли сойтись; но ихъ связывало одинаковое стремленіе къ добру и общая имъ жажда истинны.

Пучининъ любилъ людей только въ ихъ колективной формѣ, въ частности же онъ былъ хорошъ съ однимъ Радужнымъ, да въ послѣдствіи полюбилъ еще одну дѣвушку,—кромѣ этихъ двухъ привязанностей онъ никогда не обращался къ отдѣленнымъ людямъ съ словомъ теплаго участья. Случалось

такъ, что онъ выручитъ бывало человѣка изъ бѣды, да тутъ-же и разбранитъ его на всѣ корки для того, чтобы дѣло это было кончено и къ нему не приставали-бы съ миндальностями.

Молодые люди были полезны другъ другу: Радужный помогалъ Пучинину изучать иностранные языки, а тотъ охотно дѣлился съ нимъ своими практическими свѣдѣніями и сразу принялъ его предложеніе проѣхать и пройтись вдоль по матушкѣ Россіи.

Вернувшись въ Петербургъ молодые люди засѣли за книги и сдали окончательный экзаменъ, который предшествовалъ изданію манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

ГЛАВА V.

Федоръ Гавриловичъ послѣ своего деревенскаго визита къ Соболевымъ продолжалъ съ ними знакомство и въ Петербургѣ. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе и Пучининъ былъ отрекомендованъ Вѣрѣ Осиповнѣ такъ же какъ и многіе другіе молодые люди. Но студенты чуствовали себя не совсѣмъ то ловко въ этомъ богатомъ домѣ гдѣ офиціальность и почетные гости съ большими чинами стѣсняли ихъ своимъ педантизмомъ, который такъ не по плечу учащейся молодежи. Ей нужна свѣ-

жая мысль, подкрѣпленная доказательствами и порывистыми движеніями говорящаго. Ничего подобнаго они не встрѣтили въ большихъ парадныхъ комнатахъ Соболевой и къ концу первой же зимы Вѣра Осиповна уже не видѣла ихъ у себя. Только Радужный да Сѣргѣй Платоновичъ, продолжали бывать у нея. Первый приходилъ поспорить съ хозяйкою, или для того, что-бы сопровождать ее въ театръ; второй давалъ Любѣ уроки изъ русскаго языка. Дѣвочка уважала своего учителя, но гораздо болѣе благоволила къ Радужному, съ которымъ ей было такъ весело поболтать. Въ числѣ постоянныхъ посѣтительницъ въ домѣ Соболевыхъ, встрѣчалась тетка Коха—Шабрина, бойкая старуха лѣтъ шестидесяти, о которой читатель уже кое что знаетъ.

— Зачѣмъ это Вѣра Осиповна вы имѣете такого учителя, какъ этотъ Пучпинъ? удивлялась она.

— Чтоже прикажете дѣлать если мы дожили до такихъ представителей молодаго поколѣнія? отзывалась хозяйка.

— Да пусть они называютъ себя какъ хотятъ, но эта кличка все таки не даетъ имъ права портить нашихъ дѣтей.

— Даетъ, потому—что нашимъ дѣтямъ придется жить съ нами—это неизбѣжно.

— Хорошо, но чѣмъ же это можетъ кончиться?

— Тѣмъ, что молодежъ наговоритъ сперва много всякаго вздору, а потомъ и уймется.

— Да, но вамъ необходимо слѣдить за тѣмъ, что вбиваютъ въ голову вашей дочери.

— Я предпочитаю дать ей полную свободу. Мое дѣло показать ей все, а она сама уже пере работаетъ массу всякихъ поученій, правилъ и всего тому подобнаго.

— Она еще ребенокъ.

— Laissez faire tout s'arrangera pour le mieux.

Но Вѣра Осиповна лгала. Она ни на минуту не спускала глазъ съ дочери и чутко прислушивалась къ каждому слову, долетавшему до ушей дѣвочки. Мать употребляла все свое стараніе для того чтобы успокоить пытливый умъ дочери, которая хотѣла вникнуть въ смыслъ того, чему ее учили. Иногда ничтожное по видиму обстоятельство поднимало цѣлую бурю въ этомъ маленькомъ существѣ. Разъ напримѣръ Пучининъ высказалъ такую мысль:

— Видите-ли какъ не хорошо устроенъ свѣтъ: большинство людей преклоняется передъ богатствами, а богатства эти наживаются преимущественно безчестнымъ путемъ и вотъ такой ребенокъ, какъ вы желаетъ доискаться причины человѣческихъ несчастій, а учитель становится въ тупикъ. Съ одной стороны онъ не хочетъ открыть вамъ правды, потому-что боится вашихъ родите-

лей, съ другой онъ и самъ можетъ быть не видитъ корня зла. Остается одно: лгать самымъ безстыднымъ образомъ и педагогъ прибѣгаетъ къ этому средству, которому научила его жизнь. Такимъ образомъ еще одна молодая голова путается въ этомъ хитромъ обманѣ; путается и тупѣетъ; тупѣетъ и опошляется.

— Я не хочу опошляться; вы это знаете и непремѣнно скажите мнѣ правду, отвѣтила ученица.

—Да я стану высказывать вамъ правду, какъ я ее понимаю; но буду высказывать ее по не многу и къ прежнимъ своимъ объясненіямъ стану прибавлять новыя, по мѣрѣ того, какъ вы усвоите себѣ старыя. На этомъ разъ довольно: покажите мнѣ вашу тетрадь!

Долго не могла дѣвочка усвоить себѣ словъ учителя; напрасно она прибѣгала за помощью къ матери и къ гувернанткѣ; тѣ толковали ей такъ, что Люба еще болѣе сбивалась въ своихъ мысляхъ, а Вѣра Осиповна струхнула не на шутку. Первою ея мыслею было отказать учителю, но одинъ намекъ на это дочери привелъ ее въ такое негодованіе, что мать сразу отложила это намѣреніе. Она рышилась поговорить съ учителемъ и очень обрадовалась встрѣтивъ его на улицѣ.

— М-г Пучининъ, крикнула она изъ саней, прошу васъ сядьте на минутку со мною?

— А здраствуйте; мнѣ некогда!

— Пожалуйста—я имѣю къ вамъ очень важное дѣло: я покатаюсь съ вами только полъ часа и подвезу васъ куда вы хотите.

— Хорошо мнѣ нужно на Васильевскій островъ.

И онъ усѣлся въ сани, которые понеслись впередъ.

— Я очень довольна вашимъ преподаваніемъ, начала она какъ-то робко.

— И потому полагаете, что ваша дочь уже не нуждается болѣе въ учителѣ.

— Фи, какъ вы дурно обо мнѣ думаете.

— Я о васъ вообще мало думаю, но часто слышалъ такія заявленія отъ родителей; да это ничего: продолжайте.

Умная женщина начинала теряться.

— Вы хотите вѣрно, чтобъ я измѣнилъ свой методъ, подсказалъ ей учителъ.

— Нѣтъ, ни методъ, я не смѣю требовать этого, но видите ли?.. моя дочь очень впечатлительна.

— И думать для нея врѣдно; тогда вамъ слѣдуетъ обратиться къ психіатору.

— Вы злой человѣкъ, я и не думаю этого говорить.

— Ну такъ въ чемъ же дѣло?

— Ни въ чемъ; я просто хотѣла съ вами покататься.

— Въ такомъ случаѣ благодарю, что подвезли.

Сергѣй Платоновичъ вышелъ изъ саней, а мать вернулась домой, очень взволнованною.

Уроки продолжались по прежнему до начала мая, когда какъ мы уже знаемъ, Пучининъ уѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ Радужнымъ. Вѣра Осиповна бы ла очень рада тѣмъ что уроки словесности для ея дочери прекратились, но когда молодые люди заѣхали къ ней прощаться, то Люба вдругъ расплакалась.

Федоръ Гавриловичъ взялъ ее за руку и сталъ утѣшать.

— Tu n'a pas honte? спросила ее мать.

— Нѣтъ—я не успокоюсь пока оба вы не по обѣщаете мнѣ того о чемъ я васъ попрошу, сказала дѣвочка студентамъ

— Отъ чего жъ не обѣщатъ? По обѣщаемъ если можемъ исполнить, откликнулся Пучининъ изъ за стола съ закускою.

Онъ выпилъ водки и принялся за сардинки.

— Я хочу, чтобы Сергѣй Платоновичъ былъ опять моимъ учителемъ въ слѣдующую зиму и чтобы M-r Радужный не забывалъ насъ.

— Ну объ этомъ вы спросите у вашей матушкѣ, съ своей стороны я согласенъ; мнѣ все равно надо же учить гдѣ нибудь, и отъ сардинокъ онъ перешелъ къ люмбургскому сыру.

— Я васъ объ этомъ прошу вмѣстѣ съ дочерью, подтвердила мать, весьма не довольная такимъ оборотомъ дѣла.

— Хорошо, я буду учить только перестанте плакать; въ ваши лѣта это большая слабость, наставлялъ ее учитель.

Дѣвочка отерла свои послѣднія дѣтскія слезы; ей было уже близко къ пятнадцати лѣтъ.

Весною этого года Соболевы уѣхали въ Германію. Ихъ сопровождалъ поручикъ Кохъ.

Пробѣгая степи рядомъ съ Пучининымъ, Федоръ Гавриловичъ вспомнилъ эту прощальную сцену.

— Какъ юность умѣетъ отличать тѣхъ кто ей говоритъ правду, сказалъ онъ; дѣвушка въ пятнадцать лѣтъ заплакала, когда у нея хотѣли отнять учителя; такъ грудныя дѣти плачутъ, когда ихъ рано лишаютъ здороваго молока кормилицы и вмѣсто него пичкаютъ имъ желудки неудобоваримою для ребенка кашицею.

— Г-мъ ... она еще не совсѣмъ испорчена, отвѣтилъ ему товарищъ.

— Конечно не развращена, если такъ плачетъ въ 15 лѣтъ.

Сергѣй Платоновичъ громко зѣвнулъ и не возражалъ.

ГЛАВА VI

За границею Любовь Дмитріевна Соболева провела лѣто очень весело. Ловкій ея кавалеръ

Кохъ получилъ передъ тѣмъ приказъ о его производствѣ въ слѣдующій чинъ и сдѣлался еще ловче и предупредительнѣе. Онъ красиво ѣздилъ на лошади, отлично танцовалъ, умѣлъ хорошо разсказывать о всемъ, что видѣлъ и чего никогда не видалъ и наконецъ пріобрелъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ не большемъ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ Соболевы провели два мѣсяца. Сюда на воды пріѣхало нѣсколько семействъ изъ мѣстнаго высшаго общества. Гусаръ умудрился, подраться на дуэли съ однимъ молодымъ барономъ, послѣ чего съ честью, достойною воина вступилъ въ общество высшаго круга. Все это нравилось матери и туманило голову ея дочери, позабывшей на время свои уроки и похорошевшей, какъ нельзя болѣе. Алексей Владиміровичъ нравился ей, какъ веселый собесѣдникъ и послушный исполнитель ея затѣй. Гусаръ ожидалъ отъ этой поѣздки очень многаго и, вѣрный наставленіямъ своей тетки, ни разу не напоминалъ дѣвушкѣ о ея столичныхъ пріятеляхъ, а также старался не раздражать Вѣры Осиповны, которая была къ нему очень внимательна.

Кохъ вернулся въ Петербургъ весьма довольный собою и здѣсь Соболевы привыкли смотрѣть на его частыя посѣщенія, какъ на что-то весьма обыкновенное; но вотъ наступила зима и на ули-

цѣ завыла вьюга, лѣтнее веселье улѣтѣло прочь и люди остались со своими мыслями, не развлекаемыми общею жизнею зеленѣющей прежде природы. Театры и балы оставляли досугъ, приглашавшій людей сосредаточиться не смотря на то скучно-ли имъ отъ этого, или работа мысли доставляетъ имъ новое наслажденіе.

Въ ноябрѣ Любовь Дмитріевна принялась за свои уроки и возвратившійся въ Петербургъ Пучининъ, сдѣлался опять ея учителемъ, не смотря на не желаніе этого Вѣры Осиповны и на интриги Коха и его любезной тетушки.

Упоенный кажущимся успѣхамъ штабъ-ротмистръ вздумалъ отстоpонить отъ Соболевыхъ вліяніе двухъ пріятелей чего онъ полагалъ достичь своимъ высокомѣрнымъ отношеніемъ къ студентамъ; но тѣмъ не менѣе гусаръ понесъ два пораженія, слѣдовавшія одинъ за другимъ: Разъ онъ встрѣтился съ Пучининымъ, который окончивъ урокъ, закусывалъ въ столовой Соболевыхъ. Подлѣ него стояла его ученица.

Алексѣй Владиміровичъ влетѣлъ въ комнату, шумя своими доспѣхами, не видѣвшими настоящей битвы. Поздоровавшись съ нимъ, дѣвушка обратилась къ учителю, которому гость кивнулъ головою и небрежно подалъ руку.

— Разъясните мнѣ пожалуйста, сколько су-

ществуетъ философскихъ системъ; я ничего не могу въ нихъ понять? спросила она.

— Ихъ очень много, отвѣтилъ учитель.

— Такъ же много, какъ студентовъ въ Россіи, подшутилъ гусаръ и самодовольно покрутилъ усъ.

— Не суйся сюда, если ничего не понимаешь, замѣтилъ ему Пучининъ.

— Понимаю столько же сколько и вы; но я не позволю себѣ быть дерзкимъ въ обществѣ дамъ и привыкъ учить другихъ тому же приличію.

— Такъ поучите же насъ пожалуйста, засмѣялась дѣвушка, желавшая обратить въ шутку этотъ разговоръ.

— Съ вашимъ учителемъ я потолкую объ этомъ послѣ; а вамъ... вамъ скажу, что вы прекрасны.

— Даже не остроумно, а просто глупо, процѣдилъ Сергѣй Платоновичъ.

— Видите ли, началъ гусаръ, желая оправиться, философія эта такая вещь, которую всякій можетъ объяснить по своему; вотъ Прудонъ напримѣръ—онъ соціалистъ. Жанъ Жакъ—Руссо—матеріалистъ..

Офицеръ не умѣлъ продолжать.

Дѣвушкѣ стало жаль его.

— Не конфузьте такъ моего любезнаго кава-

лера, сказала она учителю; но тутъ же поняла, какъ это заступничество комично и не выдержавъ своей роли залилась веселымъ смѣхомъ.

— Ну помиритесь, предложила она.

— Для васъ я всегда готовъ сдѣлать это.

Гусаръ сдѣлалъ граціозный поклонъ.

— Такъ сколько же филосовскихъ системъ Сергѣй Платоновичъ? допытывалась ученица.

— Не давно я прочелъ сочененіе M. Cousin; онъ довольно основательно насчитываетъ четыре филосовскихъ системы, а именно: сенсуализмъ, идеализмъ, скептицизмъ и мистицизмъ; а всѣ остальныя системы считаетъ ихъ видоизмѣненіями.

Въ это время въ комнату вошла Вѣра Осиповна и разговоръ измѣнился.

Скоро гусаръ и учитель вышли вмѣстѣ изъ квартиры Соболевыхъ.

— Я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся съ вами, сказалъ Кохъ, спускаясь по лѣстницѣ рядомъ со студентомъ.

— Это не доставитъ мнѣ никакого удовольствія.

— Въ такимъ случаѣ я сочту себя въ правѣ ударить васъ по лицу, и гусаръ распахнулъ свою шинель.

— Не совѣтую вамъ дѣлать это, если жалѣете ваши ребра. Я не нѣмецкій баронъ.

— Скотина! сказалъ Кохъ.

— Пошелъ вонъ дуракъ пока тебѣ не попало.

И образованные люди разошлись въ разныя стороны, какъ только вышли изъ подъѣзда.

Другое пораженіе Алексѣй Владиміровичъ понесъ изъ за сабачки Любви Димитріевны. У ней пропала болонка и всѣ поиски за нею остались тщетными. На третій день послѣ этой пропажи дѣвушка гуляла по набережной Невы вмѣстѣ съ Кохомъ и Радужнымъ. Было морозное ноябрское утро, но снѣгъ еще не выпадалъ и рѣка подернулась тонкимъ льдомъ, гладкимъ какъ зеркало. Гуляющіе поровнялись съ однимъ изъ спусковъ на Неву и на рѣкѣ, шагахъ въ шестидесяти отъ берега, увидѣли знакомую собачку, лежавшую на боку; она визжала и видимо хотѣла встать на ноги, но не могла этого сдѣлать; должно быть какой нибудь злой шутникъ бросилъ ее на ледъ и любовался какъ она катилась по его ровной поверхности; но онъ отшибъ ей ноги и вѣроятно удалился отъ сюда съ тяжелымъ сознаніемъ своей глупой выходки. На пристани собралось нѣсколько любопытныхъ, окружившихъ молодыхъ людей, которые остановились на понели.

— Это моя бѣдная амишка! сказала дѣвушка.

— Алексѣй Владиміровичъ достанте болонку, посовѣтовалъ ему Радужный.

— Вы хотите, чтобы я топился для того, чтобъ

сдѣлаться посмѣшищемъ для прохожихъ? Мы уже пережили среднія вѣка.

— Напрасно; прежніе гусары временъ Денисова выдѣлывали и не такія штуки.

— Отъ чего вы сами не попробуете?

— За этимъ дѣло не станетъ.

Федоръ Гавриловичъ быстро спустился къ рѣкѣ и прежде чѣмъ Соболева успѣла ахнуть, онъ уже скользилъ по хрупкому льду, который трещалъ и гнулся подъ его тяжестью.

Толпа быстро увиличилась и напряженно слѣдила за смѣлчакомъ.

— Смѣлый человѣкъ—надо правду сказать замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ здѣс крестьянъ, толкая локтемъ своего земляка.

— Да, вишъ ты: жизни своей не жалѣетъ, а можетъ и ему сердечному плохо пришлось, если на такое ремесло пустился, флегматично отозвался тотъ.

— Можетъ быть засидѣлся, такъ захотѣлъ покуражиться, вмѣшался молодой извощикъ.

— Ну стоитъ ли изъ за сабаки! воскликнулъ толстый господинъ, держа подъ руку высокую и худащавую женщину.

— Это просто сумасшествіе! подтвердила она.

— Ишь ты шельма, скользитъ-то какъ ловко любовался купецъ, торопившійся куда-то вмѣстѣ

со своимъ прикащикомъ, только некогда смотрѣть-то.

— Надо поглядѣть на молодца, просилъ его прикащикъ.

— Что-жъ? посмотримъ: видишь ты русская-то удаль гдѣ сказывается, здѣсь въ Петербургѣ.

— Здѣсь она въ рѣдкость; а въ Твери, или еще лучше того въ Нижномъ дѣло это за частую бываетъ.

— Должно баринъ-то выпивши, пробасилъ коренастый мастеровой съ оглоблею въ рукѣ.

— Нѣтъ, это ужъ такъ отчаенный человѣкъ: сорви голова какой нибудь-должно изъ студентовъ, возразилъ другой мастеровой.

— Между ними братъ безшабашные люди есть ничего не боятся, ни черта, ни квартальнаго, мертвецовъ рѣжутъ, а сами хлѣбъ жуютъ.

Радужный быстро доскользилъ до болонки схватилъ ее за шею и, приподнявъ на воздухъ, торжественно возвращался назадъ къ общему удовольствію публики.

Къ мѣсту происшествія прибѣжали два городовыхъ.

— Какъ же ты братецъ упустилъ его съ берега? выговаривалъ одинъ другому.

Но тотъ вмѣсто всякаго отвѣта обратился къ публикѣ и просилъ ее разойтись доказывая, что тутъ ей рѣшительно нечего смотрѣть.

*

— Какъ-же нечего: русскій человѣкъ разгулялся, протестовалъ купецъ.

— Христіянская душа погибаетъ, философствовала старуха въ синемъ бархатномъ салопѣ.

А Радужный между тѣмъ ловко приближался къ набережной; вдругъ, почти у самаго берега, онъ сильно покачнулся; его задняя нога окунулась въ воду до самаго колѣна.

Мастеровой съ оглоблею выступилъ впередъ

— Слышишь, понатужся еще маленько, да и лови оглоблю-то, совѣтовалъ онъ.

Растерявшійся городовой потресъ оглоблею и повторилъ Радужному слова мастеравого.

Студентъ въ самомъ дѣлѣ понатужился и вышелъ на берегъ безъ посторонней помощи.

— Ай молодецъ! посыпались на него похвалы народа.

— Какъ же вы это дѣлаете? выговорилъ ему городовой.

— Объ этомъ нужно было говорить когда я спускался на рѣку; а не теперь, отвѣчалъ Федоръ Гавриловичъ. Онъ отдалъ собачку Соболевой и быстро вошелъ въ первый трактиръ.

— Глупо, замѣтилъ Кохъ: то кровь кипитъ, то силъ избытокъ, какъ говорилъ поэтъ.

— Но все таки собачка у меня, сказала Соболева.

—Да, но я не думалъ, что Радужный способенъ на такіе пустяки.

— Я не знала, что въ добавокъ ко всему, вы еще и педантъ.

Они молча сѣли на извощика и поѣхали домой

— Береги эту собачку, барышня; она теперь, дорого стоитъ, напутствовавъ купецъ дѣвушку, къ крайному удовольствію публики, принявшейся смѣяться на всѣ лады.

Въ тотъ-же вечеръ Федоръ Гавриловичъ сидѣлъ въ одной ложѣ съ Соболевыми; а на слѣдующее утро Сергѣй Платоновичъ выругалъ его художникомъ.

Зима скоро миновала; но уроки Пучинина въ этотъ годъ оставляли глубокое впечатлѣніе въ воспріимчивомъ умѣ дѣвушкѣ, которая серьезно принялась за книги.

А студенты, выдержавъ экзаменъ, разстались. Радужный уѣхалъ за границу, преимущественно въ Швейцарію и Голландію; а Пучининъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ. Отправляясь путешествовать первый молодой человѣкъ рѣшился поднять производительность крестьянскаго хозяйства и главнымъ образомъ началъ изучать одну изъ его отраслей—сыровареніе; а Сергѣй Платоновичъ работалъ надъ проектомъ объ улучшеніи быта русскаго народа. Благодаря хлопотамъ Федора Гавриловича и содѣйствію его отца Пучинину удалось попасть въ число

секретарей, учрежденной тогда комисіи, работавшей надъ этимъ вопросомъ; онъ трудился съ большою энергію и съ тѣмъ знаніемъ дѣла, которое въ немъ должны были признать всѣ его сослуживцы.

ГЛАВА VII

Вѣра Осиповна долго не замѣчала, что между нею и дочерью образовалась цѣлая пропасть. Любовь Дмитріевна скучала въ обществѣ людей, которыми была окружена ея мать; дѣвушка начала чаще и чаще удаляться въ свою комнату и скоро кончила тѣмъ, что видѣлась съ матерью только во время обѣда. Она стала очень часто отказываться отъ выѣздовъ и наконецъ возбудила въ своей матери серьезныя безпокойства. Вѣру Осиповну болѣе всего поражала молчаливость дочери, которую, послѣ отъѣзда Радужнаго и выбытія изъ ихъ дома учителя, перестало по видимому интересовать все на свѣтѣ. Случалась такъ, что въ продолженіе цѣлаго дня мать не могла добиться отъ дочери ничего кромѣ односложныхъ отвѣтовъ на ея вопросы. Такія натянутыя отношенія не могли быть продолжительны и чрезъ годъ послѣ отъѣзда Радужнаго онѣ возращаясь изъ деревни въ городъ, имѣли между собою такой разговоръ.

— Что съ тобою? приступила къ ней Вѣра Осиповна, въ голосѣ которой слышались слезы.

— Ничего, я такая-же, какъ и всегда.

— Я не говорю о сегодняшнемъ днѣ, но вотъ уже цѣлыхъ шесть мѣсяцовъ какъ мои наблюденія надъ тобою приводятъ меня къ такимъ страннымъ предположеніямъ, отъ которыхъ я совсѣмъ теряюсь.

— Ты говоришь мамаша что я кажусь тебѣ странною?

— Если хочешъ это знать, то я даже боюсь за тебя. Онѣ долго и упорно молчали.

— Скажи мнѣ, что нужно сдѣлать для того, чтобы ты была такъ весела, какъ это слѣдуетъ быть дѣвушкѣ въ твои 17 лѣтъ? настаивала Вѣра Осиповна.

— Мнѣ необходимо, что нибудь дѣлать.

— Ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно.

— Я хочу окружить себя такими людьми, которые могутъ тебѣ не понравиться.

— Ты меня удивляешь Люба.

—Я хочу располагать собою и своею жизнью не зависимо отъ твоего препровожденія времени.

— Люба, ты меня огорчаешь!

— Мнѣ необходимо трудиться.

— Я совсѣмъ тебя не понимаю.

— И чтобы сразу высказать тебѣ все; то предупрежаю тебя: я уйду изъ твоего дома, если ты не согласишся дашь мнѣ средства быть самостоя-

тельной. Пойми мамаша: я хочу чтобы мысль и новыя впѣчатленія были такъ обильны, что могли бы захватывать мнѣ духъ.

— Этого желаютъ очень многія, но такая полная жизнь не возможна.

— Если она не возможна, то надо стремиться къ ней; нуженъ развивающій насъ трудъ, чтеніе, театры и изъ рѣдка балы на которыхъ я теперь зѣваю, но которые послѣ труда могутъ развлекать человѣка.

— Я тебя не понимаю—дѣлай что хочешь, и разсердившаяся мать удалилась въ свою спальню тотчасъ по ихъ пріѣздѣ въ домъ.

Черезъ полъ часа послѣ того кто-то постучался къ ней въ дверь.

— Войдите пожалуста, отвѣтила Вѣра Осиповна.

— Если мы будемъ сердиться, то никогда не поймемъ другъ друга, сказала вошедшая дочь, садясь подлѣ матери.

— Дѣлай, что хочешь—я уже сказала это тебѣ и прибавляю еще, что ты имѣешь собственный капиталъ, проценты котораго равны тремъ тысячамъ въ годъ. Эти деньги я буду выдавать тебѣ на руки и не стану никогда болѣе мѣшаться ни въ твой гардеробъ, ни вообще въ твои дѣла.

— Благодарю тебя за это; но мнѣ нужно еще отдѣльное помѣщеніе въ домѣ; я хотѣла бы нанять квартиру не далеко отъ тебя.

— Для чего тебѣ нужно помѣщеніе?

— Я заведу типографію.

— Ты можешъ располагать квартирою подъ воротами.

— Очень тебѣ благодарна.

— Но я не понимаю только, для чего ты дѣлаешь мнѣ сцены изъ за всякихъ пустяковъ?

— Мамаша, ты напрасно раздражаешся.

— Оставь меня пожалуйста въ покоѣ.

Любовь Дмитріевна отправилась осматривать квартиру подъ воротами. Въ ней было пять большихъ и высокихъ комнатъ. Она велѣла дворнику прибрать ихъ, а утромъ на слѣдующій день сѣвъ наизвощика она поѣхала отыскивать бывшаго своего учителя.

Соболева застала его на службѣ. Пучининъ, вызванный сторожемъ въ дежурную комнату, былъ очень удивленъ встрѣтивъ въ ней дѣвушку.

— Я могу отнять у васъ полъ часа времени? спросила она.

— Если у васъ есть ко мнѣ дѣло, то можно.

— Да есть дѣло: я хочу открыть типографію для того, чтобы издавать умныя и дешевыя книги, переводныя и оригинальныя, но для этаго мнѣ нуженъ помощникъ такой какъ вы.

— Это не худо придумано; можите на меня разсчитывать; но вы должны сами завѣдывать всею хозяйственною частью.

— Да я хочу заняться этимъ, и кромѣ того желаю чтобы въ моей типографіи работали преимущественно женщины.

— Хорошо, я буду у васъ сегодня вечеркомъ и мы обо всемъ переговоримъ.

Дѣвушка вернулась домой очень веселою.

— Я хотѣла сказать тебѣ Любинька что ты напрасно ѣздишь на извощикахъ; у насъ лошади стоятъ въ конюшнѣ и нечего не дѣлаютъ; бери ихъ всегда, когда онѣ будутъ тебѣ нужны,раздобрилась Вѣра Осиповна, сидя за вечернимъ чаемъ, къ которому явился и Пучининъ.

Между бывшимъ учителемъ и дѣвушкою рѣшено было пріобрѣсти типографію съ разстрочкою и Сергей Платоновичъ указалъ ей двѣ, которыя продавались; при этомъ онъ сдѣлалъ ей наставленіе, какъ слѣдуетъ торговаться и сколько давать за каждую изъ нихъ. Рѣшено было такъ же, что три тысячи ея содержанія пойдутъ цѣликомъ на уплату такого долга; а изъ доходовъ типографіи третью часть дѣвушка можетъ брать себѣ; а остальной девидентъ распредѣлятъ такъ, что половина его пойдетъ въ пользу переводчиковъ и Пучинина, который будетъ ими руководить, а другая станетъ распредѣляться между наборщицами въ добавленіе къ ихъ содержанію Рѣшены были такъ же всѣ другіе вопросы, относящіеся къ дѣлу и между прочимъ Пучининъ обѣщалъ прислать опытную наборщицу и каррек-

торшу большую его пріятельницу гимназистку Ларчину.

Вѣра Осиповна молча присутствовала при этомъ разговорѣ. Она слушала и страдала. Теперь ей сдѣлалось понятно, что между нею и дочерью дѣйствительно образовалось пропасть и съ этаго вечера жизнь ихъ совершенно измѣнилась.

Любовь Дмитріевна стала проводить въ типографіи цѣлые дни, иногда даже ночевала въ ней въ своемъ кабинетѣ вмѣстѣ съ Ларчиной, съ которой онѣ скоро сошлись на дружескую ногу.

Дѣла типографіи, благодаря умѣнію Пучинина, пошли сразу хорошо. Газета съ честнымъ направленіемъ и два издателя изъ молодыхъ сдѣлались постоянными ея закащиками въ первый же годъ.

Любовь Дмитріевна совершенно переродилась: она была всегда весела, не утомимо работала и поспѣвала бывать вѣздѣ и прочитывать всѣ новыя книги, заслуживающія вниманія. Мать невольно любовалась ею, не понимала ее и старалась утѣшить себя отвлеченными соображеніями, почерпнутыми изъ сочиненій ея любимыхъ поэтовъ.

Ларчина была высокая и стройная дѣвушка лѣтъ двадцати четырехъ. Смуглый румянецъ этой брюнетки съ кроткимъ лицомъ имѣлъ въ себѣ что то особенно привлекательное; ея черные глаза съ поволокою такъ и напрашивались на ласку. Глядя на нее нельзя было сердиться ни на кого въ цѣломъ свѣ-

тѣ. Если по временамъ и помрачалось это лицо, то и тогда въ немъ нельзя было подмѣтить признака гнѣва или раздраженія; нѣтъ, дѣвушка была печальна и однимъ этимъ словомъ характеризовалось ея душевное настроеніе. Еслибъ дѣвушка была глупа, то она лишилась-бы всей своей чарующей силы; но она была развита, многое видѣла въ продолженіе своей трудовой жизни, и если природная доброта гармонировала съ ея житейскимъ опытомъ, то это нисколько не мѣшало Ларчиной говорить такую глубоко обдуманную ею фразу:

«Право не стоитъ сердиться на людей; лучше лю-
«бить ихъ прощая имъ все; а когда они упадутъ
«духомъ, переживая минуты невзгоды, тог-
«да надо ихъ утѣшать. Повѣрьте, что этимъ вы
«скорѣе всего исправите злыхъ.

Слова дѣвушки потверждались фактами изъ ея жизни и не даромъ знакомая ей молодежъ прозвала ее общею сестрою милосердія.

Уже нѣсколько лѣтъ Ларина любила Сергѣя Платоновича; ей нравилось его ровное отношеніе ко всему окружающему и въ этомъ они совершено сходились. Но Пучининъ былъ гордъ и скрывалъ теплую душу подъ язвительнымъ сарказамъ; она же не могла сказать человѣку ни одного жесткаго слова.

Ихъ сближеніе, длившееся такъ давно, имѣло по этому что то не доконченное: бывали минуты,

когда сидя вмѣстѣ, они чувствовали, что имъ слѣдуетъ еще что-то выяснить; но оба не хотѣли вдаваться въ анализъ этаго не уловимаго препятствія къ ихъ счастью; а время шло и маленькая искра раздувалась въ большое пламя, которое какъ казалось это дѣвушкѣ выжигало глубокую рану въ ея любящей груди.

Мало по малу Сергѣй Платоновичъ началъ бросать ей въ лицо свои насмѣшки. Дѣвушка не дѣлала ему должнаго отпора и можно было опасаться, что вскорѣ Пучининъ начнетъ относиться къ ней такъ же какъ и ко всемъ остальнымъ. Это сильно безпокоило Ларчину и часто послѣ продолжительной работы, которая подстрѣкала самолюбіе другихъ наборщицъ, она удалялась въ кабинетъ Соболевой и долго смотрѣла на поданный ей стаканъ чаю, потомъ отворачивалась къ стѣнѣ и закрывала лицо руками.

Любовь Дмитріевна не могла добиться отъ нея причины такого видимаго горя; но однажды она сама напала на его слѣдъ и подмѣтила, какъ каждое несмѣтливое слово Пучинина заставляло ея пріятельницу ежиться и какъ будто вростать въ полъ. Сергѣй Платоновичъ ничего не замѣтилъ и ушолъ, а Соболева отвѣла Ларчину въ кабинетъ и заставила ее во всемъ открыться.

— Только пожалуйста не говорите ему ничего, просила ее брюнетка, утирая слезы.

— Ахъ милая, я такъ сильно сочувствую вамъ что рѣшаюсь дать вамъ совѣтъ, и Любовь Дмитріевна обняла ее за талію.

— Сами то вы голубушка такъ молоды.

— Да, но со стороны всѣмъ какъ то виднѣе.

— Скажите, что вы думаете?

— Видите-ли, теперь всѣ толкуютъ о силѣ да о силѣ; а силу эту не признаютъ въ нашей женской уступчивости.

— Пожалуй вы и правы душечка.

— Такъ можетъ быть будетъ лучше, если вы станете поступать такъ же, какъ и онъ. Будьте тоже жестки на словахъ, смѣйтесь, когда хотите плакать и онъ полюбитъ васъ сильнѣе прежняго.

— Голубушка, я не умѣю притворяться и если меня перестанутъ любить такою, какъ я есть, то...

Она не договорила и заплакала. Соболева послѣдовала ея примѣру.

Черезъ минуту онѣ переглянулись и весело засмѣялись.

— Какія мы смѣшныя дѣти, сказала брю нетка.

Соболева задумалась.

— Нѣтъ моя милая, вы должны принять мой совѣтъ; отъ него зависитъ ваше счастіе а такъ-же и счастіе Пучинина, говорила она помолчавъ.

— Для него я сдѣлаю все, заключила Ларчина.

Съ этими словами онѣ разстались.

Женскій инстинктъ не обманулъ Соболеву. Какъ

только брюнетка начала давать отпоръ сарказму Пучинина, онъ сдѣлался съ ней ласковѣе и даже началъ любезничать; предупредительность его дошла скоро до того, что онъ, съ его серьезной физіономіей, провожалъ иногда Ларчину въ гостинный дворъ для покупки женскаго тряпья. Но сколько усилій стоило дѣвушкѣ переламывать себя объ этомъ знала одна Соболева, бывшая свидѣтельницею нравственныхъ пытокъ переживаемыхъ ея пріятельницею. Много слезъ проливала она въ безсонныя ночи и еслибъ не постоянная поддержка, встрѣчаемая Ларчиною въ подругѣ, то дѣвушка измѣняла бы себѣ по семи разъ въ продолженіе каждой недѣли.

Матеріальныя и сердечныя дѣла въ типографіи находились въ такомъ положеніи, когда въ одинъ Рожественскій вечеръ Сергѣй Платоновичъ объявилъ подругамъ, что на дняхъ Радужный пріѣдетъ въ Петербургъ.

— Неужели? Вотъ такъ радость... и Соболева совсѣмъ растерялась.

— Гмъ... процѣдилъ ея бывшій учитель, я не зналъ объ этой любви.

— Что же онъ намѣренъ здѣсь дѣлать? спросила Ларчина.

— Онъ былъ у отца, который сказалъ ему, что лишитъ его наслѣдства, если онъ не займетъ мѣсто на службѣ и не попадетъ въ камеръ-юнкера.

Сынъ все таки отказался служить и ѣдетъ сюда. Ему нужны деньги и я охотно уступаю Радужному свои занятія въ типографіи; у меня и такъ много дѣлъ.

— Долго онъ пробудетъ здѣсь? любопытствовала Соболева.

— До апрѣля мѣсяца.

Этотъ разговоръ происходилъ въ тотъ годъ когда былъ объявленъ манифестъ 19 февраля 1861.

ГЛАВА VIII.

Послѣ Рождества въ Петербургъ пріѣхалъ Федоръ Гавриловичъ и остановился у Пучинина. Онъ тотъ часъ-же принялся за работу. По цѣлымъ днямъ высиживалъ онъ въ типографіи, дѣлая переводы книгъ, назначенныхъ для отпечатыванія, держа корректуру и помогая здѣсь всѣмъ, имѣвшимъ въ томъ нужду. На себя лично онъ расходовалъ очень мало и откладывалъ въ сторону заработанныя деньги.

— Pauvre jeune homme, говорила про него Вѣра Осиповна.

— Не жалѣйте его маменька, трудясь онъ выигрываетъ въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей, возражала дочь.

Часто утомленный дневною работою, Радужный заходилъ вечеркомъ въ кабинетъ къ Любви Дми-

тріевны и выпивалъ вмѣстѣ съ нею стаканъ чаю.

А она засматривалась на его красивое лицо. Особенно ей нравился его круглый лобъ, бѣлая кожа котораго не выдавала ни одной выпуклости или впадины. За тѣмъ она слѣдила за прихотливыми очертаніями его локоновъ, лоснившихся при свѣтѣ лампы, какъ мягкій, шелковистый пухъ. Любила она также смотрѣть на его правильный классическій носъ и на его свѣтлые голубые глаза, никогда не остающіеся въ покоѣ. Нравились ей его губы съ ихъ тонкими очертаніями, а такъ же его безпечный смѣхъ, при которомъ показывались два ряда бѣлыхъ зубовъ молодаго человѣка.

У дѣвушкѣ были всегда на готовѣ вопросы, которыми она закидывала словоохотливаго Радужкаго. И онъ разрѣшалъ ей сомнѣнія; а она благодарила его, привѣтливо жала ему руку и спокойно лажилась спать въ ожиданіи слѣдующей встрѣчи. Но онъ кажется не замѣчалъ, что происходило въ душѣ молодой Соболевой. Федоръ Гавриловичъ заходилъ къ ней поболтать, потому что чувствовалъ въ томъ потребность послѣ своей работы, которая продолжалась по двѣнадцати часовъ въ сутки; но онъ даже не всматривался въ ея лицо и былъ очень далекъ отъ всякой мысли сближенія съ дѣвушкой. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ думалъ только о скорѣйшемъ открытіи сыроварни

въ какой нибудь губерніи богатой лугами гдѣ молоко, за не имѣніемъ сбыта пропадаетъ у крестьянъ безъ всякой пользы. Радужный счелъ бы даже безнравственнымъ всякое ухаживаніе за кѣмъ-бы то ни было въ то время, когда его ждетъ дѣло, составлявшее тогда всѣ заботы молодаго человѣка.

А время летѣло среди дневной работы и вечерняго смѣха. Сближеніе между будущимъ сыроваромъ и Соболевою дѣлало видимые успѣхи, но Радужный все еще ничего не замѣчалъ.

— Вы знаете, сказала она ему однажды вечеромъ, что всѣ высказанныя ваши вещи составляютъ какъ будто продолженіе моихъ собственныхъ мыслей. Между нами существуетъ какая-то гармонія; не правда-ли это вамъ кажется страннымъ?

Федоръ Гавриловичъ поднялъ голову и ему показалось что въ ея глазахъ онъ подмѣтилъ какую-то напряженность; словно дѣвушка сдѣлала надъ собою усиліе и побѣдивъ въ себѣ скромность, рѣшила высказаться.

„А какой вздоръ“ подумалъ онъ и отвѣтилъ ей что-то, для того только, чтобы отвѣтить.

Возвращаясь домой онъ уже позабылъ объ этомъ еще дорогою.

Соболева на этотъ разъ осталась ночевать въ типографіи; ей хотѣлось поговорить съ Ларчиною.

— Теперь я подамъ вамъ совѣтъ протянула брюнетка, ложась въ постѣль.

— Да, скажите мнѣ что нибудь о Радужномъи Любовь Дмитріевна вытянулась на кушеткѣ.

— Онъ хорошій человѣкъ.

— И только?

— Но онъ не хочетъ васъ понять.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Нужно не торопиться.

— Это мило: но скажите для чего-же необходимы мои вздохи, для мелодрамы что-ли?

— Не для мелодрамы, а для того, чтобы дать ему время справиться съ своимъ дѣломъ и съ собою.

— Мнѣ кажется, что это совершенно лишнее.

— Вы такъ недавно еще давали мнѣ совѣтъ быть терпѣливою: я тоже вздыхала но все таки послушалась васъ и теперь мнѣ лучше.

— Да, вы умница, но я кажется не выдержу.

Ларчина погасила свѣчу и дѣвушки постарались заснуть.

«Надо спать—ужъ первый часъ» думала Соболева, но сонъ не являлся. Ужасное сомнѣніе засѣло въ ея головѣ и дѣвушкѣ представилось, что ея работа въ типографіи есть невинная забава, не приносящая никому пользы. Что могутъ значить десятки или даже сотни, изданныхъ ею книгъ? Онѣ уничтожатъ микроскопическую частицу зла, которое наростаетъ быстрѣе, чѣмъ хорошіе люди успѣваютъ изготовлять ему противоядіе. Это ко-

нечно не должно уменьшать заслугъ честныхъ дѣятелей, но развѣ они не похожи на купцовъ, чувствующихъ, что банкрутство ихъ неизбѣжно? Ей говорили, что банкрутство десяти человѣкъ вызываетъ на ихъ мѣсто цѣлую сотню другихъ предпринимателей, но въ доказательство справедливости этихъ словъ ей не показывали статистики, да она и не существуетъ для людей, потерпѣвшихъ пораженіе въ нравственномъ мірѣ; ихъ по прежнему считаютъ жителями извѣстныхъ государствъ; но лежатъ ли они подъ тяжестью апатіи, или дѣлаютъ общее дѣло?—это не извѣстно публикѣ. Значитъ въ подобныхъ вещахъ слѣдуетъ полагаться на слова тѣхъ, которыхъ убѣждаетъ въ этомъ ихъ чувствительный инстинктъ. И она задала себѣ вопросъ: «кому же я стану вѣрить и кто дастъ мнѣ силы продолжать начатое и не уклоняться отъ честнаго пути, среди соблазна, окружающей насъ жизни? Положимъ, мнѣ скучно сидѣть съ праздными болтунами и это подстрекаетъ меня къ работѣ теперь, но натура человѣка измѣнчива и если онъ теряетъ вѣру въ себя, то тогда все погибнетъ»...

Наступила тяжелая минута мучительной тоски.

«Ахъ—это такъ хорошо высказалъ мнѣ Радужный и она припомнила слѣдующія слова молодаго человѣка.

— Есть очень умные люди, не приносящіе никому никакой пользы. Мысль дѣлается плодо-

творною только тогда, когда мы съ умѣемъ раскалить ее нашимъ внутреннимъ жаромъ и усвоить ее всѣми фибрами нашего существа.

«Да, думала дѣвушка, но для этого надо любить». Она съ досадою заворочалась на кушеткѣ, и когда успокоилась, то почуствовала, что охладѣвшія ея члены начали согрѣваться внутреннею теплотою, ей сдѣлалось такъ хорошо.... она свободно раскинулась на кушеткѣ и снова вѣрила въ отрадное будущее.

«Я люблю, рѣшила она, и стану ждать; у меня на это хватитъ силъ». Съ этими словами Соболева задремала.

Вдругъ грудь ея заколыхалась, лицо покрылось жгучею краскою, ночной чепчикъ слѣтѣлъ на полъ и растрепавшіеся волоса запрыгали по ея дрожавшимъ плечамъ. Такъ въ природѣ, среди совершеннаго покоя вдругъ задуетъ теплый ветерокъ; играя съ листьями онъ уноситъ тучки заслонявшія солнце и тогда его освобоженные лучи возвращаютъ мощную жизнь задремавшему ландшафту.

— Что же это? спрашивала себя Любовь Дмитріевна, усаживаясь на кушеткѣ.

Она вздохнула полною грудью, здоровая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Дѣвушка вскочила со своего мѣста и забѣгала по комнатѣ. Въ эту минуту лично для нея не было ничего дорогаго: она

хотѣла бѣжать къ Федору Гавриловичу, пожертвовать ему свою молодостью, а жизнь свою посвятилъ тому дѣлу которое онъ изберетъ. Не ловкимъ движеніемъ руки она разорвала грудь своей рубашки и прекрасная какъ сама жизнь, не отмѣченная пошлостью тупыхъ людей, Соболева бросилась въ кресло.

Заботливая Ларчина зажгла свѣчу.

— Что съ вами? вы хороши, какъ ангелъ, сказала она своей подругѣ.

— Подождите—это сейчасъ пройдетъ.

Дѣвушки кинулись въ объятья другъ другу, онѣ горячо поцѣловались и еще долго, долго разговаривали...

Вскорѣ послѣ этой ночи Радужный уѣхалъ изъ Петербурга.

Въ три мѣсяца онъ успѣлъ отложить въ сторону 500 рублей и съ этими деньгами открылъ первую сыроварню на артельныхъ началахъ. Прощаясь съ нимъ Любовь Дмитріевна выдержала себя молодцемъ, но тѣмъ не менѣе просила его начать съ нею переписку, которая, какъ она думала, будетъ весьма оживленною. Однако надѣжды ея не сбылись и переписка, начатая вскорѣ послѣ его выѣзда изъ Петербурга, совершенно истощилась въ какіе нибудь два года. Это опечалило было дѣвушку, потомъ она обжилась съ этимъ фактомъ и тогда надумала посѣтить Федора Гавриловича. Планъ

этотъ былъ одобренъ Ларчиною. Написали письмо сыровару о томъ, что дѣвушки хотятъ познакомиться съ его дѣятеляностію; онъ отвѣтилъ, что приметъ гостей съ распростертыми объятіями. Приготовленія къ дорогѣ были скоро кончены и послѣ трехъ лѣтней разлуки, Соболева съ замираніемъ въ сердцѣ полетѣла къ нему на свиданіе.

ГЛАВА IX.

Радужный въѣхалъ въ Дуброво въ концѣ Апрѣля. Вмѣсто всякаго багажа дядя Матвѣй съ удивленіемъ вытащилъ изъ телѣги мѣдный котелъ, казенное ведро, клейменныя кружки и другія принадлежности сыроваренья.

— Да ты никакъ изъ торгующихъ? спросилъ онъ своего постояльца, занявшаго одну изъ двухъ избъ хозяина.

— Нѣтъ, я не торгую, а сыръ стану варить.

— Гмъ.... значить коровъ зависти думаетъ?

— Зачѣмъ мнѣ ихъ заводить; у васъ въ селѣ ихъ двѣсти тридцат штукъ?

— Дивное же дѣло ты надумалъ, только эта забава много твоихъ денегъ поѣстъ.

— Я думаю, что буду еще въ барышахъ.

— Давай Богъ и покачавъ головою хозяинъ направился къ двери.

— Вотъ еще что Матвѣй: мнѣ нужно печку твою передѣлать.

— Дѣлай, какъ тебѣ надо, только когда переѣзжать станешь съ квартиры, то опять устрой въ ней все, какъ было.

— Хорошо.

Хозяинъ вышелъ и на всѣ распросы своей бабы о постояльцѣ, отвѣчалъ что человѣкъ онъ дивной.

— А изъ какихъ онъ? любопытствовала старуха.

— Я такъ полагаю, что онъ изъ обнищавшихъ господъ; потому руки у него такія бѣлыя, ну и сама чай слышала, поговорка то у него дворянская: совѣта не спрашиваетъ и наровитъ все по своему сдѣлать.

— Тоже и ихнему брату круто приходитъ; что же?... теперь какъ крѣпостныхъ отняли, такъ имъ прежнихъ льготъ то ужъ нѣтъ, и баба сморщила свое лицо, которое и безъ того было похоже на старый грибъ.

— Вишь, печку хочетъ ломать! сказалъ Матвѣй.

— Ахъ онъ озорникъ, да онъ намъ бѣды надѣлаетъ—вѣдь всяко бываетъ.

— Пусть тѣшится, а бѣда не большая, что намъ печь перестроитъ: можетъ поставитъ дворянскую, такъ ты у меня заживешъ на господскій манеръ; платье себѣ купишъ, да хвостомъ то всю грязь съ улицы сметешъ. Вѣдь бабы, сама знаешъ: прихотницы, поставитъ мужикъ печъ дворянскую; они и захочетъ барыней нарядится.

— Ты вотъ что Матвѣюшка, откажи этому человѣку. Богъ съ нимъ и съ деньгами его за фатеру не ровенъ часъ: пожару надѣлаетъ, али что другое начудитъ—тогда пропали наши головушки.

— Это ты все пустое мѣлешь баба; за это я ему отказывать не стану; а вотъ ежели онъ у меня печь перестроитъ на дворянскій манеръ, то двухъ дней не продержу его въ домѣ, потому, баба дурить зачнетъ и отъ рукъ отобьется; она хотя и старая, а теперь все же хлѣбы мнѣ мѣситъ, а тогда басто: ни за какое дѣло взяться не захочетъ.

— Полно болтать-то тебѣ песъ, на свою шею смотри наговоришъ; потомъ уже не отвернешъ бѣды назадъ какъ теперь на своеволіе потачку дашъ постояльцу.

— Наша шея мужицкая, вали на нее что хошъ все вынесетъ; однако я баба спать стану, а ты маленько помолчи.

— Ну смотри; будешъ послѣ пѣнять на себя!

— Тебѣ сказано—спать хочу; отдохнувши надо бороны править; видишь люди пашутъ подъ ярь.

— Старый ты человѣкъ, а толку себѣ не нажилъ.

— Ай Лукерья, не тревожъ мою сѣдую бороду!

— Песъ, повторила баба и вышла на улицу подѣлиться съ міромъ православнымъ своимъ великимъ горемъ.

На улицѣ она разсказывала всѣмъ, что при-

ѣхалъ въ деревню такой человѣкъ, какого еще не видывали; сталъ онъ у нихъ въ постояльцы, и всѣ порядки въ домѣ уничтожилъ. Общее вниманіе было возбуждено и въ этотъ вечеръ народъ, окончивъ свои домашнія работы, началъ толпиться подлѣ Матвѣевой избы. На распросы любопытныхъ, хозяинъ отдѣлывался шуточками, и ссылался на свою бабу, которая у него всѣ дѣла знаетъ.

Радужный, приведя въ порядокъ свои пожитки, вышелъ на крыльцо и снявъ шапку поклонился народу.

— Здравстуйте братцы! сказалъ онъ.

— Здарово голубчикъ!

— Здравстуй хорошій человѣкъ!

Послышались голоса со всѣхъ сторонъ.

Николай выдвинулся впередъ.

— Что любезный человѣкъ, никакъ надумалъ ты въ вашемъ мѣстѣ жить? спросилъ онъ

— Да, говорятъ вы люди хорошіе.

— Али гдѣ про насъ слышалъ?

— Конечно слышалъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: ѣхалъ я изъ далекаго мѣста, да дорогой у каждаго встрѣчнаго спрашивалъ: „гдѣ тутъ любезный мой, хорошіе люди живутъ?“

— Такъ на насъ тебѣ и показали; не вѣрю я этому.

— Ты слушай до конца. Вотъ я спрашивалъ такъ у всѣхъ, а мнѣ отвѣчали: „ступай дальше". Много я такъ проѣхалъ; а какъ добрался до васъ, то передъ селомъ встрѣтилъ дряхлую бабу и она мнѣ сказала, что здѣсь много хорошихъ людей живетъ; ну а самъ знаешь, старый человѣкъ врать не станетъ.... По этому я у васъ и остановился.

— Гмъ.... и Николай не сразу нашелся; а другіе крестьяне заключили, что Федоръ Гавриловичъ человѣкъ бойкій и должно полагать бывалый.

— Чтожъ, промышлять чѣмъ будешь, али землю возмешъ? спрашивали его обыватели.

— Буду я братцы сыры варить изъ вашего молока; за ведро стану платитъ вамъ по 30 копѣекъ серебромъ, а кто много принесетъ мнѣ молока, тому подъ конецъ года еще на бавку сдѣлаю.

— Эва какой разъ, замѣтили крестьяне.

— Когда же это дѣло начнется? спросили они.

— А вотъ печку въ квартирѣ передѣлаю—и молоко принимать стану. Нужны мнѣ теперь печникъ и бочаръ; да смотрите мальчиковъ въ ученики давайте мнѣ.

— Есть у насъ въ деревнѣ такіе люди, что и печь сдѣлаютъ и мальчиковъ въ ученье отдадутъ, коли прибыльно будетъ.

— Ну и хорошо.

За тѣмъ разспросы продолжались очень долго,

но со стороны крестьянъ было замѣтно недовѣріе; многіе изъ нихъ ясно его высказывали.

— Ахъ-ти какой хорошій, замѣтила одна молоденькая баба, любуясь Федоромъ Гавриловичемъ.

— Вотъ-бы съ кѣмъ побаловаться дѣвушки, восхищалась имъ другая женщина съ рябоватымъ лицомъ.

— А и обносившись онъ желанный, соболѣзновала молодица, осматривая подранное пальто Радужнаго.

Начинало темнѣть и народъ разошелся, а Федоръ Гавриловичъ долго еще стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ. Онъ переживалъ тогда не пріятное чувство человѣка, выставленнаго на показъ равнодушной публикѣ. Симпатію Дубровскихъ жителей приходилось заслужить тяжелымъ трудомъ, который необлегчится ни однимъ словомъ горячаго сочуствія до тѣхъ поръ, пока плоды его не выразятся въ извѣстномъ барышѣ домохозяевъ; чтото тяжелое стѣснило ему грудь и онъ почувствовалъ себя одинокимъ; но это состояніе длилось только нѣсколько минутъ; скоро молодой человѣкъ уже насвистывалъ веселый народный мотивъ.

На слѣдующій день печникъ окончилъ свою работу; а бочара Федоръ Гавриловичъ сговорилъ къ себѣ на цѣлый мѣсяцъ. Какъ только началась его работа, Радужный совсѣмъ повеселѣлъ; онъ завелъ книжечки для каждаго хозяина и одну общую

для себя. Небывалая цѣна на молоко побуждала бабъ дѣлать тщательные скопы и тотчасъ же относить ихъ къ сыровару, который засчитывалъ имъ каждую кружку молока.

Труднѣе всего было пріучить крестьянъ къ опрятности; посуда, въ которой они приносили молоко, упорно сохраняла свой характеристическій запахъ, который не смотря на всѣ заботы сыровара не могъ быть изгнанъ въ продолженіи всего перваго года его полезной дѣятельности.

Лѣто и осень быстро миновали; зимою молочные скопы уменьшились и Радужный началъ думать о сбытѣ своего товара. Онъ нашелъ что удобнѣе всего продавать его въ Москвѣ и дѣйствительно кончилъ годовой оборотъ тѣмъ, что далъ по 17 рублей серебромъ доходу съ каждой коровы, хозяева которой снабжали его всѣмъ молокомъ отъ своихъ стадъ; кромѣ того ему за хлопоты осталась 200 рублей сер. Получивъ добавочные деньги, крестьяне пришли въ восторгъ; они выразили Радужному свою благодарность и долго еще разсуждали о томъ, что Господь нежданно послалъ имъ такого человѣка, который умомъ своимъ всю округу прокормитъ.

Съ тѣхъ поръ дядя Матвѣй повадился называть своего постояльца бариномъ протесты котораго въ этомъ отношеніи оставались безъ всякихъ послѣдствій.

— Ай, ай, много намъ еще толку нужно накопить въ свою голову, если думаемъ жить по людски! воскликнулъ однажды Матвѣй, сидя на прилавкѣ у воротъ своего дома, рядомъ съ Федоромъ Гавриловичемъ подлѣ котораго собрался народъ.

— Ну такъ чего же ты пугаешся? научиться не тебѣ конечно, а молодому очень легко и хорошо, если есть къ тому охота, отвѣтилъ сыроваръ.

— Люди мы тѣмные, а потому и подлецы: иной и радъ бы честно сдѣлать; а натворитъ такихъ дѣловъ, что названья къ нимъ къ поганымъ не подберешъ.

— Чего ты распинаешся сегодня; али кому нибуть вмѣсто лошади одну шкуру продалъ?

— Нѣтъ баринъ, теперь за мною такихъ дѣловъ уже не водится, съ молоду грѣшенъ былъ— оно точно; ну а теперь слава Богу живу при достаткѣ: мазурничить не приходится.

— Хорошо ты мужикъ сытный, такъ тебѣ легко по Божески всякую штуку обсудить; а теперь если кто бѣдный человѣкъ, ну какъ ему безъ фальши жить? не укради онъ чего— въ томъ всегда недостатокъ у него будетъ, потому купить не на что, вмѣшался Николай, который очень любилъ заговаривать съ Радужнымъ и удивлялся, почему это сыроваръ не болта-

етъ съ нимъ такъ же, какъ съ Матвѣемъ и со всякимъ другимъ.

— Пустое ты говоришъ; все это дѣло отъ того кто къ чему привыкъ. Вотъ та деревня изъ которой ты къ намъ приписался, вся одними ворами населена; я братъ правду люблю говорить. Какъ гдѣ завидятъ твоихъ земляковъ, такъ ужъ бабы и прячутъ всякую стоющую вещь: ,,Горскіе, говорятъ онѣ идутъ, не равно украдутъ". А вотъ въ нашемъ селѣ воровства крупнаго почти никогда не случается; а если и таскаютъ что помѣлочи, такъ себѣ пустяки какія нибуть, то больше одни ребята балуютъ. А по ихъ ўгодью Горскимъ не въ примѣръ льготнѣе нашего жить-то можно; такъ ли я братцы дѣло это говорю? и старикъ осматрѣвалъ слушателей.

— Такъ, такъ, подтвердили собравшіеся сосѣди дяди Матвѣя.

— Правду говоритъ народъ: что ,,бѣдность плохой учитель," но крадутъ много и безъ нужды, потому что другіе люди попускаютъ сами себя обирать поглупости, замѣтилъ Радужный.

— Я говорю мужикъ сѣръ а умъ его не волкъ съѣлъ, но только тѣмнота наша всему виною. Вотъ напримѣръ, хотя бы твое дѣло, Федоръ Гавриловичъ.

— Онъ братъ намъ не чета, перебилъ его

сгорбленный старикъ, одинъ изъ мѣстныхъ старожилъ.

— Погоди дѣдъ, я не къ тому эту рѣчь веду.

— Ну, ну валяй пока думаемъ; а думать перестанешъ, такъ лучше молчи, или къ бабамъ поди.

— Вотъ говорю, Федоръ Гавриловичъ къ намъ пріѣхалъ прошлаго года, ну человѣкъ онъ не какой нибудь: сила мощная; а мы на первыхъ порахъ облаяли его по собачьему, да и все тутъ.

Матвѣй сплюнулъ и покачнулся.

— Ну гдѣ жъ облаяли? не было этого; вмѣшался Радужный.

— Нѣтъ знаю что облаяли; надо дѣло сказать, я первый грѣшный человѣкъ въ сомнѣніе вошелъ, баба моя съ квартиры согнать его хотѣла; Николай прощелыгою прозвалъ, Алексей—тотъ къ становому хотѣлъ его вести.

Алексѣй, высокій и стройный мужикъ, лѣтъ тридцати, съ откладистою черною бородою и бѣлымъ осмысленнымъ лицомъ, былъ первый грамотѣй въ Дубровѣ и шорное мастерство достовляло ему хорошіе средства. Находясь въ числѣ присутствующихъ, онъ былъ видимо смущенъ.

— Мы и не думали, что изъ васъ такой человѣкъ выйдетъ, сказалъ онъ запинаясь.

— Я никого братцы и не виню, дѣло это понятное.

Радужный снисходительно улыбнулся и весело осмотрѣлъ публику.

— Одинъ Фролъ Филатовичъ, по божески правдиво уговаривалъ народъ: "что вы молъ дураки смущаетесь? деньги вамъ платятъ; такъ какое кому дѣло до всего прочаго; вы бы лучше пошли да поблагодарили хорошаго человѣка за то что онъ объ васъ заботу имѣетъ. Вотъ онъ здѣсь на лицо что мнѣ лгать-то, не такой онъ старикъ, потому правду любитъ, и Матвѣй указалъ на сторожилу.

Старикъ крякнулъ и замахалъ руками.

— Брось Матвѣй Гавриловичъ, что объ этомъ толковать? сказалъ онъ дряблымъ голосомъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другой предметъ и въ тотъ день Федору Гавриловичу удалось настоять на томъ, чтобы крестьяне завели школу. Въ первый же праздникъ міромъ положено было выстроить особое зданіе для училища и нанятъ въ него понаморя преподователемъ.

ГЛАВА X.

Видя успѣхъ своего дѣла, Радужный, въ первый же годъ своей дѣятельности, написалъ о немъ

подробный отчетъ и отправилъ рукопись въ «Сельско-хозяйственный Журналъ».

Статья его произвела благопріятное впечатленіе въ Русскомъ Экономическомъ Обществѣ, которое, извѣстивъ его о своемъ сочуствіи къ дѣлу артельныхъ сыроварней, предложило Федору Гавриловичу 1,500 рублей ежегоднаго содержанія и ассигновало сумму въ три тысячи для устройства сыроваренъ въ другихъ деревняхъ. Съ этаго момента дѣятельность Радужнаго приняла широкіе размѣры: онъ былъ заваленъ просьбами различныхъ земствъ и отъ учениковъ не было отбою. Къ концу втораго года, онъ уже устроилъ особый складъ въ Москвѣ и пріобрѣлъ себѣ много помощниковъ, одушевленныхъ одинаковыми съ нимъ стремленіями. Въ тотъ день, въ который мы застали его въ началѣ этого романа, онъ долго сидѣлъ задумавшись на порогѣ своей сыроварни, потомъ всталъ и прошолъ на скотный дворъ, гдѣ стояла пара его гнѣдыхъ жеребцовъ. Федоръ Гавриловичъ потрепалъ ихъ по шеѣ и подкинулъ имъ свѣжей травы.

— Завтра задамъ вамъ ходу: поѣдимъ смотрѣть, что дѣлаютъ наши молодые сыровары, сказалъ онъ и снова задумавшись вошелъ въ свою комнату, которую завоевалъ у дяди Матвѣя. Старикъ не имѣлъ дѣтей: онъ жилъ со своею женою и съ племянницею, Настею, которую взявъ къ себѣ

въ домъ. Дѣвушка тоже была ученицею Радужнаго, который въ первый годъ обучалъ его грамотѣ, а во второй сыровареныю. Потому что его семья была не велика, хозяинъ согласился уступить постояльцу и другую свою избу, а самъ перебрался въ баню. Въ ней онъ вырубилъ окна, перемѣнилъ полъ и поправилъ крышу; париться же въ субботные дни старикъ сталъ ходить къ сосѣду.

Федоръ Гавриловичъ оченъ мило убралъ свою комнату, въ которой порядокъ поддерживался заботами Насти, служившей у него и работницею. Большой круглый столъ орѣховаго дерева, на которомъ лежали новыя газеты, этажерка съ книгами турецкій диванъ, мягкое кресло и два коврика составляли всю ея мебель, но послѣдняя была расположена такимъ образомъ, что ее нельзя было перемѣстить безъ того чтобы не нарушить общей симметріи.

Радужный, переступивъ порогъ, окинулъ свое убѣжище быстрымъ взглядомъ и по прежнему оставался сосредоточеннымъ. Кажется все шло хорошо, но онъ былъ чѣмъ-то не доволенъ и въ послѣднее время самыя безобидныя вещи раздражали его иногда. По временамъ, въ минуты отдыха и даже за работою, у него кружилась голова и онъ ничего не видѣлъ передъ своими глазами. Черезъ нѣсколько мгновѣній онъ успокоивался, но вдругъ сердце его начинало биться сильнѣе, кровь горя-

чею волною приливала къ лицу; ему казалось что его ласкаетъ чья-то нѣжная рука и молодому человѣку становилось такъ хорошо, что въ такія минуты ему чудилось будто цѣлый свѣтъ принадлежитъ ему одному, да еще тѣмъ добрымъ существамъ, которыя нѣжатъ его слухъ такими звучными, хорошими словами. Въ нихъ слышался веселый призывъ къ новой, хорошей жизни.

— Глупое состояніе, бранился онъ и все таки смѣялся безпечнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.

Но мало по малу сердце начинало биться нормальнѣе, кровь отхлынывала отъ лица и молодой человѣкъ чувствовалъ такую пустоту во всемъ своемъ организмѣ, что ему казалось будто жизнь его начинаетъ замирать.

Онъ снова бранился, но это не всегда ему помогало.

«Что мнѣ еще нужно?» думалъ онъ входя въ свою комнату и Радужный припоминалъ свои студенскіе кутежи: сначала они являлись ему всегда въ розовомъ свѣтѣ, но когда онъ вникалъ въ ихъ подробности ему становилось совѣстно за свои юношескія проказы и онъ не понималъ, какъ онѣ могли его развлекать. За тѣмъ передъ нимъ мелькали образы дорогихъ пріятелей.

— Все не то, говорилъ онъ.

Знакомыя женскія лица проносились мимо въ одуряющемъ его вихрѣ. Радужный вглядывался

въ своихъ пріятельницъ, особенно долго останавливался онъ передъ прекраснымъ образомъ Соболевой и какъ бы жалѣя о чемъ-то нерѣшительно произносилъ свое заученное:

— Все не то!

Ему хотѣлось очутиться лицомъ къ лицу съ чѣмъ нибуть фантастическимъ, самобытнымъ и выходящимъ вонъ изъ ряда,—всегдашнее несбыточное желаніе молодыхъ людей, еще ни разу не любившихъ женщину. Федору Гавриловичу казалось, что на двадцать седмомъ году онъ начинаетъ понимать значеніе словъ: «личное счастье».

Но чтоже же ему было нужно?

На дворѣ послышался голосъ Насти. Она пѣла хороводную пѣсню чистымъ контръ-алтомъ.

Радужный просіялъ и весело стукнулъ въ окно.

— Подожди, сейчасъ прійду! отозвался пѣвшій голосъ.

Скоро дверь широко распахнуласъ, скрипнула и быстро захлопнулась. Въ комнату вошла стройная дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она была средняго роста и толстая черная коса, заплѣтенная въ цвѣтныя ленты, огибала ей плечо и скользила вдоль высокой, дрожащей груди крестьянки; эта коса хватала у нейдо самого пояса. Круглая загорѣвшая шея, дышавшая магучимъ здо-

ровьемъ, высоко поднимала ея смуглое лицо съ двумя чернами глазами, блистѣвшими тою безпечностію, каторой такъ часто завидуютъ дѣти нашего цивилизованнаго вѣка. Своимъ вздернутымъ носомъ съ тонками раздутами ноздрями, она могла сильно вдыхать въ себя чистый лѣсной воздухъ. Черныя брови то и дѣло подергивались судорожнымъ движеніемъ ея румяныхъ щекъ. Настя видимо хотѣла веселиться, пѣть, и плясать; благо сегодня день праздничный. На ней была надѣта тонкая, каленкоровая рубашка и розовый ситцовый сарафанъ, перехваченный золотымъ поясомъ не много выше таліи. Малодымъ человѣкомъ овладѣла какая-то дикая веселость, какъ будто дѣвушка внесла съ собою потокъ весенняго, луговаго воздуха, ароматъ котораго такъ и кружитъ молодыя головы.

— Что ты здѣсь сидишъ, какъ затворникъ? спросила Настя, поправляя свой бѣлый передникъ съ красною каймою.

— Да что жъ мнѣ дѣлать-то? Въ хороводъ идти не хочется.

— А тамъ твои ученики отхватаваютъ такъ въ присядку, что ходить имъ въ сапогахъ безъ каблуковъ.

— На улицѣ и я сидѣлъ, да ужъ наскучило.

— Поѣдемъ со мною въ лодкѣ на ту сторону и дѣвушка дернула его за руку.

— Хочешъ я тебя подниму, какъ груднаго ребенка, сказалъ Радужный, которому захотѣлось прижать Настю къ своей груди и ласкать ее и нѣжить.

Нашелъ съ кѣмъ нянчиться, комично выговаривала ему дѣвушка, которой въ душѣ очень понравилась эта новая любезность, не извѣстная деревенскимъ парнямъ.

Федоръ Гавриловичъ схватилъ ее на руки и заходилъ по комнатѣ съ пріятною для него ношею.

— Вишь—ты, что вздумалъ окаянный! смѣялася Настя, не оказывая ему сопротивленія.

— Понесу тебя къ порогу да и брошу тамъ, шутилъ молодой человѣкъ.

— Ну такъ что же? бросай, если хочешь.

— Ты не боишся ушиба?

— Если ушибешь, такъ по крайней мѣрѣ память о себѣ оставишь.

— А ты хочешъ меня помнить?

— Ты человѣкъ стоющій,—о тебѣ не грѣхъ вспомнить.

— Я не хочу, чтобы ты имѣла обо мнѣ дурное воспоминаніе и потому не брошу тебя.

— Право брось; чѣмъ больнѣе ушибусь, тѣмъ дольше стану тебя помнить.

— Нѣтъ, ты такъ обо мнѣ помни.

— Не хочу я помнить тебя такъ, безъ ничего и

прежде, чѣмъ Радужный успѣлъ отвѣтить, она развѣла его руки и грохнулась объ полъ. Хозяинъ успѣлъ только поддержать ей голову.

— Вотъ такъ лучше, сказала она вставая и придерживая себѣ правый бокъ.

— Ты дѣлаешь глупости Настя.

— Это не глупости.

— Такъ что-же?

— Это ужъ такъ.... для тебя.

— Мнѣ совсѣмъ не нужно, чтобы ты была калѣкою: вѣдь болитъ бокъ?

— Ничего не болитъ, все прошло.

— Ну, пойдемъ къ лодкѣ.

Федоръ Гавриловичъ надѣлъ фуражку и они отправились. Миновавъ дворъ, онъ открылъ не большую калитку и молодые люди вошли въ садъ съ фруктовыми деревьями. Дядя Матвей насажалъ ихъ здѣсь болѣе сотни; а дальше по береговому склону, разросся дѣдовскій хмѣльникъ. Пройдя его сыроваръ открылъ другую калитку и они очутились на крутомъ уступѣ, спускавшемся къ водѣ. Извилистая тропинка по утоптанному песку довела ихъ до лодки, подвязанной къ высокому засмоленному столбу. А внизъ по спокойному теченію рѣки спускались барки, плывшія какъ будто по собственному произволу: на нихъ не было видно людей. Только по временамъ дюжіе работники съ баграми въ рукахъ словно выростали на палубахъ;

въ неподвижной атмосферѣ раздавался ихъ дружный крикъ, послушная барка качаясь подавалась на середину рѣки, за тѣмъ работники скрывались и снова воцарялась всеобщая тишина.

Дѣвушка не ожиданно толкнула Радужнаго въ лодку; онъ зацѣпился ногою за поперечную ея скамейку и упалъ на смоленный бортъ. Волна съ шумомъ и брызгами отскочила отъ лодки, добѣжала до Настиныхъ ногъ и замочила ей новыя башмаки изъ глянцовитой, козловой кожи.

—Что ты брызгаешся? шутливо выговорила ему дѣвушка.

— Толи еще будетъ! Поди сюда, такъ я тебя еще помочу, отвѣчалъ онъ и ловко вскочилъ на ноги.

— Смотри: испугалась я твоей мочки, сказала дѣвушка и прыгнула въ лодку, заходившую во всѣ стороны. Онъ взялъ ее въ охапку, приподнялъ на воздухъ и черезъ корму началъ опускать ее въ воду. Дѣвушка барахталась и веселый ея смѣхъ откликался съ противоположнаго берега.

— На этотъ разъ довольно, проговорилъ Федоръ Гавриловичъ.

Настя только коснулась ногами до воды. Молодой человѣкъ подкинулъ ее вверхъ, ловко поймалъ дѣвушку и прижавъ ее къ груди, посадилъ на корму.

— Только-то и было? спросила она.

— Не топить-же тебя въ самомъ дѣлѣ.

— А то не бось жалко сдѣлается, если потопишь?

— Зачѣмъ тебя топить такую молодую?

— Молодыя всякія бываютъ. Чтожъ что молода, да для тебя не пригожа?

— Нѣтъ, я этаго не говорилъ — ты дѣвушка какъ быть слѣдуетъ.

Глаза ихъ встрѣтились и они весело засмѣялись.

— На тебѣ весло, Настя; правь лодкою, а я стану грести, распорядился Радужный и скоро они очутились на серединѣ рѣки.

— Какая у тебя силища: если такъ посмотрѣть на тебя, то и не подумаешъ этаго никогда, замѣтила Настя, любуясь широкими размахами веселъ, которыя по временамъ даже трещали отъ усилій гребца.

— А что? любопытствовалъ онъ встряхивая кудрями.

— Видишь ширь какая, а мы половину уже проскочили въ одну минуточку.

Они причалили къ противоположному берегу, ровному какъ степь. Здѣсь весенняя вода разливалась болѣе чѣмъ на десять верстъ и однообразная зелень травы поражала человѣка, не прывыкшаго къ такому ландшафту. Чѣмъ то унылымъ и не привѣтливымъ пахнуло на Радужнаго отъ этаго роскошнаго, зеленаго луга. Ему припомнились жители сѣверной Голандіи, съ монотонными одно

звучными отвѣтами и съ ихъ неподвижностью, которой они обязаны своей однообразной и унылой степи. Картины Руйсдаеля, виденныя имъ въ Амстердамѣ, такъ и выросли передъ глазами Федора Гавриловича. Онъ взглянулъ на подвижное лицо Насти, собиравшей луговые цвѣты, и ему снова сдѣлалось весело.

«Нѣтъ нашъ, народъ не похожъ на сѣверныхъ Голандцевъ подумалъ онъ, унасъ есть всякія мѣстности». И идя вслѣдъ за дѣвушкою, молодой человѣкъ схватилъ ее за руку въ тотъ самый моментъ, когда она собиралась сорвать замѣченный ею цвѣтокъ.

— Какой онъ проворный, словно бесъ, шутила Настя.

—Я хочу тебя разсердить.

— Не добьешся другъ до этого; ну да ладно, мнѣ не нужно болѣе цвѣтовъ, тутъ ихъ уже довольно.

Настя сѣла, нагнулась надъ своимъ передникомъ съ цвѣтами и начала плѣсти вѣнокъ. Радужный прилегъ къ ней съ боку и по временамъ подергивалъ ее за локоть.

— Вотъ бѣсъ-то: вѣдь онъ не дастъ мнѣ дѣло кончить, говорила она съ шутливою важностью

— Велико твое дѣло—цвѣты плѣсти.

— Ну пожалуйста не мѣшай; сейчасъ кончу.

— Изволь.

Нѣсколько минутъ Радужный молча любовался

окружавшею его гладью; онъ уже примирился съ нею.

Настя кончила свое дѣло и положила вѣнокъ на голову молодаго человѣка, который сдѣлалъ движеніе чтобы снять его.

— Постой, чего ты? закричала дѣвушка и Федоръ Гавриловичъ опустилъ свою руку.

Настя запѣла:

Во саду-ли во садикѣ,
Росла трава мята,
Росла трава мята
Да вся поломята.
А кто унасъ холостъ,
А кто унасъ не женатъ?
Ѳедюшенька холостъ
Гавриловичъ не женатъ,
Онъ хорошъ уродился,
Хорошъ обрядился,
Въ зеркало глядится:
Самъ себѣ дивится.
На коня садится,
Конь тотъ веселится.
Онъ лугами ѣдитъ:
Луга зеленѣютъ;
Онъ садами ѣдитъ
Сады разцвѣтаютъ,
Онъ лугами ѣдитъ....
Луга зеленѣютъ и т. д.

Дѣвушка пѣла, а сама не спускала глазъ съ молодаго человѣка, которому дѣйствительно шелъ какъ нельзя болѣе этотъ пестрый вѣнокъ изъ луговыхъ цвѣтовъ.

— Твоей милости пѣсня пропѣла, сказала Настя. продолжая заглядываться на своего товарища.

— Это значитъ что нужно деньги платить?

— Такой уже обычай.

— На тебѣ, сыроварь вынулъ изъ кармана первою попавшуюся ему бумашку и подалъ ее дѣвушкѣ.

— Чортъ, береги ее для себя, а мнѣ дай гривенничекъ и вырвавъ кошелекъ изъ его рукъ она достала изъ него серебрянную монету, а бумашку вложила назадъ,

— На тебѣ, и дѣвушка бросила ему кошелекъ.

— Ты чего кидаешся? спросилъ онъ.

— Авотъ хочу такъ.

— Подожди: я тебѣ задамъ!

— Не боюсь—я братъ убѣгу.

— Ай догоню!

— Ну-тка—сунься! Настя быстро вскочила и помчалась. Федоръ Гавриловичъ пустилъ дѣвушка не много впередъ, потомъ сталъ нагонять ее. Онъ уже настигалъ Настю, какъ вдругъ въ двадцати шагахъ онъ него, она изчезла за травою. Молодой чеговѣкъ ускорилъ свой бѣгъ и сразу очутился передъ небольшимъ оврагомъ, на другой сторонѣ котораго висѣла Настя; руки ея были на землѣ, а ногами она цѣплялась за глинистый откосъ оврага. Онъ быгъ не шире двухъ аршинъ съ половиною. Радужный съ разбѣгу перескочилъ его шутя,

и подбѣжалъ къ Настѣ. Дѣвушка смѣялась надъ своимъ безсиліемъ.

— Вотъ глупая дѣвка, на землю выполсти неможетъ, говорила она. Федоръ Гавриловичъ помогъ ей выбраться.

— Зачѣмъ ты бѣжала въ эту сторону — тебѣ вѣрно извѣстны здѣсь всѣ овраги? упрекалъ онъ ее.

— Да какъ же — узнаешъ ихъ? каждую весну все новые вырываетъ вода.

— Ну хорошо,—когда ты увидѣла оврагъ, то могла бы остановиться.

— Какъ-бы не такъ: да я съ разбѣга думала, что перескачу два такихъ подъ рядъ. А ты смотри вѣнокъ-то твой гдѣ лежитъ. Настя наклонилась надъ оврагомъ; на днѣ его глубиною около полуторы сажени лежали сплетенные ею цвѣты.

— Это уже мое дѣло достать вѣнокъ, сказалъ Радужный и его такъ и подмывало соскочить внизъ.

— Брось озарникъ, я тебѣ другой сплѣту.

— Ненужно мнѣ другаго.

«Я думаю можно, разсуждалъ онъ про себя; дно сухое и мягкое; а я въ гимнастическомъ залѣ въ Петербургѣ я скакалъ съ лѣстницы, высотою въ сажень и одинъ аршинъ». Федоръ Гавриловичъ подошелъ къ краю оврага и оттолкнулся ногами впередъ для того, чтобы падая не задѣть за его стѣнки.

— Ахъ-ти! крикнула Настя; она всплѣснула руками и нагнулась надъ оврагомъ.

Радужный долетѣлъ до дна, коснулся земли носками, потомъ всталъ подошвами и согнулъ колѣни.

Тѣмъ не менѣе въ глазахъ у него помутилось. Онъ зашатался и долженъ былъ употрибить значительное усиліе для того, чтобы овладѣть собою.

— Я живъ, чего ты испугалась? крикнулъ онъ, поднялъ вѣнокъ и пошелъ по дну оврага; дѣвушка слѣдила занимъ по берегу. Пройдя не болѣе полуверсты, оврагъ раздробился на нѣсколько отлогихъ рукавовъ, и Радужный благополучно выбрался на землю. Онъ чуствовалъ себя хорошо и путешествіе за вѣнкомъ не имѣло для него дурныхъ послѣдствій.

— Какой-же ты смѣлый, похвалила его Настя.

— За то и вѣнокъ у меня въ рукахъ.

— Не только вѣнокъ, да и дѣвка кажется неминуетъ твоихъ рукъ. Въ груди молодаго человѣка кровь сильно закипѣла; голова его закружилась; онъ хотѣлъ обнять и разцѣловать дѣвушку, но на на этотъ разъ какъ-то удержался.

Солнце уже садилось, когда они подошли къ лодкѣ, сѣли въ нее и начали переправляться къ дому.

„Я дѣлаю глупость, разсуждалъ онъ работая веслами, нужно прежде всего обдумать то чѣмъ всѣ это кончиться: могу ли я сдѣлать ее счасливою; могу ли примириться съ такой женою?“

Онъ пересталъ грести и лодку понесло внизъ по теченію.

— Али ты надумалъ въ Нижній плыть? спросила Настя.

— Нѣтъ не въ Нижній, а толко вечеръ такъ хорошъ, что хочется подолше пробыть на рѣкѣ.

Настя снова запѣла извѣстную Русскую пѣсню, мотивъ который принадлежитъ однако Малороссіи:

Ты кумушка, ты голубушка
Кума моя, кума моя
Кума душечка!
И сегодня горохъ, да и завтра горохъ,
Прійди прійди мой миленькій, да постой у воротъ.
Ты кумушка и т. д.
И сегодня галушки, да и завтра галушки,
Прійди прійди мой миленькій на пуховой подушки;
И сегодня кулишъ, да и завтра кулишъ
Прійди прійди мой миленькій мое сердце потешъ.

Послѣ каждаго куплета дѣвушка останавливалась и кокетливо взглядывала на гребца. Тотъ не могъ удержаться отъ веселой улыбки. Когда же пѣсня была кончена, онъ казался скучнымъ.

— Что ты все молчишъ? и Настя дернула его за ногу. Федоръ Гавриловичъ хотѣлъ объяснить ей, что его любовь задерживается собраніями о нравственной отвѣтственности за ея послѣдствія но онъ незналъ какъ лучше взятся за дѣло.

— Настя, а я на тебѣ никогда не женюсь, началъ онъ издалека.

— Никакъ ты сегодня пьянъ?

— Ты знаешъ, что я водки не пью.

— Не пьешъ, а пьянъ.

— Что такъ?

— Да какой-же бѣсъ неволитъ тебя жениться?

— Жениться никто не неволитъ, а любить тебя хочется.

— Коли я не запрещу никто тебѣ не помѣшаетъ.

— Ну а если дядя Матвѣй разсердиться на тебя?

— Такъ чтоже?

— И прогонитъ изъ дому?

— Не очень-то я этого боюсь; плевалабъ я тогда и въ его избу; развѣ я себѣ работы не достану?

— А если у тебя будутъ дѣти?

— Повѣшу ихъ на осинѣ вмѣстѣ съ тобою.

Настя надула губки.

— За что-жъ ты сердишся на меня? спросилъ онъ.

— А чего ты меня стращать вздумалъ пустяками?... не хочешь и не люби; это такое дѣло.

Федоръ Гавриловичъ взялъ дѣвушку за руку. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на ея лицо, дышавшее такою отвагою, что въ груди его начинало спираться дыханіе. Въ эту минуту Радужный думалъ, что ихъ счастье возможно.

— Не сердись на меня за то, что я наговорилъ тебѣ такъ много вздору, и онъ положилъ свою голову къ ней на колѣни.

— То-то-же, сказала дѣвушка снисходительнымъ тономъ.

Она сняла съ него фуражку и ласкала его мягкія кудри.

— А дома смотри-ка уже коровы пришли, сказала она, перебивая свои дѣвичьи думы.

Федоръ Гавриловичъ надѣлъ фуражку и принялся работать веслами. Когда они причалили къ берегу Настя быстро поднялась на гору и изчезла въ саду, а онъ медленно побрелъ къ дому.

У воротъ сидѣлъ дядя Матвѣй и раздумывалъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ.

— А милости прошу, привѣтсвовалъ онъ Радужнаго, который подсѣлъ къ старику. Все собираюсь у тебя спросить, да какъ-то оно не удается.

— О чемъ это? равнодушно отозвался молодой человѣкъ.

Мимо ихъ прошмыгнула Настя съ подойникомъ въ рукѣ.

— А вотъ понять не могу, что тебѣ за выгода такая биться здѣсь, такъ сказать, въ черной работѣ? Или уже въ городахъ занятій мало стало всѣмъ господамъ, или что другое тебѣ приключилось?

— Такъ мнѣ захотѣлось.

— Полно смѣяться-то. Развѣ я не понимаю, что тебѣ не очень-то должно быть любо въ нашемъ

дикомъ мѣстѣ? Ни слова тебѣ такого умнаго сказать не съ кѣмъ здѣсь; ни дома у тебя хорошаго нѣтъ; опять же маишся ты безъ подходящей хозяйки. Дѣло это совсѣмъ плохое.

Федоръ Гавриловичъ затруднился отвѣтомъ и молчалъ.

— Али ты дѣлаешъ это насъ жалѣючи, что ли? Только я думаю, что тутъ какая то загадка есть.

— Хочу я Матвѣй, чтобы всѣ люди были счастливы.

— Да все же корысть у тебя должна бытъ какая нибудь?

— Есть и корысть; ты знаешъ я за свои труды деньги получаю.

— Оно для нашего брата, кресьтянина былобы все хорошо, а вы народъ ученый—вамъ требуется совсѣмъ другое. Думаю я такъ, что родня обидѣла тебя, потому у тебя и знакомства пріятнаго нѣтъ на твоей сторонѣ.

— Да и это тоже правда отвѣтилъ сыроваръ, желая отдѣлаться отъ такого разговора.

— Теперь стало понятно; оно все одно къ одному накопилось и вышло такъ, что жить приходится на чужой сторонѣ. А то, какъ бы одна жалость была, такъ не жилъ бы ты у насъ трехъ зимъ, а пріѣхалъ бы къ намъ; показалъ бы все это дѣло, ну пожилъ бы съ годъ и опять въ свое гнѣздышко полетѣлъ бы, а мы вѣкъ благодарили

бы тебя и за то. Но человѣкъ ты хорошій; я сколько лѣтъ на свѣтѣ прожилъ—только такихъ еще не видывалъ.

Разумная рѣчъ старика начала раздражать молодаго человѣка; онъ хотѣлъ уйти и однако не трогался съ мѣста.

— Что-жъ на то воля Божья, продолжалъ старикъ, и не такіе люди живутъ на чужой сторонѣ, да хлѣбъ ѣдятъ; а тебѣ всякій радъ здѣсь, какъ дорогому гостю. Оно и скучно подъ часъ бываетъ да что же подѣлаешъ-то? Выше Бога не поднимешся.

Радужный не выдержалъ и ушелъ къ себѣ. То о чемъ онъ до сихъ поръ никогда не думалъ и что однако щемило иногда его сердце, то высказалъ ему человѣкъ, отъ котораго Федоръ Гавриловичъ не думалъ услышать ничего подобнаго.

Мгновенно имъ овладѣло бѣшенство: онъ схватисъ свое мягкое кресло и сильнымъ ударомъ объ полъ переломилъ всѣ его ножки; орѣховая спинка этой мебели раскололась въ его дрожащей рукѣ.

«Будетъ у меня и домъ, и хозяйка—я женюсь на Настѣ» думалъ онъ, успокоившись не много.

— Зайти къ тебѣ, али не надо? послышился подъ окномъ голосъ дяди Матвѣя.

— Нѣтъ теперь не заходи, я скоро спать лягу.

— Ну, давай Богъ часъ добрый, и старикъ не торопливо пошелъ въ свою избу.

На слѣдующій день рано утромъ Радужный далъ своимъ ученикамъ не обходимыя наставленія и поѣхалъ осматривать окрестныя сыроварни. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его конюхъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Настя выбѣжала на крыльцо, чтобы еще разъ взглянуть на молодаго человѣка. Добрые жеребцы, запряженные въ дышло, рыли землю передними ногами, ожидая сѣдока. Когда же Радужный сѣлъ и подобралъ возжи, они приподнялись на дыбы, подали бричку не много назадъ, потомъ дернули ее впередъ и тронули съ мѣста дружною рысью.

— Эхъ вы, гнѣдинкія! прикрикнулъ Федоръ Гавриловичъ на своихъ лошадей, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

— Нашъ поѣхалъ, говорили мужики выглядывая изъ оконъ и кланяясь своему любимцу.

— Да и молодецъ-же! прибавляли они ему въ слѣдъ.

ГЛАВА XI.

Въ двадцати верстахъ отъ Дуброва жилъ сыроваръ Григорій Петровичъ Вороновъ, главный сотрудникъ Радужнаго. Вороновъ самъ явился къ Федору Гавриловичу годъ спустя послѣ его водворенія въ этой мѣстности.

Вотъ какъ это случилась: въ жаркій лѣтній

день, Радужный весело распѣвалъ въ сыроварнѣ. Онъ былъ радъ тому сочувствію, которое въ этомъ дѣлѣ высказало ему Русское экономическое общество, вошедшее съ нимъ въ переписку. Вокругъ него суетились четыре парня; это были его ученики. Кто-то вышелъ изъ избы и въ растворенную дверь Федоръ Гавриловичъ увидѣлъ высокую фигуру съ плечами въ косую сажень. Незнакомецъ былъ одѣтъ въ старый военный сюртукъ съ ляповатами черными пуговицами, чуть ли не изъ бараньяго рога; величина ихъ была не соразмѣрна съ пѣтлями форменнаго сюртука, застегнутаго по этому случаю на крючки. На плечи незнакомца былъ накинутъ плащь изъ чернаго солдатскаго сукна; покрой его составлялъ переходъ отъ пальто къ балахону.

Федоръ Гавриловичъ не могъ разглядѣть лица прохожаго, нагнувшагося для того, чтобы смести пыль съ своихъ сапогъ, въ голяница которыхъ были всунуты черныя брюки съ краснымъ кантомъ.

— Могу я видѣть Г-на Радужнаго? спросилъ этотъ военный басистымъ голосомъ.

— Я здѣсь, пожалуйте.

Передъ Федоромъ Гавриловичемъ предстала высокая фигура незнакомца, который былъ замѣчательно развитъ физически. Онъ рекомендовался отставнымъ подпоручикомъ артилеріи.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? спросилъ

молодой человѣкъ и обращась къ своимъ любопытнымъ ученикомъ онъ посовѣтывалъ имъ продолжать прерванную ими работу.

— Случайно прослышалъ я о вашемъ дѣлѣ и хочу быть вашимъ помощникомъ, или лучше сказать учиникомъ.

— То есть вы желаете варить сыры?

— Да именно.

— Милости просимъ, но позволте узнать прежде всего, что побуждаетъ васъ искать именно такого занятія? Пожалуйте въ мою келью.

Когда Вороновъ сѣлъ на мягкій турецкій диванъ и закурилъ поданную ему сигару, тогда онъ началъ такъ:

— Прежде всего нужно вамъ сказать, что я человѣкъРусскій, тоесть понимаете?.. не поодному только securityванію, а настоящій Русскій человѣкъ со всѣми его свойствами и привычками, только безъ предразсудковъ. Я люблю народныя пѣсни и не понимаю другой музыки, мнѣ нравятся наши крестьянки, которыя съ размаху хлопаютъ по плечамъ парней и я не умѣю восхищаться контурами деликатнаго тѣла, до котораго опасно дотронутся. За такое наслажденіе я готовъ назвать глупцами всѣхъ, кто ему предается, но не дѣлаю этаго потому, что видѣлъ умныхъ людей, подверженныхъ этой слабости. Люблю я суровую жизнь нашего

народа и ихъ реальное отношеніе къ этой жизни; право иной крестьянинъ смотритъ на вещи здравѣе, чѣмъ многіе изъ образованныхъ людей, воспитаніе которыхъ стоитъ тысячи. Короче, я люблю все народное, потому что вижу въ немъ что-то крѣпкое и сильное въ первобытномъ смыслѣ этого слова. Можетъ быть и я, съ не большими своими свѣденіями, вынесенными изъ корпуса, можетъ быть и я человѣкъ первобытный; позволяю вамъ надъ собою смѣяться, если вы остроумны, но я останусь такимъ, какъ есть. Я люблю правду и знаете такую, которая идетъ на проломъ, правду же я понимаю только въ простомъ крестьянскомъ смыслѣ; а тонкости метафизики и высокой чесности, живущей на счетъ другихъ я не понялъ, хотя и добивался разобрать это дѣло. Между образованными людьми мнѣ еще не случалось встрѣчаться съ свѣтлыми личностями; вотъ вы, по моему мнѣнію, должны составить исключеніе; а зналъ такихъ, что наговорятъ тебѣ кучу хорошихъ вещей, а дѣла не сдѣлаютъ, или прямо займутъ денегъ, да поминай ихъ какъ звали. Ну не умѣю я оцѣнить правды въ такихъ хитрыхъ господахъ. За это и офицеры сердились на меня. «Вы говорятъ они, дальше своего носа ничего не видите.» Не вижу, чортъ побери, хоть ты тресни!

«По этому-то мнѣ и тошно было служить, да признаться и не одобряю я кровопролитія; чело-

вѣкъ я, изволите-ли видѣть смирный и потому чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ, какъ только вспоминалъ что такая спеціальность избрана мною по собственному желанію. Раздумался я объ этомъ, да и вышелъ въ отставку; но сами знаете: ничего дѣлать не умѣю; товарищи пророчили, что пропаду, а я думалъ что они врутъ. Много ли нужно Русскому человѣку? смотрите какъ живутъ православные. Да не ужели-же я такая дрянь, что не могу сработать на равнѣ съ послѣднимъ поденщикомъ любой артели? Нѣтъ-съ, я не упалъ еще такъ низко и уже успѣлъ доказать это самому себѣ. Вы видѣли въ Петербургѣ тѣ параходы, что ходятъ по Невѣ въ Шлисенбргъ? На одномъ изъ нихъ я два года пробылъ кочегаромъ, до тридцати рублей жалованья дошелъ и капитанъ упрашивалъ меня остаться. «Нѣтъ говорю довольно—это я только для опыта.—Какъ для опыта? спрашиваетъ. Я ему не отвѣчалъ—что безъ толку-то разсказывать, да вотъ и пришелъ къ вамъ. Гожусь я для вашего дѣла-возмите; а нѣтъ то я и дальше пойду.

Разговаривая, Григорій Петровичъ махалъ руками, сжатыми въ кулаки на подобіе пудовыхъ гирь. Его толстое лицо оживлялось; широкіе губы приходили въ сильное движеніе, а сѣрые глаза ни на минуту не упускали изъ виду того, кто заслужилъ ихъ вниманіе. Вообще въ каждое сказанное имъ слово Вороновъ вкладывалъ всю свою душу.

Федоръ Гавриловичъ замѣтилъ еще особенность его черныхъ волосъ, которые вились волнами параллельными лбу и были довольно коротко обстрижены.

— Я считаю своимъ долгомъ научить васъ сыроваренію, въ этомъ дѣлѣ вы принесете много пользы и себѣ и другимъ отвѣчалъ ему Радужный.

— Ну хорошо, теперь это уже кончено, вы меня знаете и мы можемъ начать дѣло.

— Да я васъ знаю: вы такой откровенный человѣкъ.

— Такъ лучше. Конечно я могъ-бы насказать вамъ всякихъ идей съ три короба: тоже вѣдь читалъ кое что; ну да къ чему бы послужила вамъ вся эта эрунда, въ которой мы путается, сбиваемся съ толку и ради которой иногда даже деремся, какъ-бы въ чаду? а у другого кулакъ страшный пожалуй еще голову прошибетъ.

— Вашъ кулакъ дѣйствительнно страшный; но это не заставитъ меня согласиться съ вами во всемъ.

— Я бы пересталъ васъ уважать, еслибъ вы дѣйствовали иначе. Радужный протянулъ ему руку и они сразу стали пріятелями. Впослѣдствіе оказалось, что Вороновъ былъ человѣкъ самаго тихаго нрава и очень рѣдко выходилъ изъ спокойнаго состоянія духа. Черезъ мѣсяцъ послѣ своего прихода въ Дуброво, онъ былъ близкимъ человѣкомъ всѣмъ его

жителямъ съ которыми сошелся гораздо скорѣе, чѣмъ Радужный. Послѣдняго крестьяне уважали, но какъ то робѣли передъ нимъ, они словно боялись сказать ему глупость и скомпротировать себя. Съ Вороновымъ-же они обращались какъ своимъ братомъ: ходили съ нимъ въ баню, ѣли вмѣстѣ капусту и квасъ съ лукомъ, а смѣльчаки отваживались даже тягаться съ нимъ на палкахъ. Настя была съ нимъ обходительна, но не высказывала ему ни какого предпочтенія, а между тѣмъ она ему тоже нравилась. Вороновъ видя ее сближеніе съ Радужнымъ, былъ этимъ очень огорченъ, но затаилъ свое горе въ глубинѣ души и не любилъ говорить о дѣвушкѣ съ другими людьми.

Вотъ уже два года, какъ Вороновъ въ качествѣ сыровара, живетъ въ двадцати верстахъ отъ Дуброва, въ большой деревнѣ окруженной лѣсомъ со всѣхъ сторонъ. Федоръ Гавриловичъ пріѣхалъ къ нему когда тотъ садился обѣдать

— А другъ любезный! пожалуйте ко мнѣ закусить съ дороги. Конюхъ, ты тоже приходи ѣсть, но прежде брось сѣна лошадямъ; ты знаешь, у хозяина на дворѣ подъ самыми стропилами запасъ есть?

Радужный вошелъ въ избу и пріятели поцѣловались.

— Ну какъ дѣла? спросилъ пріѣзжій.

— Все идетъ хорошо, садитесь прежде всего поѣсть.

Весь обѣдъ былъ сразу поданъ на столъ. Тутъ на первомъ мѣстѣ красовалась крынка съ кислымъ молокомъ, рядомъ-же стояла тарелка съ десяткомъ вареныхъ яицъ; а на другомъ концѣ стола, какъ бы про запасъ, лежала задняя часть жареной баранины; она патріархально помѣстилась на длинномъ желѣзномъ листѣ. На окнѣ за спиною хозяина, стоялъ зеленый полуштофчикъ съ очищенною водкою. Вороновъ держалъ въ рукѣ краюху хлѣба и смѣялся такъ что на его груди ситцевая рубаха заходила ходоромъ. Вообще онъ былъ весьма доволенъ своею обстановкою.

— Хочу зимою открыть другой складъ въ Петербургѣ, началъ Радужный, окончивъ обѣдъ.

— Да, теперь можно—дѣло наше двигается.

— Вотъ не пожелаетели вы завѣдывать складомъ?

— Ни зачто на свѣтѣ—дарите мнѣ хотя золотыя горы.

— Право не знаю кого-бы туда поставить; вотъ бывшій ваш ъученикъ Петръ—парень кажется смѣтливый и честный, да боюсь испортиться?

— Не бойтесь ничего; онъ уже много разъ живалъ на бойкихъ мѣстахъ, да уцѣлѣлъ, бывши поденщикомъ, а какъ станетъ хозяиномъ, то и подавно не сплошаетъ.

— Вы за него ручаетесь?

— Да я знаю его такъ же какъ самаго себя; всѣ его ухватки изучилъ; знаю даже какими онъ вѣниками любитъ парится. Артистъ каналья! — такіе все выбираетъ, которые по длиннѣе, для того что если онъ ударитъ себя имъ, такъ что-бы пареными листьями все тѣло обхватило.

— Ну—это обстоятельство не такъ важно, замѣтилъ Радужный.

— Нѣтъ важно, потому что по привычкамъ человѣка можно определить его стоимость. Вотъ еслибъ я сказалъ, что онъ любитъ водку пить, то вы непременно вывели бы изъ этаго заключеніе.

— Ну хорошо—эта статья рѣшена. Теперь вотъ что: я хочу дать вамъ учениковъ для земства. На каждаго за обученіе ассигновано по 50 р. сер.. да за харчи, что выйдетъ—мы особый счетъ пошлемъ.

— Давайте учениковъ, теперь уменя только два осталось. Еще шесть человѣкъ посылайте.

Въ эту минуту въ избу вошла толстая и высокая баба лѣтъ тридцати пяти. Помолившись на уголъ, она поклонилась хозяину и сѣла подлѣ него:

— О чемъ я просить тебя пришла, вѣдь ты того и недумаешь, сказала она..

— Я о тебѣ никогда не думаю, да и не стоитъ того дѣло.

— Ты не балагурь, а вотъ что: возми-тка двухъ моихъ коровъ и подержи ихъ со своими мѣсяца полтора не больше; тамъ, что надоишь отъ нихъ молока то твое и будетъ, а теперь лѣто-корму покупать не станешъ.

— Что такъ?

— Да дѣло мое вдовье, одинокое, самъ знаешъ, заменя ходитъ не кому около худобушки.

— А ты-то что?

— Я то рожать надумала.

— Ну ладно, вечеромъ съ пасбы гони коровъ прямо ко мнѣ, а когда родишъ, приди за молокомъ.

— На томъ спасибо а вотъ тебѣ письмы; мой кумъ съ почты принесъ, и она вынула изъ за пазухи свертокъ съ газетами. Между ними было два письма, одно Радужному, другое Воронову. Баба вздохнула и ушла.

— Что это за женщина? любопытствовалъ Радужный.

— Плутовка она: я знаю, что теперь мнѣ покоя отъ нея не будетъ. Какъ перегонитъ ко мнѣ коровъ, то каждый день станетъ ходить и охать, да молока просить; вы замѣтили, что она предложила мнѣ щедрую награду за постой ея скота въ моемъ хлѣвѣ, но это потому, что баба увѣрена получить все свое молоко деньгами за сыръ. Она

меня знаетъ. Въ хозяйствѣ ея большой безпорядокъ: изба того и гляди развалиться; я предлагалъ ей починить ее на тѣ деньги, которыя она выручаетъ отъ своихъ коровъ; всего то потребовалось бы рублей десять; такъ нѣтъ-же, ей всѣ ни почемъ; сама ходитъ въ лахмотьяхъ, хозяйство распустила и послѣдніе гроши тратитъ на ситецъ, да шьетъ рубахи своимъ любовникамъ. Таскается я вамъ, скажу со всѣми и странная вещь: каждаго мужика умѣетъ отбить отъ жены. За то и достается же ей отъ бабъ.....

Федоръ Гавриловичъ прочиталъ письмо. Оно было отъ Соболевой, которая заявляла ему о своемъ желаніи навѣстить его.

— Вотъ Григорій Петровичъ, ко мнѣ пріѣдитъ пріятельница моего дѣтства, кстати и вы поживете тогда у меня недѣльку или двѣ: я соберу теперь всѣ свѣденія и мы собща составимъ отчетъ и подумаемъ, какъ намъ лучше уотроить наши дѣла на будущее время.

— Хорошо; а вотъ и я получилъ письмо изъ своей деревни.

— Увасъ есть деревня? Вы мнѣ никогда не говорили этого.

— Да есть въ Воронежской губерніи .Крѣпостникомъ былъ-30 душъ живыхъ людей имѣлъ.

— Вотъ вы какой человѣкъ, шутилъ Радужный.

— Пріѣхалъ я въ свою вотчину послѣ освобожде-

нія крестьянъ и сдѣлалъ имъ нарѣзку:,, ну братцы, мнѣ имѣніе достлось по дарственной, сказалъ я имъ, такъ пусть и ваша земля поступаетъ въ ваше владѣніе безплатно; только дайте мнѣ въ резервъ тотъ кусокъ, что за надѣломъ остался. Восемдесятъ десятинъ земли имѣю я теперь; но она была сильно распахана моими родственниками, а потому лежитъ у меня на отдыхѣ; траву косить позволилъ, а пахать ее запретилъ.

— Такъ у васъ и резервъ есть?

— Видите, я благоразумнѣе, чѣмъ вы думаете. Но слушайте какой курьезъ тогда вышелъ: сосѣди мои помѣщики взѣлись на меня, готовы были разорвать вашего покорнаго слугу; а рядомъ со мною болшое имѣніе Шабрин ой и туда пріѣхалъ ея племянникъ нарѣзку дѣлать крестьянамъ. То былъ гусарскій штабъ ротмистръ Кохъ....

— Знаю его-это дрянь порядочн ая.

— Такъ онъ явился меня усовѣщивать; я знаете-ли и отхватилъ его по русски: на молъ тебѣ, если у васъ въ Петербургѣ не умѣютъ по нашему. Ошалѣлъ сердечный; на дуэль вызывалъ меня а я его опять по своему; такъ онъ не зналъ какъ до коляски своей дойти.

— Что же вы сдѣлаете со своимъ резервамъ?

— А вотъ какъ женюсь, то продамъ его, заведу здѣсь коровъ и луга на аренду возьму.

— Вѣрно ужъ есть невѣста на примѣтѣ?

— Нѣтъ, еще сердца своего незаполонилъ и Вороновъ мгновенно вспыхнулъ, какъ стыдливая дѣвушка.

— Вижу, что есть на примѣтѣ.

— Ну объ этомъ я поговорю съ вами въ другой разъ, сказалъ хозяинъ, овладѣвъ собою.

Весь вечеръ они провели вмѣстѣ и разговоръ ихъ не выходилъ изъ предѣловъ сыроваренчаго производства.

Передъ тѣмъ, какъ ложиться, Федоръ Гавриловичъ написалъ Соболевой пригласительное письмо и отдохнувъ немного онъ чуть свѣтъ сѣлъ въ бричку и поѣхалъ дальше. Черезъ двѣ недѣли онъ возвратился въ Дуброво.

ГЛАВА XII.

Настя совсѣмъ соскучилась поджидая Федора Гавриловича, она каждую ночь долго разсказывала о немъ своей подругѣ Варѣ.

— Такого человѣка-во всей округѣ нѣтъ, заключала дѣвушка, и прижавшись къ стѣнѣ, долго еще думала о Радожномъ. Общее уваженіе, которымъ умѣлъ окружить себя сыроваръ, возбуждало юный умъ дѣвушки, которая сравнивала его со сказочными богатырями.

Ей казалось, что онъ можетъ сдѣлать все на

свѣтѣ, потому что силу имѣетъ такую, что и грома не боится и надъ калдунами смѣется прямо въ глаза, и ворожей плутовками называетъ. Никогда еще крестьянамъ этой мѣстности не приходилось сходиться такъ близко съ людьми, подобными Федору Гавриловичу. Они изучали его съ любопытствомъ и самъ дядя Матвѣй, понимавшій своего постояльца лучше другихъ, и тотъ не могъ достаточно надивиться на этого труженика, никогда не издававшаго ни одной жалобы на свою судьбу, которая по мнѣнію старика была все таки горькая. Но болѣе всего крестьянъ удивляла его трезвая и вообще воздержанная жизнь. За то Дубровцы гордились Радужнымъ; имъ казалось, что сами они крѣпнутъ въ присутствіи этого челокѣка, который съ такою доброю снисходительною улыбкой выговаривалъ имъ иногда ихъ глупые распорядки. Такіе закоренелые плуты, какъ Николай, и тѣ чувствовалъ себя какъ то хорошо въ присутствіи добраго Федора Гавриловича; имъ тон же казалось, что и они вдругъ дѣлались честными людьми, которые не менѣе другихъ способны къ трудолюбію и къ прочимъ добродѣтелямъ. Все это вдохновляло народъ и приносило ему свою долю пользы. И вотъ задремавшей Насти мерѣщится, что сегодня воскресенье, а солнышко такъ славно играетъ своими лучами со всѣми предметами раскинутыми природою и въ ширину, и въ длину не-

объятыя. Отъ его свѣта листья на деревьяхъ дѣлаются прозрачными, трава становится зеленѣе, тесовыя крыши на избахъ лоснятся какъ будто онѣ вчера только выструганы, по дорогѣ блестятъ камешки, окрашиваясь тысячью разныхъ цвѣтовъ, а рѣка отражаетъ множество свѣтовыхъ лучей, ослѣпляющихъ глаза. Вотъ что дѣлаетъ это утреннее солнце отъ котораго люди чувствуютъ себя такъ хорошо, что даже сѣренькая жизнь кажеться имъ привольною.

Вдоль по деревенской улицѣ идетъ Федоръ Гавриловичъ своею твердою походкой; кудрявую голову свою онъ держитъ такъ, чтобы глаза его встрѣчались съ глазами крестьянъ, вышедшихъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ ласково и даже какъ-то любовно раскланивается со всѣми отъ мала до велика и подходитъ наконецъ къ хворой старухѣ, которую день тому назадъ отбилъ можетъ быть отъ смерти своими безкорыстными заботами. Онъ кладетъ свою бѣлую руку на плечо больной, радостно, какъ «ясочка», смотритъ ей въ глаза и кажется вдыхаетъ жизнь въ это дряхлое тѣло старухи.—Но вотъ Радужный что-то заговорилъ; народъ хлынулъ къ нему со всѣхъ сторонъ: посыпались вопросы и глупые, и луковые и пытливые, а онъ все съ тою же лыбовною улыбкою привѣтливо отвѣчаетъ каждому. Кажется говоритъ онъ все вещи разумныя, но почему это слушая его,

добрымъ людямъ становится будто-бы жутко, а бабамъ дѣлается какъ-то жалостно? И хочется имъ: то чему-то радоваться, то о чемъ-то плакать. Любуются имъ всѣ крестьянскія дѣвушки, но онѣ боятся вызвать его на какую нибудь шалость, а если которая и загадаетъ объ этомъ, глядя на его красивое лицо, той самой становится совѣстно и она невольно потупляетъ глаза.

Были прежде смѣлыя вострухи и заманивали его на игры, которыя не веселили сердца заѣзжаго человѣка, но онъ ласково отговаривался отъ такихъ приглашеній и уходилъ къ себѣ книгу читать. Думая такъ, Настя увлекалась все болѣе и болѣе созданнымъ ею образомъ и ей казалось что общее благословеніе народа дѣлаетъ Федора Гавриловича безгрѣшнымъ человѣкомъ. Дѣвушка полюбила его до обожанія, которое доходило до фанатизма въ этой страстной натурѣ; она нехотѣла да и не могла бы обуздывать свои желанія. Она чутко дремала по ночамъ и видѣнія одно другаго причудливѣе гнѣздились въ ея головѣ не отступнымъ мучительнымъ роемъ. И такой-то богатырь бралъ ее на свои руки, бѣгалъ съ нею по лугамъ, училъ ее и помогалъ ей поднимать ведра на плечи. У Насти кружилась голова, она начинала бредить и вообще чувствовала себѣ какъ то особенно. По временамъ ей казалось даже, что и сама она не совсѣмъ похожа на другихъ. Къ утру грезы разсѣивались, она

просыпалась и весело работала, но сердце ее по временамъ вздрагивало и она находилась подъ вліяніемъ вѣчнаго страха о томъ, что можетъ всяко случится: Радужный, человѣкъ такой что думы его не узнаешъ, онъ видитъ все и ему извѣстно многое изъ того, что будетъ; а она вся отдается сегодняшнему дню; для дѣвушки вопросъ жизни и смерти можетъ быть рѣшенъ въ одно мгновеніе; все зависитъ отъ того, какой оборотъ приметъ тотъ или другой порывъ ея свободной страсти.

Однажды вечеромъ ея подруга Варя сообщила дѣвушкѣ, что ученикъ Радужнаго Павелъ похвалялся передъ народомъ тѣмъ, что Настя его нареченная невѣста и что черезъ нѣсколько дней она уже не будетъ въ состояніи отпереться отъ него и тогда онъ отъучитъ ее кататься въ лодкѣ съ Федоромъ Гавриловичемъ. Певелъ былъ тотъ самый краснощекій и веселый парень, котораго нашъ романъ засталъ подлѣ короба щетинника съ гармонькою въ рукахь. Было время когда Настя относилась къ нему очень благосклонно и казалось была не прочь сдаться на его ласки, но вотъ уже болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она совсѣмъ отбилась отъ Павла, котораго душили ревность и досада. Парень былъ радъ всякому случаю,который давалъ ему поводъ задѣвать дѣвушку за одну изъ ея чувствительныхъ струнъ. На этотъ разъ хвастовство его сильно раздражило

Настю и она рѣшилась во что бы то ни стало разъ на всегда прекратить остроты Павла, который долженъ же оставить ее наконецъ въ покоѣ.

На другой день послѣ того, какъ дѣвушка узнала о безстыдномъ хвастовствѣ парня, въ деревнѣ устроились хороводы по случаю какого-то праздника. Настя встрѣтилась съ нимъ въ одномъ изъ нихъ и не выдержала себя ни одной минуты.

— Чего ты чортъ надо мною насмѣхаешься? сказала она, подходя къ Павлу.

— Это еще ничего—то ли послѣ будетъ.

— А что будетъ-то?

— Да я въ тебѣ спѣси-то поубавлю.

— Дуракъ ты этакій, да развѣ я тебѣ жена, что-ли?

— Не жена, а все таки мудрить надъ собою не позволю я всякой дряни.

Дѣвушка такъ и вспыхнула. Она была глубоко возмущена. Скоро ею овладѣло бѣшенство.

— Да съ чего ты забралъ себѣ въ голову такіе пустяки? и громкая пощечина полученная парнемъ привлекла къ нимъ толпу любопытныхъ.

— Ты сдурѣла дѣвка?

Павелъ схватилъ ее за передникъ, который мгновенно обратился въ тряпки, полетѣвшія на землю.

— Дай-ка я тебѣ подбавлю!

Настя ударила его по другой щекѣ. Въ эту минуту она готова была разорвать парня, но у бѣдна-

го сильно зазвенѣло въ ушахъ отъ неожиданныхъ ударовъ. Павелъ смутился и началъ отступать среди свиста и восклицаній публики, находившей эту сцену очень потѣшною.

— А такъ ты вотъ какъ—ну подожди же! злился отступающій.

— Ты только пикни у меня въ другой разъ: тебѣ глаза выцарапаю! шумѣла Настя.

Павелъ юркнулъ въ ближайшій проулокъ.

— Ай дѣвка! парня прогнала.

— Не на такого напала!

— Я бы съ ея головою однимъ махомъ порѣшилъ; замѣчали парни.

— Такъ васъ чертей и надо!

— Нарвись онъ на меня—былъ-бы слѣпой.

— Много они воли себѣ забрали! кричали дѣвушки.

Настя гордо выступила изъ хоровода и держа Варю за руку, направилась къ дому.

— Что ты, никакъ передникъ разорвала? спросилъ ее дядя Матвѣй, сидѣвшій по обыкновенію на прилавкѣ у своей избы.

— Съ Павлухой подралась, объяснила ему племянница.

— Значить погрызлись?

— Теперь станетъ долго помнить.

— Ну видано-ли дѣло, чтобы дѣвушка съ пар-

нями въ драку лѣзла; бить-то васъ некому! разшумѣлась тетка.

— А то какъ-же: спускать имъ что-ли? тогда ребята и голову сорвутъ, сердилась дѣвушка.

— Молчи ты у меня—змѣя подколодная; а то вытяну колъ изъ изгороди, да какъ зачну валять тебя по спинѣ, такъ научишься у меня беречь наряды. Шуточное дѣло: новенькій передничекъ! Тетка подлетѣла къ племянницѣ.

— Не тронь баба; говорятъ тебѣ отойди! Ну подрались и помирятся, дѣло молодое! вступился Матвѣй.

— Потакай имъ окаянный, поки они горбъ тебѣ не наколотили!

Старуха снова приняла угрожающую позу.

— Только тронь—убью! Своихъ дѣтей не нажила, такъ чужими командовать не приходится, вспылилъ старикъ. Баба усмирилась, сѣла на лавочку и пригорюнилась. Подруги убѣжали въ избу.

ГЛАВА XIII.

Рожь начала колоситься; погода стояла отличная и обѣщала удачный сѣнокосъ. Радужный возвратившійся домой ночью, принималъ на другой день утромъ молоко отъ бабъ, толпившихся подлѣ сыроварни. Въ рукахъ онъ держалъ большую записную книгу, а двое изъ его учениковъ наблю-

дали, чтобы молоко выливалось въ назначенное ему мѣсто. Настя мѣшала что-то въ котлѣ. Дверь и окна въ избѣ были открыты. Въ сѣняхъ помѣстился дядя Матвѣй и дѣлалъ грабли. Онъ любилъ движеніе, которое всегда привлекало его къ сыроварнѣ.

— Нѣтъ Ивановна, не приму я твоего молока, сказалъ Өедоръ Гавриловичъ пожилой женщинѣ, стоявшей передъ нимъ съ желѣзнымъ ведромъ.

— За что ты каждый разъ добромъ моимъ брезгаешъ? Ну, да ладно прими его.. я гривинничекъ уступлю—что ужъ съ тобой толковать!

— Даромъ не возьму я твоего молока.

— У людей молоко берешь, а у меня не хочешь его покупать.

— Что ты съ нимъ сдѣлала?—видимъ оно красное, словно ты курицу надъ нимъ рѣзала.

— Точно красноватое, я не отпираюсь.

— Пойми, что оно испортитъ всѣ мои сыры.

— Вотъ ужъ и испортитъ! Это знаешъ-ли ты отъ чего? у моихъ коровъ титьки стали трескаться; начнешъ доить, а изъ нихъ кровь такъ и сочится.

— Что-жъ ты ихъ ничѣмъ не пользуешъ?

— Всячески пользую; ужъ я не разъ пытала подойникъ отнимать прочь и полоскать вымя водою, ничего не помогаетъ, да и скотинушкѣ больно; иной разъ такъ дрыгаетъ ногой, что и ляньку опрокидываетъ.

— Помазывай свѣжимъ масломъ больное мѣсто;

а если не поможетъ, то приходи ко мнѣ-я мазь тебѣ дамъ, сказалъ Радужный, записывая молоко другихъ женщинъ.

— Что-жъ ты меня-то не отпускаешъ? приставала Ивановна.

— Я не могу принять твоего молока.

— Да куда-же мнѣ его дѣть-то?

— А выхлѣбай съ хлѣбомъ, вмѣшался Матвѣй.

— Ты видишъ—оно съ кровью.

— Ну собакамъ скорми, если не годится его ѣсть, я видѣлъ онѣ у насъ голодныя такъ и бѣгаютъ по деревни.

Баба не унялась и начала охать.

— Гони ты ее вонъ, Ѳедоръ Гавриловичъ. Гдѣ это ты терпѣнія столько покупаешъ? сердился Матвѣй.

— Наше дѣло женское, мы ничего неразумѣемъ, намъ надо все до толку разсказать, замѣтила одна изъ посѣтительницъ.

— Чего тутъ разумѣть-то! сказано, не нужно твоего молока, ну и пошла прочь, если совѣсть имѣешъ, и Матвѣй полюбовался уже додѣланными имъ граблями.

— Ай важные—это Насткѣ пожертвую, если Ѳедоръ Гавриловичъ отпуститъ ее на сѣнокосъ, сказалъ онъ.

— На долго отпустить нельзя, а на день не стоитъ и ходить, отозвался Радужный.

— Пусть сходитъ хотя на денекъ-то: вѣдь молодой человѣкъ—дома тоже засидится.

— Нуженъ мнѣ сѣнокосъ твой—смотри соскучусь я безъ работы; здѣсь видишь ты дѣлать нечего! крикнула дѣвушка изъ избы.

— А ты шельма помалчивай; знай только, что твоего совѣта тутъ не спрашиваютъ! шутилъ хозяинъ.

Павелъ, работавшій въ сыроварни, только покосился на Настю; онъ теперь боялся затрогивать ее: надъ нимъ потѣшалась вся мѣстная молодежъ и парень съ нетерпѣніемъ ожидалъ, скоро-ли кончатся эти насмѣшки; новыми выходками онъ не хотѣлъ давать своимъ сверстникамъ случая продолжать ихъ остроты надъ нимъ.

— Охъ, охъ, грѣхи наши тяжкіе! вздыхала Ивановна.

— А ты еще не ушла отъ сюда? спросилъ Матвѣй.

— Да какъ уйти-то толку не добившись? можетъ быть время не много пройдетъ, а онъ и смилуется.

— Попроси у барина копѣйку Христа ради, такъ можетъ смилуется, да и подастъ тебѣ.

— Будетъ тебя озарничать-то.

— Глупы вы бабы безпонятныя!

— Дѣло наше женское.

— Да, повѣрь только вашей глупости, такъ по падешъ лицомъ въ навозъ.

— Вотъ сатаникъ-то! заговорили бабы хоромъ.

— Я вамъ причту разскажу.

— А нут-ка! поощряли его женщины.

— Жилъ мужикъ съ бабою и нажили они себѣ пѣтуха...

Старикъ посмотрѣлъ на сыровара.

— Разсказать-имъ, что-ли Ѳедоръ Гавриловичъ?

— Говори, ты мнѣ не мѣшаешь.

— Нажили они пѣтуха, продолжалъ хозяинъ, а у бабы былъ любовникъ...

— Всѣ то вы окаянные на насъ нападаете, кто-же за бабъ вступится? перебилъ его женскій голосъ.

— А ты подожди! унимали ее другіе.

— Пока пѣтуха не было, продолжалъ Матвѣй мужикъ этого дѣла за женою не зналъ; а завелся пѣтухъ и всю поднаготную ему открылъ. Разсердилась на этого пѣтуха баба и стала она мужу докучать: «зарѣжъ, да зарѣжъ пѣтуха». Тотъ конечно не согласился рѣзать пѣтуха. «Ну такъ зарой меня въ землю, если такъ», сказала баба. Вотъ мужикъ заказалъ гробъ и положилъ въ него бабу.

«— Зарѣжъ пѣтуха, просила она мужа.

«— Нѣтъ не зарѣжу.

«— Я тебя крышкой накрою, говоритъ ей мужикъ.

«— А зарѣжъ пѣтуха, отвѣчаетъ.

«— Нѣтъ не зарѣжу.

« — Ну такъ заколачивай гробъ.

Заколотилъ онъ гробъ и повезъ бабу въ погостъ.

«— Я тебя баба въ погостъ везу! говоритъ мужикъ.

«— А зарѣжъ пѣтуха!

«— Нѣтъ не зарѣжу.

«— Ну тогда вези на погостъ».

Такимъ манеромъ онъ бабу свою допрашивалъ до тѣхъ поръ, пока въ землю не зарылъ, но она шельма ему не поддалась—съ тѣмъ и померла....

Слушательницы стали дѣлать различныя замѣчанія по поводу этого разсказа, который не понравился большинству изъ нихъ.

Но вотъ все молоко уже принято, а Ивановна продолжаетъ стоятъ на одномъ мѣстѣ. Радужный насилу уговорилъ ее уйти.

— А на будущее время станешъ принимать спросила она послѣ рѣшительнаго отказа.

— Конечно буду, только хорошее.

— Понятно хорошее.

Иваниха ушла, но еще не скоро добралась до дому. Дорогою она показывала молоко всѣмъвстрѣчнымъ и каждомуразсказывала о своей неудачѣ. Мужики ругали ее, говоря, что имъ некогда слушать бабьихъ рѣчей; женщины были снисходительнѣе. Большая часть изъ нихъ выслушивала всю исторію этого ведра съ молокомъ.

Къ крыльцу подъѣхала крестьянская повозка, запряженная парою клячь. Изъ нея выскачила

молодая дѣвушка и Федоръ Гавриловичъ узналъ въ ней Соболеву.

— Вы однѣ, а Ларчина? спросилъ онъ пожимая ей руку.

— Она осталась хозяйничать въ типографіи.

Радужный отвелъ ее въ свою комнату, а самъ перебрался въ сѣнной амбарчикъ. Туда онъ поставилъ столъ и кровать.

— Это кто къ тебѣ пріѣхалъ? спрашивалъ у него дядя Матвѣй.

— Моя знакомая.... она станетъ здѣсь учиться варить сыръ.

— А долго тутъ пробудетъ?

— Я и самъ не знаю этого.

— Изъ господского званія?

— Да.

— Вотъ-бы тебѣ такую жену взять: она хороша какъ самая красивая картина.

— Нѣтъ, мнѣ еще рано жениться.

— Дѣло твое, и подобравъ свои грабли хозяинъ ушелъ обѣдать; его примѣру послѣдовали скоро ученики Радужнаго, а молодой человѣкъ пошелъ къ своей гостьѣ. Соболева уже успѣла переодѣться, теперь она была въ коротенькомъ черномъ платьицѣ, закрытомъ до самой шеи. Къ ней все шло и въ новомъ костюмѣ она была такъ-же хороша, какъ и всегда. Дѣвушка ѣхала въ Дуброво съ намѣреніемъ разсказать Федору Гаври-

ловичу о своей горячей къ нему привязанности, которая еще болѣе усилилась въ эти годы разлуки. Съ этого она хотѣла и начать; но самолюбіе сформированной женщины уже успѣло развиться въ молодой дѣвушкѣ и она отложила это объясненіе до болѣе удобнаго случая. Короче-ей хотѣлось, чтобы Радужный началъ первый.

— Здраствуйте еще разъ! сказалъ онъ входя.

— Какъ у васъ здѣсь уютно хвалила дѣвушка, пожимая ему руку во второй разъ.

— Черезъ чуръ уже по спартански.

— Нѣтъ, мнѣ напротивъ здѣсь нравится.

Въ избу вошла Настя и поклонилась гостьѣ

— Здравствуйте голубушка!

Онѣ молча осмотрѣли другъ друга

Настя стерла со стола, накрыла его скатертью, поставила тарелки и съ большою опрятностью подала обѣдать. Соболева пристально взлянула на дѣвушку и на молодаго человка. Въ умѣ ея сразу мелькнуло подозрѣніе.

«Не можетъ быть» утѣшила она себя и засмѣялась, это предцоложеніе показалось ей не возможнымъ.

Федоръ Гавриловичъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.

—Мнѣ такъ весело у васъ сказала она.... да что же мы не садимся обѣдать?

— Я поджидаю Воронова, но все равно сядемте.

— Кто это Вороновъ?

— Мой сотрудникъ-сыроваръ-мы пріятели.

— Теперь мнѣ самой не хочется обѣдать безъ него.

Григорій Петровичъ не замедлилъ явиться.

— А чортъ его возьми, кричалъ гость еще въ сѣняхъ, вѣдь надулъ меня барышникъ на лошади, такую клячу навязалъ мнѣ, что хоть тресни, небѣжитъ, уже я всякія приспособленія дѣлалъ, нѣтъ.... будь ей ладно....

Войдя въ избу, онъ увидѣлъ Любовь Дмитріивну и остановился. Радужный отрекомендовалъ ихъ другъ другу.

« Какой Геркулесъ», подумала дѣвушка, замѣтивъ, что рука ея изчезла въ кулакѣ Григорія Петровича, когда они здоровались.

— Барышникъ таки надулъ васъ? спросилъ хозяинъ.

— Да надулъ.

Они сѣли за столъ.

«Красивая барышня, думалъ Вороновъ любуясь Соболевою; но стоитъ только тронуть ее хорошенько, такъ сразу краску эту сотрешъ; а придави ее порядочно, такъ и кости поламаешъ; вотъ эта другое дѣло-ничего не боится» и гость засмотрѣлся на толстые локти Насти, поставившей блюдо не столъ.

— Настя, скоро кончишъ науку? спросилъ онъ.

— Да вотъ зимою хочетъ Федоръ Гавриловичъ мѣсто мнѣ дать—обѣщалъ вчера.

— Вы тоже учитесь сыроваренію? спросила ее Соболева.

— Учусь, оно видишъ-ты выгодно, и дѣвушка вышла.

— Вообще ваша работница выдается изъ своей среды; меня удивляетъ, какъ она чисто подаетъ вамъ обѣдать, сказала гостья по уходѣ Насти.

— Онъ научилъ ее; сейчасъ видно джентльмента подшутилъ Вороновъ.

— Кто здѣсь готовитъ обѣдъ такъ хорошо? спросила она.

— Отставной солдатъ; утромъ онъ служитъ поваромъ, а вечеромъ работаетъ у моего хозяина; за это мы платимъ ему въ мѣсяцъ по 2 рубля каждый, отвѣтилъ Радужный-

— Ай-да вашъ поваръ! похвалила Соболева, когда Настя вернулась съ апетитнымъ рисовымъ пуденьгомъ.

— Гастрономъ вы настоящій, честь вамъ и слава! я откормлюсь увасъ за недѣлю на цѣлый годъ впередъ, смѣялся Вороновъ.

Послѣ обѣда мущины закурили сигары и совсѣмъ разговорились.

ГЛАВА XIV.

Появленіе Соболевой непроизвело на Настю дурнаго впечатлѣнія. Сперва она просто не обратила на нее никакого вниманія, а потомъ относилась къ ней съ убійственнымъ равнодушіемъ.

Къ Радужному въ послѣднее время пріѣзжало очень много всякихъ людей: мущинъ и женщинъ. Въ окрестности всѣхъ интересовало его дѣло, и какъ-бы къ нему не относились мѣстные жители, они все-таки считали нужнымъ посмотрѣть на молодого сыровара и на его работу. Любовь Дмитриевна интересовалась рѣшисельно всѣмъ, касающимся сыроварни, Радужнаго, дяди Матвѣя, Насти и парней, жившихъ въ рабочей избѣ. Вороновъ, съ которымъ она поладила на другой-же день, охотно посвящалъ ее въ тайны своего мастерства и старательно удерживался отъ любимыхъ своихъ выраженій, которыя у него, какъ у настоящаго русскаго человѣка, такъ и напрашивались на языкъ. Парни почтительно отодвигались въ сторону при ея приближеніи и съ любопытствомъ прислушивались къ серебристому голоску дѣвушки; но особенную привязанность высказалъ ей

дядя Матвѣй. Онъ былъ очень радъ, когда Соболева вошла къ нему, въ его собственную избу и съ любопытствомъ распрашивала хозяина о его житьѣ-бытьѣ.

Старикъ былъ артистомъ въ душѣ и высоко цѣнилъ красоту. Ему нравилось, что такое деликатное существо сидитъ на лавкѣ въ его домѣ.

— Баба, а баба. подай-ка сюда медку, командовалъ хозяинъ и заставилъ барышню отвѣдать его хлѣба-соли.

— Скажите мнѣ, дядя Матвѣй, вы всегда жили въ достаткѣ, или сами добились всего? любопытствовала Соболева.

— Нѣтъ, милая моя сударыня, горько было мое дѣтство, не весело и молодость прошла.

— Разскажите мнѣ всю вашу жизнь.

— Извольте милая барышня разскажу. Остался я, видите-ли вы отъ родителей своихъ сиротою на одиннадцатомъ году и жилъ я здѣсь у одного крестьянина въ пріемышахъ. Грубый онъ былъ мужикъ, померъ теперь, царство ему небесное! Ума разума онъ мнѣ не далъ, а колотушекъ натерпѣлся я отъ него въ волю. Опять же былъ скупъ человѣкъ; безъ малаго однимъ хлѣбомъ съ мякиною кормилъ меня; только тѣмъ и дышалъ, что жена его украдкою отъ мужика пихала мнѣ творожку кусочикъ, или молока тамъ что-ли. Горько было мнѣ при немъ а когда умеръ онъ то и тогда не лучше

мнѣ стало. Десять лѣтъ скотину пропасъ деревенскую; потомъ деревня наша къ другому барину перешла и сталъ этотъ оброкъ съ меня требовать; а цѣны тогда были пустыя въ нашей сторонѣ. Пастуху общество платило 20 рублей въ годъ. Что дѣлать? Бѣдность, а своей стороны все-таки жаль. Однако, поплакалъ я, да и ушелъ по пачпорту. Жилъ я, сударыня, и на постоялыхъ дворахъ, и въ дворникахъ, на фабрикахъ работалъ —вездѣ перебывалъ. Много слезъ пролито, много верстъ исхожено; кажется, еслибъ опять теперь жить такъ пришлось—пропалъ-бы я въ одинъ мѣсяцъ. Съ дурныхъ мѣстъ попалъ я наконецъ на самое худшее. Въ кучерахъ въ Москвѣ жилъ я у генеральши: днемъ и ночью покоя не зналъ и отойти не могъ, потому, расчета недавала. Полюбился я ей—она меня и начала тѣснить: сама и пачпортъ выправляла, и оброкъ за меня платила; но я гроша мѣднаго не видалъ. Одежу хорошую носилъ, за пшеничнымъ пирогомъ слезы проливалъ; а жаловаться боялся. Генеральша была она имянитая, а время тогда иное было: поди жаловаться: выпорютъ, тебя и все же жить приневолятъ. Пятнадцать лѣтъ прожилъ я на этомъ мѣстѣ, до сей поры дивлюсь, какъ живъ остался. Только померла генеральша и пишетъ въ завѣщаньѣ, что было ей такое видѣніе во время болѣзни, что бы обезпечить кучера Матвѣя и дать ему тысячу рублей.

Такъ-то сударыня ушелъ я изъ дому двадцати лѣтъ а вернулся въ свою деревню въ сорокъ шесть. Ну съ тѣхъ поръ, оженившись живу ничего: сѣть свою имѣю,—рыбу ловлю въ рѣкѣ, поле пашу съ работникомъ, десять штукъ дойныхъ коровъ держу. А только не даромъ пользуюсь я этимъ добромъ, и кого зависть беретъ всѣмъ толкую тоже самое, но сами знаете: народъ всякій есть, много такихъ, что ничего не понимаютъ.... и завидуютъ мнѣ горя моего незнаючи....

Послѣ этаго разсказа, старикъ сидѣлъ понуря голову и Соболева молча любовалась его умнымъ, открытымъ лицомъ съ окладистою сѣрою бородою, придававшею Матвѣю такой почтенный видъ.

— Вотъ по этому-то понимаю я, что нелегко подъ часъ приходится и Федору Гавриловичу, сказалъ онъ наконецъ.

— А что такое: развѣ онъ скучаетъ?

— Не такой онъ человѣкъ, чтобы кому нибудь горе свое повѣдалъ. Гордость большую имѣетъ; а только кто съ понятіемъ — тотъ и видитъ, что не нашелъ онъ себѣ настоящаго пристанища; такъ между небомъ и землею движется.

— Я думаю, что онъ очень доволенъ своими заботами о другихъ, и что о себѣ онъ позабылъ.

— Всею душою полюбилъ я этого человѣка съ перваго разу, но только понять его настоящимъ

образомъ не могу; каждый день думаю о немъ, какъ о родномъ сынѣ; такъ домѣкаю кое что, но нѣтъ.... до тонкости его не разберу. Силу-ли онъ такую въ себѣ содержитъ, что все перенести можетъ, или что другое—понять не умѣю.

— Я сама думаю, что въ немъ сила такая есть.

— Опять-же человѣкъ онъ не каменный; доброту большую имѣетъ; но только мощный онъ такой; должно это въ наукахъ такую силу себѣ пріобрелъ.

— И науки много сдѣлали, да и натура у него богатая.

— Скажите!—можетъ быть это и правда. А много ли всѣхъ наукъ: я думаю ихъ никто не произошелъ?

— Какъ бы вамъ лучше это сказать? Науки собственно двѣ: одна изъ нихъ учитъ людей справляться съ природою, что-бы земля больше плодовъ давала, а другая учитъ людей любить другъ друга.

— Такъ поэтому научится не трудно.

— Кое-какъ легко, а чтобы честно научитвся всему, для этаго нужно много труда. Чтобы любить людей, нужно сперва сдѣлать ихъ такими чтобы они стоили любви, а чтобы достать изъ земли больше плодовъ, для этаго прежде необходимо научить всѣхъ, какъ это сдѣлать.

— По этому выходитъ трудно; надо весь свѣтъ

передѣлать; недобится до этаго ученымъ людямъ, а впрочемъ дай Богъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, дядя Матвѣй позабылъ обкопать яблони въ своемъ саду, но онъ нежалѣлъ объ этомъ. Молодая дѣвушка рѣшительно очаровала его и онъ ужъ не зналъ, какъ расхвалить ее своему постояльцу.

— По уму и по всему прочему она одному тебѣ подъ стать подойдетъ. Что жъ и много господъ на бѣломъ свѣтѣ, да всякіе и господа есть, иной хуже мужика: ни лицомъ то онъ, ни наукой ничѣмъ не взялъ, а только важничаетъ, да простолюдинина тѣснитъ, разсуждалъ старикъ, встрѣчаясь съ Федоромъ Гавриловичемъ.

Но Радужный отдѣлывался отъ его словъ общими фразами.

Въ немъ происходила внутренняя борьба. Только теперь молодой человѣкъ разсмотрѣлъ хорошенько Соболеву и любовался ею, глядя на ея граціозныя движенія и на ея прекрасное лицо, въ которомъ каждый фибръ дрожалъ и волновался силясь выразить напряженіе ея пытливаго ума. Его начали преслѣдовать эти блестящіе, осмысленные глаза молодой дѣвушки и ему казалось что прежде онъ былъ просто слѣпъ.

Съ другой стороны его прельщала порывистая и безъ хитросная Настя, которая не признавала другихъ силъ, кромѣ внутреннихъ и честныхъ по-

бужденій своей не сложной натуры; такъ природа подчиняется солнечнымъ лучамъ, они свѣтятъ: все оживаетъ и цвѣтетъ—безъ нихъ вездѣ царствуетъ мгла и могильный холодъ.

ГЛАВА XV.

Настало сѣнокосное время. Все здоровое населеніе выѣхало изъ деревни и расположилось вдоль по берегу рѣки въ рогоженныхъ, временныхъ палаткахъ, или въ шалашахъ изъ молодыхъ деревьевъ, сложенныхъ въ видѣ пирамидъ. Вечеромъ въ одинъ изъ такихъ дней, Радужный отпустилъ своихъ учениковъ погулять; замкнулъ сыроварню и пошелъ поваляться на душистой травѣ въ саду дяди Матвѣя. Вороновъ съ Соболевой уѣхали тоже на сѣнокосъ; ихъ повезъ конюхъ Федора Гавриловича на знаменитыхъ жеребцахъ. Настя еще съ утра отправилась провѣдать своихъ.

Молодой человѣкъ легъ на траву и смотрѣлъ какъ догораетъ день. Солнце уже бросило свои прощальные лучи, когда изъ хмѣльника показалась Настя. Она была рада что застала его одного и весело подбѣжавъ къ Радужному начала передавать ему свои дневныя внечатлѣнія.

Онъ подсѣлъ къ дѣвушкѣ. Ему было такъ хоро-

шо болтать съ нею. Говоря она толкала его плечемъ и забавлялась тѣмъ, какъ онъ покачивался всѣмъ туловищемъ.

— Перестань толкаться! сказала Федоръ Гавриловичъ.

— Такъ вотъ-же тебѣ коли такъ!

Настя сильно хлопнула его по плечу, вскочила и побѣжала. Онъ пустился вслѣдъ за нею, догналъ дѣвушку и упалъ на нее. Она крѣпко обняла его и поцѣловала нѣсколько разъ· Молодой человѣкъ отвѣтилъ ей тѣмъ же, но вдругъ вспомнилъ что-то и силился вскочить на ноги.

«Нѣтъ, никогда, подумалъ онъ, я не оставлю здѣсь о себѣ такой памяти; никогда эти люди недолжны упрекать меня въ развратѣ»

Передъ нимъ пронесся образъ Соболевой, навѣявшій на него какое то новое радостное чувство.

«Нѣтъ, Настя не будетъ моею женою и я не сдѣлаюсь ея любовникомъ», рѣшилъ онъ.

Дѣвушка напрасно пыталась удержать его въ своихъ объятіяхъ; онъ тихо но рѣшительно отвелъ ея руки.

У Насти задрожали ноги и посинѣли губы. Она была видимо возмущена.

— Никакъ ты вздумалъ насмѣхаться надо мною! крикнула она, не помня себя отъ гнѣва.

— Оставимъ это все, оставимъ и забудемъ

одинъ другаго....нѣтъ постой; прежде всего я долженъ извиниться передъ тобою.

— Долго ли ты насмѣхаться-то станешь?

Настя схватила подпорку отъ яблони я запустила ею въ Радужнаго. Толстая палка свиснула въ воздухѣ и задѣвъ его за плѣчо, упала въ высокую траву. Молодой человѣкъ стиснулъ зубы, въ рукѣ онъ почуствовалъ острую боль.

— Спасибо тебѣ Настя, теперь мнѣ не нужно просить у тебя прощенія. Онъ гордо поднялъ голову и хотѣлъ повернуться.

— Кажется я ушибла тебя? Она подбѣжала къ нему съ лицомъ искаженнымъ отъ страха.

Съ минуту онъ молча смотрѣлъ на эту дѣвушку, и сердце его оставалось нѣмо, видя ея страданія Кризисъ прошелъ,—онъ уже не увлекался ею; но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было досадно, зачѣмъ миновала эта любовь.

Въ это время калитка слегка скрипнула и въ ней показалась Соболева; она вдругъ поблѣднѣла какъ полотно и руки сложились у ней на груди. Она сдѣлала усиліе, чтобы двинуться впередъ, но ноги ея не повиновались и дѣвушка остановилась, какъ вкопанная. Ни Радужный ни Настя не видали ея прихода и она стояла сбоку отъ нихъ въ какихъ нибудь тридцати шагахъ-

— Ничего, сказалъ онъ обращаясь къ Настѣ, мнѣ не больно!

— Не правда, я вижу, что больно! голосъ ея дрожалъ отъ слезъ.

— Успокойся говорю тебѣ, теперь все прошло, да все!... повторилъ онъ, только уйди отъ сюда.

— Убей меня, растопчи своими ногами, но я не уйду отъ тебя!

Настя упала къ его ногамъ и обнимала его колѣни.

— Встань Настя, прошу тебя встань, опомнись и забудь о томъ, что было.

— Убей меня, или хотя прибей хорошенько, мнѣ легче будетъ!

— Если ты сейчасъ не встанешь, то я перестану говорить съ тобою и завтра же уѣду.

Въ голосѣ Радужнаго слышалась не привычная ему строгость.

— Я уйду, а ты не уѣзжай! сказала она.

— Честное слого не уѣду.

Настя зарыдала и покачиваясь въ стороны направилась въ хмѣльникъ. Ужасная мысль пришла ему въ голову.

— Куда ты идешь? крикнулъ онъ ей вслѣдъ.

— Пойду на рѣку, лицо свое умою; а то люди смѣяться станутъ, отвѣтила она такимъ разсудительнымъ голосомъ, что Федоръ Гавриловичъ сразу успокоился. Когда Настя скрылась онъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Соболевой.

— Вы ее любите! протянула она на распѣвъ и дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ.

Онъ хотѣлъ поддержать ее.

— Нѣтъ я не требую вашей помощи

— Любовь Дмитріевна, Люба.... ты видѣла все; я радъ случаю, что дѣло объяснилось само собою. Теперь ты должна знать, что я люблю только тебя.

Онъ схватилъ ее за руку; она быстро ее отдернула.

— Вы полагаете, что такъ легко перейти изъ однихъ объятій въ другія?

Она окинула его гордымъ взглядомъ; онъ прочелъ въ ея лицѣ сильное негодованіе.

— Люба.... это наконецъ ужасно! Ты видишь, ты должна понять, что я переживаю въ эту минуту: я обезсиленъ внутреннею борьбою, я прошу твоего участія, даже не участья, а одного только привѣта и ты отказываешь мнѣ въ немъ.... это ужасно!

Радужный схватилъ себя руками заголову, присѣлъ на землю и громко зарыдалъ. Ей такъ и хотѣлось кинутся ему въ объятія и онадолго боролась съ собою. Черезъ нѣсколько секундъ она подошла къ нему, наклонилась и пожала ему руку.

— Теперь я не могу дать тебѣ ничего болѣе! сказала она.

— Благодарю, благодарю! и онъ цѣловалъ ея платье.

— Теперь тебѣ остается ждать, такъ какъ я ждала тебя прежде.

— Я стану ждать, ты одна въ цѣломъ мірѣ можешь утѣшить меня; у меня нѣтъ другихъ близкихъ людей.

Она помогла ему встать и они пошли домой

— Боже мой! да я слабъ. какъ ребенокъ! воскликнулъ онъ въ отчаяніи.

— Помни, что я съ тобою, сорвалось у нея съ языка.

— Еслибъ ты только знала, какъ облегчила меня этими словами, ты сразу повѣрила-бы моей искренности.

Вечеромъ они разговаривали между собою, какъ старые друзья. Вороновъ замѣтилъ, что произошло что-то особенное и послѣ ужина тотъ часъ-же отправился спать въ сѣнной амбаръ.

— Гдѣ Федоръ Гавриловичь? остановила его Настя уже на дворѣ.

— Тамъ въ избѣ.

— Съ кѣмъ онъ сидитъ?

— Съ барышнею. А ты скоро сдѣлаешся моею женою?

Не досаждай теперь, дай мнѣ власть выплакаться.

— Дура да ты не плачь.

— Какъ не плакать, когда думы свои дѣвичьи хоронить собираюсь.

— Глупенькая, вмѣсто дѣвичьихъ будутъ женскія думы—тѣ лучше.

Онъ поймалъ ее за руку; но она вырвалась и убѣжала въ избу дяди Матвѣя.

На другой день послѣ обѣда Любовь Дмитріевна сѣла въ бричку Радужнаго рядомъ съ нимъ и они поѣхали на станцію желѣзной дороги. Имъ приходилось ѣхать вмѣстѣ пятьдесятъ верстъ. Дорогою онъ говорилъ тихо, спокойно и мягко, какъ человѣкъ, пережившій недавную бурю.

Всякій можетъ составить себѣ понятіе о томъ душевномъ настроеніи, въ которомъ находился молодой человѣкъ, когда проводивъ Соболеву, онъ возвращался домой.

Любовь Дмитріевна пробыла въ Дубровкѣ только двадцать дней, но послѣ того между молодыми людьми завязалась переписка, обѣщавшая не прекращаться болѣе никогда.

ГЛАВА XVI.

На четвертый день послѣ сцены въ саду Настя встрѣтила Радужнаго въ первый разъ на крыльцѣ сыроварни. Они посмотрѣли другъ на друга и ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова. Между молодыми людьми молчаніе воцарилось на долго. Все

это время дѣвушка не могла оставаться безъ дѣла и если у нея не хватала своей работы то по вечерамъ она помогала теткѣ въ ея хозяйственныхъ заботахъ. Варя забѣгала къ ней чаще прежняго Подруги встрѣчались, здоровались, осматривали одна другую, но почти не разговаривали. Такъ проходили дни, убиваемые работою въ четырнадцать часовъ, а за ними слѣдовали томительныя, полусонныя ночи. Нѣсколько разъ дядя Матвѣ спрашивалъ у своей племянницы:

— Чего ты носъ-то повѣсивши ходишь?

— Такъ, что-то не весело.

Старикъ заботливо осматривалъ дѣвушку.

— Здорова-ли ты голубушка моя?

И Матвѣй гладилъ ее по головкѣ; а Насти хотѣлось плакать. Разъ она не выдержала и залилась слезами.

— Нишни ты дура-чего это? сказалъ старикъ, удивленный такою выходкою дѣвушки. Потомъ подумавъ не много, онъ поднялъ ее голову вверхъ и посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Можетъ быть просватать тебя надо за кого нибудь; ну говори шельма, сразу дѣло кончу!

— Нѣтъ дядя, мнѣ ничего не нужно, отвѣтила она улыбаясь сквозь слезы.

— Ну то-то! а какъ нужно будетъ, такъ прямо и скажи мнѣ. Скажешь?

— Скажу дядя, говорила она ласкаясь къ старику.

— Смотри скажи-же, а теперь пошла къ своему дѣлу.

Матвѣй былъ доволенъ, ему казалось, что онъ разрѣшилъ загадку.

Послѣ старика къ дѣвушкѣ приступила ея подруга, которая соскучилась играть въ молчокъ.

—Настя, говорила она, заставъ дѣвушку у рѣки,что ты мнѣ ничего не скажешь?

— Говорить-то мнѣ нечего.

— А что дѣлаетъ Федоръ Гавриловичъ?

— Онъ все молчитъ.

— Такъ ты ему сказала бы что нибудь; право я не вытерпѣла бы на твоемъ мѣстѣ.

— Стыдно мнѣ Варя въ глаза ему смотрѣть.

— Что такъ?

— Да вѣдь я его коломъ шарахнула со всего размаха.

— Неужели это правда?

— Какъ есть правда.

— И зашибла ты его?

— Должно быть зашибла; какъ что дѣлаетъ такъ лѣвую руку все бережетъ.

— Отъ того онъ и молчитъ.

— Нѣтъ—у него нравъ уже такой.

Варя задумалась.

— Какъ я посмотрю хорошенько, то и вижу что не быть у васъ толку сказала она.

— Много я думаю и сама объ этомъ; только никакъ не пойму, чего ему отъ меня хочется?

— Знаешь Настюша, чудной человѣкъ твой, Федоръ Гавриловичъ.

— Правда твоя голубушка—никто въ деревни не можетъ настоящимъ образомъ допытаться, что онъ за человѣкъ.

— Больно уже уменъ.

— Я думала, что мое счастіе не такое, какъ у другихъ людей, однако лучше бросить все это.

Настя закрыла лицо руками и тихо заплакала.

— Брось Настюша, въ самомъ дѣлѣ такъ-то лучше будетъ.

Варя обняла свою подругу.

— Только очень, очень я ему за все благодарна, шепнула ей Настя.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ такой добрый, да жало. стливый для всѣхъ, а только намъ съ нимъ не ровнятся.

Послѣ этаго разговора Настѣ сдѣлалось легче. Она додумалась наконецъ до чего-то опредѣленнаго, сосредоточилась и начала мириться со своимъ положеніемъ. Встрѣчаясь съ Радужнымъ она начала съ нимъ здороваться самымъ привѣтливымъ образомъ; онъ съ улыбкою кланялся ей, весело

приподнимая фуражку; но по всему было видно, что прежнихъ отношенiи между ними уже не существуетъ.

Вороновъ, отправившiйся къ себѣ въ сыроварню вскорѣ послѣ отъѣзда Соболевой, не ожиданно явился осенью въ Дуброво. Онъ былъ серьезенъ и пожимая руку Федору Гавриловичу, сдавилъ свой кулакъ съ большою силою.

— Вы сегодня собираетесь кажется бороться со мною? шутилъ хозяинъ.

— Извините—я не думавши сдѣлалъ можетъ быть вамъ больно; но видите-ли что: мнѣ нужно съ вами объясниться.

Они сѣли на турецкiй диванъ.

— Вотъ что: я люблю Настю, а она любитъ васъ, началъ Григорiй Петровичъ.

— Теперь любовь эта доживаетъ свои послѣднiе дни, перебилъ его хозяинъ.

— Да-знаю и увѣренъ, что вы, какъ честный человѣкъ не захотите разжигать погасшей страсти этой дѣвушки которая послѣ будетъ вамъ въ тягость; сойдясь съ нею вновь вы составите ея несчастье.

--Вы напрасно трудитесь дѣлать мнѣ наставленiя.

— Извините—еще разъ. Я человѣкъ прямой: говорю какъ думаю, пожалуйста не обижайтесь на меня.

— Ну—съ, а потомъ что?

—Больше ничего. Я боялся только, чтобы вы

не крянули Насти съ мѣста. Она крѣпка, но пересадки не выдержитъ. Вотъ, если у меня будутъ дѣти, то я прямо навяжусь къ вамъ съ просьбою, посвѣтить ихъ во всѣ таинства спиритуализма, матерьялизма, гуманизма и нигилизма; для нихъ это будетъ полезно; а мы съ Настею люди русскіе простые: что подумаемъ, то и выскажемъ, что захотимъ, то и сдѣлаемъ и все это въ одну минуту, а тамъ послѣ хоть голову рубите намъ за это.

— Значитъ вы женитесь на Настѣ?

— Нѣтъ, прежде всего я хочу съ нею сойтись.

— На дняхъ она получитъ мѣсто сыроварки въ двухъ верстахъ отъ сюда.

— Дядя ее отпускаетъ?

— Это такъ близко отъ Дуброва.

— Теперь къ зимѣ работы будетъ меньше—стану чаще навѣщать ее.

Онъ улыбнулся и весь просіялъ отъ радости.

— Дайте мнѣ я еще разъ пожму вашу руку; вы первый человѣкъ безукоризненной чесности, съ которымъ я встрѣчаюсь! сказалъ Григорій Петровичь.

Передъ тѣмъ, какъ садится въ бричку Вороновъ встрѣтилъ на улицѣ Настю. Онъ слегка хлопнулъ ее по плечу; она засмѣялась и хватила его по спинѣ, какъ быть слѣдуетъ.

— До свиданья! сказалъ онъ садясь въ бричку.

— Прощай, если опять не пріѣдишь!

— Стерплю я не пріѣхать; какъ бы не такъ!

*

— Пріѣзжай смотри.

Онъ уѣхалъ, а Настя вошла въ сѣни.

" Какъ у нихъ все это скоро дѣлается,, думалъ Радужный, наблюдавшій за этою сценою изъ своего окна.

" У меня рука не успѣла еще зажить, а у ней уже все переработалось, разсуждалъ онъ и вышелъ на улицу.

Ѳедоръ Гавриловичъ долго бродилъ по деревнѣ, потомъ присѣлъ на скамейку подлѣ воротъ одной изъ избъ, ближайшихъ къ рѣкѣ.

Въ огородѣ слышались женскіе голоса.

— А знаешь-ли ты кумушка, что Настка Матвѣева полюбила кажется Григорія Петровича? пропищалъ тонкій дискантъ, выдававшей грудную болѣзнь говорившей.

— Ужъ это такое дѣло. Если дѣвка молода и пригожа, то непременно полюбитъ того или другого человѣка, потому она въ самомъ соку и ждать ей некогда, отозвался грубый баритонъ.

— Наши-то парни чего зѣваютъ?

За тѣмъ въ огородѣ раздался дребезжащій смѣхъ, который непріятно звучалъ въ ушахъ Радужнаго· Слышанный имъ разговоръ показался ему крайне циническимъ и онъ долженъ былъ сознаться, что отзывы этихъ бабъ о Настѣ оскорбляли его отживающія чувства къ молодой дѣвушкѣ.

Ѳедоръ Гавриловичъ вскочилъ съ мѣста и ско-

рымъ шагомъ пошелъ къ сыроварни, въ которой рѣшился проработать цѣлую ночь.

Черезъ недѣлю Настя сопровождаемая дядею, была уже готова ѣхать на полученное ею мѣсто. Она зашла проститься съ Радужнымъ.

— Прости меня въ чемъ провинилась! сказала она, входя въ его комнату.

— Я самъ виноватъ предъ тобою.

— Не говори мнѣ этого. Понимаю я тоже что меня ты до толку довелъ, теперь одного жалованья 200 рублей въ годъ получу.

— Значитъ ты вполнѣ счастлива? я радъ за тебя.

Настя вдругъ потупилась и завертѣла передникъ въ своихъ рукахъ.

Слеза капнула съ ея черной рѣсницы.

— Что ты со мною только сдѣлалъ? вотъ до сихъ поръ еще сердце болитъ, сказала она тѣмъ грустнымъ голосомъ, въ которомъ не слышно было ни горечи, ни досады; такъ говорятъ люди, прощаясь на всегда съ своими пріятелями, нажитыми ими на чужой сторонѣ.

— Дай тебѣ Богъ всего хорошаго! сказалъ онъ протягивая ей руку.

Она поймала эту руку, крѣпко сдавила ее своими ладонями и поднесла къ губамъ.

— Не дѣлай этаго, если не хочешь ссориться со мною! протестовалъ онъ.

Молодые люди поцѣловались и этотъ поцѣлуй

еще разъ убѣдилъ ихъ, какъ стали они другъ другу далеки. Радужному сдѣлалось тошно и онъ поспѣшилъ окончить это свиданіе.

Наступила зима и Вороновъ женился на Настѣ къ величайшему удивленію дяди Матвѣя, который сперва не соглашался на этотъ бракъ, но обдумавъ дѣло хорошенько и убѣдясь, что Григорій Петровичъ въ самомъ дѣлѣ простой человѣкъ, онъ благословилъ невѣсту и гулялъ на свадьбѣ цѣлыхъ три дня. Радужный былъ шаферомъ у невѣстѣ и радовался ихъ счастью, которое освободило отъ недовольства своимъ поведеніемъ за все послѣднее время.

ГЛАВА XVII.

Вскорѣ послѣ этой свадьбы Федоръ Гавриловичъ передалъ всѣ свои дѣла Воронову и поѣхалъ въ Петербургъ устраивать новый складъ для артельныхъ продуктовъ. Здѣсь онъ часто видѣлся съ Соболевой, по прежнему дружелюбно бесѣдовалъ съ нею по вечерамъ, но дѣвушка была сдержана и въ той роли ей постоянно помогала Ларчина.

— Онъ человѣкъ отличный, но подверженъ увлеченіямъ; пусть остепенится, совѣтовала она Соболевой.

Любовь Дмитріевна крѣпилась и самолюбіе помогало ей выдерживать себя. На всѣ вопросы молодаго человѣка, о ихъ счастьи, она ласково подавала ему руку и говорила, что необходимо подождать. Радужный прожилъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца и не слышалъ отъ нея ничего болѣе утѣшительнаго. Прощаясь она опять поцѣловала его въ лобъ; но когда Федоръ Гавриловичъ уже вышелъ изъ дома, она хотѣла отправиться за нимъ, но была рѣшительно остановлена кроткими словами своей пріятельницы.

Отъ Соболевыхъ Радужный пошелъ къ Пучинину. Сергѣй Платоновичъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ у насъ артелей.

— На Волгѣ тоже устраиваются артели подъ руководствомъ образованныхъ людей, сообщивъ онъ своему товарищу.

— Я не зналъ этого.

— И одна изъ нихъ накопила себѣ уже порядочный капиталъ, который артельщики хотятъ внести въ казну въ счетъ выкупа за ихъ землю. Нынѣшній министръ смотритъ хорошо на это дѣло и я увѣренъ, что правительство согласится поддержать ваши сыроварни.

— Наше дѣло уже заявило себя краснорѣчивыми цифрами нашего годоваго оборота.

— Да, я скоро подамъ о немъ докладную записку, сообщи мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія.

— Я вышлю тебѣ ихъ.

— Надо, что-бы наши артели развивались между мастеровыми всѣхъ производствъ, и тогда только польза ихъ сдѣлается очевидною.

— Да намъ нужно поставить свое дѣло какъ слѣдуетъ, и повѣрь, по нашему примѣру разовьются артели и въ другихъ мѣстахъ; мы уже заложили прочный фундаментъ.

— Кромѣ того надо подвинуть народное образованіе. Трудъ и сбереженіе очень почтенныя вещи, но безъ прочнаго образованія—они не дадутъ націи силу.

— Въ этомъ земство можетъ оказать гораздо больше пользы, чѣмъ частная инициатива. Устраивтя артели, мы прямо даемъ народу рубли, а считать ихъ крестьяне отлично умѣютъ. Грамотность и образованіе не имѣютъ того-же убѣдительнаго свойства.

— Ты неразчитываешъ быть земскимъ дѣятелемъ?

— Ты знаешъ отецъ лишилъ меня наслѣдства и писалъ, что надаетъ векселей всѣмъ своимъ родственникамъ.

— А то теперь, когда сыроварни пошли въ ходъ, ты могъ-бы заняться другимъ дѣломъ. Я думаю, что такія личности, какъ Вороновъ, о которомъ ты мнѣ такъ много говорилъ, поведутъ его не хуже тебя и даже я палагаю лучше, потому, что они

счастливы въ той средѣ, въ которой ты стоишъ особнякомъ.

Въ этомъ Өедоръ Гавриловичъ согласился съ товарищемъ, который поздно вечеромъ проводилъ его на машину. Прощаясь они поцѣловались нѣсколько разъ.

Скоро Радужный очутился снова въ Дубравѣ; но теперь ему не было здѣсь такъ-же хорошо, какъ прежде. Письма Соболевой и Пучинина составляли эпохи въ его однообразной жизни, въ которой Вороновъ такъ сильно наслаждался вмѣстѣ съ своею женою. Өедоръ Гавриловичъ уже пережилъ первую молодость, которая можетъ обойтись безъ многого потому, что жизнь бьетъ тогда черезъ край и внутреннія ея силы быстро исправляютъ ущербы, получаемые нами изъ-внѣ.

Конечно Өедору Гавриловичу было отрадно вспоминать, что онъ неразстратилъ попусту лучшіе годы своей молодости, но это утѣшеніе, наполняющее весь досугъ стариковъ; не удовлетворяли потребностямъ его живой и сильной натуры. Что-бы заглушить подобныя мысли, Радужный усиливалъ свою дѣятельность, ѣздилъ во всѣ мѣста Россіи, гдѣ только требовалось его участіе, но тѣмъ не менѣе письма его къ Соболевой отличались какою-то неровностью, въ нихъ замѣтно было раздраженіе, которое переходило иногда въ восторженныя обьясненія его любви къ молодой дѣвушкѣ.

Слѣдя за ихъ перепиской, Ларчина не находила въ себѣ болѣе, силъ для того, что-бы давать Соболевой прежніе совѣты. Любовь Дмитреевна, со своей стороны, полагала что Радужный уже довольно наказанъ; за свою вѣтрянность но она со дня на день откладывала свое намѣреніе написать ему, какъ она сама сильно страдаетъ, не видя его подлѣ себя.

А время шло. Өедору Гавриловичу минуло уже двадцать девять лѣтъ и онъ воспользовался первою тяжелою минутою для того, что бы безъ всякаго вмѣшательства юношескаго пыла, скептически посмотрѣть жизнь въ самые ея глаза. Передъ нимъ стояло человѣчество, лишенное добродѣтелей и стремящееся удовлетворить своимъ животнымъ наклонностямъ. Онъ хотѣлъ-было закрыть глаза, но одумался и назвавъ себя трусомъ, продолжалъ начатый анализъ.

« Нѣтъ, рѣшилъ онъ, я пропаду какъ растеніе съ подточенную сердцивиною, если моя юношеская любовь къ людямъ, не будетъ теперь поддержана любовью къ женщинѣ.»

И ему представлялась картина его счастья вблизи съ ласкающею его Соболевою, и онъ снова чувствовалъ себя тѣмъ-же добрымъ и сильнымъ человѣкомъ, какимъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Не отходи отъ меня, или я сдѣлаюсь злымъ и безобразнымъ» упрашивалъ онъ признакъ; но въ

комнатѣ становилось пусто по прежнему и онъ въ бѣшенствѣ ломалъ себѣ руки.

Однажды въ длинный зимній вечеръ, Радужный получилъ письмо и деньги. Онъ далеко откинулъ отъ себя книгу и разорвалъ конвертъ. Письмо это было отъ отца и вотъ что онъ прочелъ.

«Ѳедя! съ каждою минутою вокругъ меня пустѣетъ все болѣе и болѣе. Старческое сердце охлаждается и изъ дряблыхъ моихъ рукъ выпадаетъ и выскальзываетъ все что живетъ и двигается. Я одинъ—сижу въ знакомомъ тебѣ креслѣ и оплакиваю свои ошибки, по мѣрѣ того, какъ смиряюсь передъ близкой смертью, побѣдившею мою гордость. Только теперь, когда свѣтскія привычки и безсильная гордость не даютъ мнѣ уже ничего, только теперь я понимаю, какое великое счастье имѣть сына. Сойтись или разойтись съ нимъ въ убѣжденіяхъ—это фраза, потерявшая въ моихъ глазахъ всякій смыслъ. Когда предъ мною обнажилось все, и вездѣ я вижу одинъ скелетъ безъ всякихъ прикрасъ, тогда я началъ вѣрить только въ одно убѣжденіе, а именно: всѣ мы должны умерѣть, сдѣлавъ въ жизни возможно большее число глупостей. Да, но все таки слово „сынъ“ имѣетъ на меня волшебное дѣйствіе; кромѣ тебя ничто въ свѣтѣ не оживитъ моихъ леденѣющихъ членовъ; только согрѣй меня своимъ присутствіемъ и я сойдусь съ тобою въ остальномъ. Дайте мнѣ сына

для того, чтобы я снова повѣриль въ любовь и тогда я примирюсь и прощу всѣмъ людямъ самыя геніальныя ихъ глупости. А въ жизни своей я дѣлалъ ихъ такъ часто. Послѣдняя и самая колоссальная была та, что я лишилъ тебя средствъ, которыя мнѣ самому не нужны. Пріѣзжай—возьми ихъ, но главное прости твоего старого отца, который оплакиваетъ свою глупость. Вѣрь мнѣ—я храбрый русскій офицеръ, сь пулею въ груди, я плачу въ ту минуту, когда пуль уже недолженъ боятся ни одинъ трусъ, выживающій изъ ума, такъ какъ теперь это дѣлаетъ твой отецъ. Но я опять пишу глупость. Прости-же, прости меня, и вѣрь, что я плачу.»

Въ P.S. было прибавлено, что генералъ посылаетъ ему денегъ и что онъ пять лѣтъ тому назадъ записалъ на службу сына, который теперь произведенъ въ колежескіе ассесоры.

„Теперь я уже не предводительствую" такъ старикъ закончилъ свое посланіе.

Ѳедоръ Гавриловичъ былъ сильно тронутъ этимъ письмомъ. Два дня онъ собирался отвѣчать на него и не могъ. Онъ понялъ положеніе старика и боялся пріѣхать къ нему, не предупредивъ его объ этомъ. Неожиданная радость могла убить отца.

«Отецъ, писалъ онъ, благодарю, тысячу разъ благодарю тебя какъ за твое письмо, такъ и зато, что ты лишилъ меня денежныхъ средствъ. Ты на-

зываешь глупостью все, кромѣ любви, по этому, основываясь на этой любви, я утверждаю, что ты не сдѣлалъ послѣдней колосальной глупости. Лишивъ меня матеріальныхъ средствъ, ты далъ мнѣ возможность убѣдиться въ томъ, какъ легко человѣкъ, имѣющій только здоровыя руки и любовь въ сердцѣ, можетъ достигнуть до своей благой цѣли. Я съ гордостью могу сказать, что не былъ въ числѣ послѣднихъ работниковъ, когда добывалъ свой хлѣбъ личнымъ трудомъ, и если на новымъ поприщѣ, которое ты мнѣ теперь открываешь, я успѣю на столько-же на сколько успѣлъ въ прошломъ и при томъ буду такъ-же добросовѣстенъ, какъ и прежде, то я умру спокойно; надъ моею могилой станетъ сторожить человѣческая рука, благословляющая меня во имя великой любви. Болѣе всего я радуюсь тому, что за послѣднѣе время, русская мысль сдѣлала такой громадный шагъ, что переходя отъ дѣятельности простого работника къ званію дворянина, владѣющаго хорошимъ состаяніемъ, я не имѣю никакой надобности дѣлать въ себѣ нравственный переломъ; напротивъ—всѣ честные люди новой моей среды поставятъ мнѣ въ заслугу то ничтожное начинаніе, которое твердимъ камнемъ легко въ основаніе будущаго народыаго богатства извѣстной мѣстности; а на тѣхъ, которые станутъ меня осуждать, я стану смотрѣть, какъ на злобствующее безсиліе. Жди

меня отецъ, я буду къ тебѣ очень скоро. Не много дней займетъ моя передача дѣлъ другому человѣку любви, который расширитъ и укрѣпитъ мои начинанія. Еще разъ благодарю и цѣлую тебя.»

Отправивъ письмо, онъ поѣхалъ къ Воронову и сказалъ, что желаетъ передать ему свою дѣятельность. Тотъ согласился на это, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы труды его раздѣлялъ другой сыроваръ изъ студентовъ оставившихъ университетъ въ достопамятный 1862 годъ и чтобы содержаніе Радужнаго, выдаваемое ему экономическимъ обществомъ, было раздѣляемо по ровну между обоими дѣятелями.

— А мнѣ позвольте на всегда оставатся членомъ артельныхъ сыроварень и сдавать свои продукты въ вашъ Петербургскій складъ, сказалъ Ѳедоръ Гавриловичъ; повѣрьте мнѣ, что добывая эти продукты я постараюсь, какъ можно менѣе эксплуатировать своихъ работниковъ.

— Мало того, мы не предпримемъ ничего важнаго безъ вашаго согласія; вы членъ всѣхъ нашихъ совѣщаній и контролеръ Московскаго склада.

Когда въ Дубровѣ разнесся слухъ объ отъѣздѣ Радужнаго, народъ началъ осаждать его двери съ утра до вечера. Болѣе всѣхъ говорилъ Николай, надъ которымъ никто не трунилъ въ эти прощальныя минуты. Дядя Матвѣй, узнавъ причину выѣзда его постояльца, радовался счастью мола-

дого человѣка, но не могъ удержать своихъ слезъ. Настя пріѣхала укладывать вещи Ѳедора Гавриловича и плакала, какъ ребенокъ. Воронова нѣсколько разъ подмывала вторить своей женѣ, но онъ крѣпился, обѣщая навѣстить Радужнаго въ его собственномъ домѣ. Въ день своего отъѣзда Ѳедоръ Гавриловичъ угостилъ водкою своихъ деревенскихъ пріятелей и тихо выѣхалъ изъ Дуброва. Пару гнѣдыхъ жеребцовъ онъ подарилъ дядѣ Матвѣю, который проводилъ его до станціи желѣзной дороги.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЕ ДЕМОКРАТЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Радужный не засталъ въ живыхъ своего отца; его похоранили наканунѣ пріѣзда Федора Гавриловича въ свое имѣніе. Печальною процссеію, по волѣ покойнаго распоряжалась Шабрина. Молодого барина встрѣтилъ старый камердинеръ Ермолаевичъ, совершавшій турецкій походъ вмѣстѣ съ умершимъ генераломъ.

— Папенька вашъ, царство ему небесное, изволили отойти въ вѣчность одной недѣли не дождались, чтобы на сына посмотрѣть! сказалъ Ермолаевичъ, встрѣчая Радужнаго.

Камердинеръ хотѣлъ поймать его руку; но Федоръ Гавриловичъ обнялъ старика и разцѣловалъ его въ обѣ щеки.

— Пожалуйста—никогда не здоровайся со мною иначе, предупредилъ онъ Ермолаевича.

— Сколько лѣтъ покойный генералъ, все думалъ, что вы сами къ нему пожалуете. Ужъ я пыталъ имъ выговаривать: вы молъ в. п—во, извольте сына къ себѣ призвать, не ровенъ часъ: какъ что случится, то некому будетъ ваши глаза закрыть. Куда тебѣ! гонитъ вонъ. Характерный былъ вашъ папенька; твердость удивительную имѣли они въ себѣ. А вѣдь вотъ по моему все такъ и вышло, разсказывалъ камердинеръ, провожая Федора Гавриловича въ кабинетъ его отца.

— Вотъ здѣсь на этомъ мѣстѣ они Богу душу отдали, сказалъ онъ, указывая на изящную кровать

съ рѣзбою. Она была акуратно прибрана и покрыта атласнымъ одѣяломъ. Различныя ощущенія волновали молодаго хозяина; онъ сложилъ руки на грудь и молча стоялъ по срединѣ комнаты.

— А ужъ, какъ начали они къ вамъ письмо отписывать, то залились такими слезами, словно чувствовали, что не увидятъ васъ болѣе никогда. Сами плачутъ, а меня все распрашиваютъ: — «Ермолаевичъ, ты какъ думаешъ, очень сердится на меня Федя?» — «Сынъ все отцу своему проститъ, только письмо извольте скорѣе отправить,» отвѣчаю я. Письмо мы отправили, а дней черезъ десять и отвѣтъ получили; такъ этотъ отвѣтъ ихъ п—во читали, по сто разъ въ день—думаю, что не рѣже того и завѣщали они письмо ваше съ ними въ гробъ положить; такъ мы его въ руки имъ и сунули вмѣстѣ съ образомъ Божьей Матери. Ну, а только любви у него къ вамъ много было: въ послѣднее время всѣмъ, кто навѣщать ихъ жаловалъ, всѣмъ говорили, чтобы васъ предводителемъ дворянства выбрать. И гости многіе отзывы о васъ хорошіе дѣлали: «Теперь, говорили они, сынъ вашъ въ славу на всю Россію пошолъ, по хозяйственной значитъ части.» Со слезами выслушивали они эти слова и цѣловали всякаго, кто ихъ произносилъ. Еще говорили ихъ п—во, что вы тоже крѣпкаго характера—не хотите поступать какъ другіе, а дѣлаете все по своему.

Старикъ замолкъ, а Радужнуй кинулся на отцовскую кровать, прижалъ подушку къ своему горячему лицу и тихо, тихо заплакалъ....

— Воля Божія, грустно замѣтилъ Ермолаевичъ и почтительно отошолъ къ дверямъ.

Федоръ Гавриловичъ уже не замѣчалъ его присутствія и долго лежалъ на постели. Подушка была мокра отъ слезъ, когда солнце сѣло, а Радужный, облегчивъ свою грудь, крѣпко заснулъ. Старикъ подкрался къ нему на цыпочкахъ и долго осматривалъ лицо молодаго барина, безмятежно покоившагося на отцовской кровати: камердинеръ прислушивался къ его дыханью, приглядывался къ его рукамъ, къ одеждѣ, къ росту; все интересовало старика, изъ каждой мелочи онъ выводилъ свое заключеніе и въ результатѣ, вообще, остался доволенъ видимою добротою своего барина.

«На рукахъ носилъ, конфектами унималъ его отъ капризовъ,» подумалъ Ермолаевичъ и ему показалось, что онъ очень уже старъ, такъ старъ, что ни къ чему болѣе негоденъ, исключая болтовни съ Федоромъ Гавриловичемъ. Что-то похоже на послѣднія чувства покойнаго генерала шевельнулось у него въ груди и бездѣтному старику захотѣлось любить Радужнаго, какъ роднаго сына, а дряхлыя ноги, утомленныя долгимъ стояніемъ, такъ и подкашивались подъ его собственною тяжестью.

„Буду любить молодаго барина; кромѣ, меня никто въ его комнату утромъ не ступитъ“ думалъ онъ и боясь разчувствоваться, на скоро опустилъ сторы и вышелъ изъ спальни.

Послѣ своего пріѣзда, Федоръ Гавриловичъ провелъ два мѣяца безъ выѣздно вь имѣніи, полученномъ имъ отъ отца. Наконецъ, онъ окончилъ всѣ предварительныя дѣла и началъ заботиться о введеніи въ своей мызѣ раціональнаго хозяйства. Главное вниманіе покойнаго было обращено на лоша-

дей и въ конюшни ихъ стояло до двадцати; молодой хозяинъ сразу уменьшилъ ихъ число, болѣе чѣмъ на половину.

Весна уже кончилась и наступило лѣто. Соболева писала ему, что онѣ вмѣстѣ съ матерью, пріѣдутъ въ свою деревню, въ которой предполагаютъ провести нѣкоторое время. Радужный ожидалъ ихъ съ понятнымъ не терпѣніемъ. Дѣвушка уже успѣла высказаться ему въ своихъ письмахъ; имъ не обходимо было видѣться и говорить, говорить, какъ можно болѣе, Подъ вліяніемъ такой пріятной надежды Федоръ Гавриловичъ началъ снова разцвѣтать. Иногда наблюдая за его веселыми движеніями и за его быстрой ѣздою на добромъ конѣ, можно было думать, что къ нему возвратилась юношеская жизнь и что все прошлое и пережитое забыто имъ, какъ забываются обыкновенно мимолетные сны: но съ другой стороны стоило только взглянуть на него когда нибудь вечеромъ, когда онъ утомленный ѣздою по своему полю и по лѣсамъ садился задумчиво въ кресло и тогда можно было легко убѣдится въ томъ, что житейскій опытъ коснулся до него не совсѣмъ-то слегка; лобъ и глаза, испещренные мелкими морщинками, служили яснымъ доказательствомъ этого.

Въ одну изъ минутъ такого раздумья Ермолаевичъ доложилъ ему, что полковникъ Кохъ изволили пожаловать къ нему въ гости.

Алексѣй Владиміровичъ пріѣхалъ въ отпускъ къ своей теткѣ и счелъ нужнымъ побывать у сосѣда. Хозяинъ принялъ его довольно сухо.

— Вы знаете Соболевы пріѣхали вчера? объявилъ гость.

— Нѣтъ не слышалъ объ этомъ, сказалъ Радужный удерживая свою радость.

— Пожалуйста поблагодорите вашу тетушку за ея хлопоты объ моемъ отцѣ и моемъ имуществѣ, сказалъ онъ не много помолчавъ.

— Будте спокойны; мы съ тетушкою такіе люди, что дайте намъ только власть, такъ мы съумѣемъ удержать бразды всякаго правленія и хозяйственнаго и государственнаго.

Гость уѣхалъ-тотъ часъ послѣ обѣда, а Радужный велѣлъ осѣдлать верховую лошадь, сѣлъ на нее и помчался къ Соболевымъ, предупредивъ управляющаго, чтобы его скоро не ждали.

Любовь Дмитріевна очень обрадовалась, увидя Федора Гавриловича: она бросилась къ нему на встрѣчу и они молча простояли добрую минуту, держа другъ друга за руки.

«Il faut les marier» подумала мать и очень любезно приняла гостя.

Но молодые люди, почувствовали вдругъ, что на нихъ напала какая то робость и потому они завели общій разговоръ, который впрочемъ велся ими довольное удачно какъ во время вечерняго чаю, такъ и долго послѣ него вплоть до самаго ужина. Сидя за накрытымъ столомъ, они всматривались одинъ въ другаго и оба какъ будто въ чемъ-то сомнѣвались. Имъ необходимо было хорошенько высказаться и молодые люди отлично понимали это.

Прощаясь она подала ему руку и не отдергивала ее назадъ, а онъ поцѣловалъ кончики ея розовыхъ пальцевъ и потомъ каждый изъ нихъ отправился въ свою комнату.

ГЛАВА II.

Солнце еще не поровнялось съ вершинами вѣковой липовой аллеи, какъ Федоръ Гавриловичъ быстро вскочилъ съ кровати, на скоро одѣлся и растворилъ окно. Передъ нимъ цвѣточныя клумбы нѣжились въ обильно-выпавшей росѣ, которая окрасилась всѣми цвѣтами радуги, какъ только солнечный лучь скользнулъ по площадкамъ парка, разбитаго на весьма правильныя фигуры. Радужнаго охватила влажная свѣжость лѣтняго утра; ему захотѣлось дышать полною грудью и насладиться ароматомъ просыпающейся природы, но наслаждаться имъ съ тѣмъ излишествомъ которое извѣстно людямъ, дорожащимъ рѣдкими минутами нравственнаго покоя. Когда заботы охватитъ наше сердце, тогда мы перестаемъ разумѣть все даровое, прекрасное, такъ щедро раскинутое вокругъ насъ матерью природою.

Федоръ Гавриловичъ былъ теперь свободенъ отъ всякой обязанности и наслаждался своимъ бездѣйствіемъ. Радужный вдыхалъ въ себя здоровый воздухъ, его кровь прилила къ лицу, голова закружилась, знакомая дрожь пробѣжала по его тѣлу, а зубы готовы были стиснуться; онъ ожидалъ что изъ груди его вырвется могучій свистъ, вызывающій на бой весь свѣтъ, которому онъ въ такія минуты готовъ былъ бросить свою перчатку; но вмѣсто того Федоръ Гавриловичъ простоялъ неподвижно добрую минуту, за тѣмъ голова его

опустились на грудь, и бѣлыя шелковистыя кудри безпорядочно раскинулись по его раскраснѣвшемуся лицу. Его сѣрые глаза искрились тою не слезливою добротою, до пониманія которой доходятъ только сильныя натуры, умѣющія побѣждать въ себѣ всѣ мелко эгоистическіе инстикты. Губы молодого человѣка полуоткрылись и остались въ такомъ положеніи, какъ будто черезъ нихъ что-то дорогое съ силою, но безъ шума, вырвалось изъ его груди, которая выдавала свою безпомощность пополнить образовавшуюся въ ней пустоту; даже подбородокъ Радужнаго какъ будто онѣмѣлъ и повисшая на немъ эспаніолка была какъ-то странно всклокочена; она придавала лицу небывалой, растерянный видъ. Одинъ высокій носъ какъ-то гордо пoникъ къ землѣ и тѣмъ нарушилъ общее впечатлѣніе этого прекраснаго лица, которое такъ и напрашивалось на горячее участіе....

— Почему я вдругъ почувствовалъ себя не хорошо? подумалъ Радужный. Онъ какъ-то нерешительно тряхнулъ головою, медленно вышелъ изъ дому и направился къ озеру. Дойдя до берега онъ присѣлъ на скамѣйку, хотѣлъ раздѣться и поплавать, но не сдѣлалъ этого, а подперъ рукой свою голову, и углубился въ анализъ самаго себя.

А на той сторонѣ этого не большого озера, стояла деревня, раскинувшаяся по склону пригорка. Начавшись съ самаго берега, гдѣ низенькія бани почти совсѣмъ заросли высокимъ камышемъ, она принимала лучшій видъ по мѣрѣ того, какъ глаза поднимались къ вершинѣ пригорка, который застроился красивыми строеніями съ зелеными ставнями.

Въ томъ мѣстѣ селенія гдѣ кончались избы, а занимн виднѣлись домики съ тесовыми крышами, тамъ выросла каменная церковь, вершина которой отражалась въ водѣ. Кругомъ озера тянулись зеленыя поля наливавшагося хлѣба, въ который кусты ворвались не правильными пучками; а далѣе горизонтъ изчезалъ за раскошною растительностью глѣсовъ, густота которыхъ казалась непроницаемою. Солнце поднималось все выше и выше; оно уже разсѣяло остатки росы, висѣвшей надъ водою, какъ прозрачный туманъ; а Федоръ Гавриловичъ по прежнему сидѣлъ на одномъ мѣстѣ.

Но вотъ онъ почуствовалъ, что ему жарко; тогда весь рой неразрѣшенныхъ мыслей вылѣтѣлъ изъ его головы и онъ окинулъ мѣстность разсѣяннымъ взглядомъ. Въ это время легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по зеленому ковру полей, онъ наклонилъ хлѣбныя колосья которые поспѣшили выпрямиться и тогда вдругъ заволновалось это живое море выдававшее свое непостояптсво.

«Все живущее ненадежно» подумалъ Радужный, а подвижной вѣтерокъ, обличившій недолговѣчность земнаго ковра, ласкающаго нашъ взоръ, перелѣтелъ черезъ озеро, зарябилъ его поверхность и насмѣшливо свиснувъ въ камышахъ, поднялъ пыль около церкви, водяное изображеніе которой приняло неправильныя очертанія; глядя на поверхность воды казалось, что зданіе разбитое по всѣмъ направленіямъ разлагается на свои составныя части.

Федоръ Гавриловичъ раздѣлся и не торопясь вошелъ въ озеро. Скоро струя свѣжей воды возвратила ему бодрость; онъ весело плавалъ по озе-

ру, и даже забавлялся тѣмъ, что ему удавалось рябить его поверхность, почти также, какъ и пролетѣвшему вѣтру.

Черезъ полчаса Радужный вбѣжалъ на балконъ, гдѣ Соболева ждала его за чайнымъ столикомъ.

Онъ развязно подошелъ къ ней и поцѣловавъ ей руку сказалъ:

— Я виноватъ передъ вами.

— И будете за это наказаны, отвѣтила она, весело улыбаясь.

— Кто-же взялъ на себя право наказывать меня?

— Вы можете винить только самого себя за то, что maman уже отпила чай и ушла съ балкона въ будуаръ.

— Значитъ мое наказаніе состоитъ въ томъ, что я буду сидѣть съ вами глазъ на глазъ въ продолженіе двухъ часовъ по утру, двухъ передъ обѣдомъ, двухъ послѣ обѣда, и т. д. до самаго вечера.

Она не торопилась отвѣчать, за то ея глаза заботливо осмотрѣли лицо молодаго человѣка, но должно быть Соболева не разгадала всего, что ей было нужно и потому вмѣстѣ съ улыбкою исчезла ея мимолетная радость. Желая отогнать отъ себя непріятныя мысли, она съ большимъ вниманіемъ налила стаканъ чаю и старательно сдѣлала два бутерброда. Когда Любовь Дмитріевна стала передавать ему стаканъ и хлѣбъ, глаза ихъ встрѣтились и оба они невольно разсмѣялись.

— Отчего вы сегодня проспали? любопытствовала она.

— Не проспалъ, а хуже того—я не доспалъ.

— И часто съ вами бываетъ это?

— Да,—особенно въ послѣднее время.

— Это почему?

— Я и самъ не умѣю объяснить себѣ этого.

— Постарайтесь, межетъ быть и объясните.

— Знаете-ли, въ послѣднее время я особенно не доволенъ собою.

— Я начинаю думать, что въ жизни вашей произошелъ переломъ.

— Нѣтъ, Любовь Дмитріевна, я не способенъ къ переломамъ.

— Что вы понимаете подъ этимъ словомъ?

— Я называю переломомъ такую перемѣну въ убѣжденіяхъ, которыя исключаютъ наши прежнія понятія о вещахъ.

— То есть въ большей или меньшей степени.

— Это все равно. Если мы только допустимъ переломы въ человѣкѣ, то мы должны допустить, что его дѣтство не имѣетъ прочной нравственной связи съ его юностью, а юность съ зрѣлымъ возростомъ. Я охотно допускаю, что такіе не цѣльные люди существуютъ въ большомъ числѣ экземпляровъ, но по моему мнѣнію, это бѣдные больные субъэкты, перестающіе видѣть вещи собственными глазами.

— Но однако-же вы сами постоянно измѣняетесь.

— Очень естественно, что всѣ люди, не потерявшіе способности развиваться, измѣняются съ каждымъ годомъ; но во мнѣ эти измѣненія имѣютъ коренную связь съ тѣми вещами, которые мною пережиты въ прошедшемъ; напримѣръ положимъ, что теперь я понимаю любовь нѣсколько иначе, чѣмъ прежде; это значитъ только, что прежнее чувство любви развилось во мнѣ и измѣняя пред-

меты, къ которымъ я отношусь съ этимъ чувствомъ, я не измѣняю себѣ; потому что не измѣняю чувству, которое во мнѣ всегда было.

— Значитъ по вашему въ любви не можетъ быть перелома? можно переносить свою любовь съ одного предмета на другой и увѣрять себя, что все идетъ по старому.

— Любовь можетъ видоизмѣняться—я уже говорилъ вамъ это; но переломъ въ этомъ чувствѣ наступаетъ по моему мнѣнію тогда, когда оно замѣняется чѣмъ нибудь другимъ, напримѣръ равнодушіемъ, или ненавистью, съ которыми мы относимся къ цѣлому міру. И это случается съ большинствомъ слабыхъ людей, которые потерпѣвши неудачу въ первыхъ своихъ привязанностяхъ, становятся, или апатичны ко всякому чувству, или вымѣщаютъ на другихъ тѣ неудачи, которыя сами пережили.

— Вотъ что вы называете переломомъ, и она долго и пристально смотрѣла на профиль его лица, къ которому возвратилась обычная ему энергія.

— Знаете ли что я вамъ скажу? сказала наконецъ Соболева, какъ то не рѣшительно.

— Не знаю, но очень хочу знать.

— Нѣтъ—это пустяки.

Федоръ Гавриловичъ обернулъ къ ней свое лицо; на немъ играла насмѣшливая улыбка. Любовь Дмитріевна подосадовала на свою излишную скромность.

— Я хотѣла сказать, что многія женщины по не волѣ боятся такихъ мущинъ, какъ, вы! въ голосѣ ея слышалась раздражительность.

— Въ вашихъ устахъ эти слова становятся для меня непонятны.

Она улыбнулась но такъ мягко и нѣжно—чисто по женски.

— Какъ я радъ, что мнѣ удалось увидѣть на вашемъ лицѣ эту улыбку, и Радужный въ одно мгновеніе принесъ изъ своей комнаты складное зеркало, которое и поставилъ передъ нею.

— Ну, что-же? ничего особеннаго, сказала она отталкивая зеркало.

— Конечно, нѣтъ ничего особеннаго, только прежде вы такъ никогда не улыбались.

— А знаете ли почему это?

— Потому вѣроятно, что прежде никого не боялись, и онъ весело разсмѣялся.

— Нѣтъ, не шутя скажу вамъ, что иногда я боюсь васъ, настаивала она.

— То есть вы боитесь не мою личность, а вы опасаетесь за себя.

— Вы удивительно хорошо отгадываете.

— И опасаясь полюбить такого вѣтреннаго человѣка, какъ я все таки любите меня вотъ уже скоро шесть лѣтъ; за это дайте мнѣ еще разъ поцѣвать вашу хорошенькую ручку.

Соболева молча позволила ему исполнить это желаніе.

— Нѣтъ—меня тревожить совсѣмъ не то: вашей вѣтренности, въ обыкновенномъ смыслѣ этого снова, я не признаю, сказала она минуту спустя.

— А что-же?

— Да то, что вы такой подвижной человѣкъ. Вы брасаетесь на все новое и съ пренебреженіемъ относитъ къ прошлому, пережитому вами.

— Нѣтъ вы не такъ меня понимаете: я не пренебрегаю старымъ; а оно просто надоѣдаетъ мнѣ, но въ этомъ нельзя винить никого.

— А кто же тому причиною?

— Вольно же стареть тѣмъ лицамъ и предметамъ которыхъ мы равнодушно отодвигаемъ на заднiй планъ.

— Вы говорите это серьезно?

— Серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Я полагаю впрочемъ, что мои отношенiя къ вамъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ я цѣню давнишнiя привязанности лицъ, не умѣющихъ старѣть.

Соболева крѣпко пожала ему руку.

— Но съ вами случилось что то особенное, утверждала она.

— Да-вы угадали теперь я чуствую себя какъ-то иначе чѣмъ прежде; иногда мнѣ кажется даже что я вдругъ постарѣлъ, а вы знаете, какъ для меня тяжела эта мысль, иногда же я опять чуствую въ себѣ присутсвiе молодыхъ силъ и радуюсь за себя. Вообще я переживаю какое-то неопредѣленное состоянiе....

— Посмотримъ что изъ этого выработается.

— Да, это и меня интересуетъ.

— Но вы конечно не откажете мнѣ теперь же передать все то, о чемъ вы передумали за послѣднее время.

— Не теперь, а черезъ нѣсколько дней.

— Когда—же?

— Когда буду чуствовать въ томъ потребность, и онъ сошелъ съ болкона.

— Куда-же вы еще не прошло двугъ часовъ съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь сидимъ?

— Пойду пошалить.

— Въ этомъ вы чуствуете потребность, имѣя тридцать лѣтъ отъ роду?

— Да, прощайте.

Радужный скрылся, а она начала общипывать попавшуюся ей подъ руки сиреневую вѣтку.

«Вотъ уже пять лѣтъ, какъ я его люблю, думалось ей, и что же мнѣ дали эти молодые годы, въ которые мои сверстницы успѣли насладиться всѣмъ счастіемъ полной жизни, какъ семейной, такъ и общественной?.. А я, кромѣ благотворительности; которую могу дѣлать потому только, что случай далъ мнѣ средства, да кромѣ скучныхъ поѣздокъ въ Петербургъ и за границу—я ничего не сдѣлала ни себѣ, ни другимъ, хуже того—мнѣ самой неизвѣсно чего я хочу отъ жизни. Я люблю и кажется начинаю быть любимою; но одно это нисколько не опредѣляетъ моихъ отношеній къ людямъ и не даетъ мнѣ ничего для оцѣнки собственной личности; которую не за что уважать.» Затѣмъ Любовь Дмитріевна вспомнила о своихъ подругахъ дѣтства. Изъ нихъ многія вышли за мужъ за людей вполнѣ установившихся и заслужившихъ извѣстность въ Петербургѣ, другія ограничились болѣе скромною, провинціальною жизнею, а нѣкоторыя устроили свою жизнь самымъ печальнымъ образомъ, вспоминая о нихъ другія подруги, взлелѣянныя судьбою, называли ихъ: «несчастными.»

Но все таки, думала Соболева, всѣ они сдѣлали хотя попытки жить, а я вращаюсь между ними, какъ лишняя вещь, отпавшая отъ того сложнаго

механизма, который называется обществомъ. И что страннѣе всего.. я не могла бы примириться ни съ однимъ изъ тѣхъ положенiй, которыми такъ довольны мои счастливыя сверстницы. Но однако я не могу-же образовать особенный мiръ въ нашемъ обществѣ, который такъ педатично и съ такою силою ставитъ каждаго на опредѣленное ему мѣсто Время идетъ—мнѣ уже дватцать четыре года, каждый день уноситъ что нибудь изъ тѣхъ свѣжихъ юношескихъ увлеченiй, которыя составляютъ прелесть молодости. Ужасно подумать о томъ, что когда пройдетъ эта молодость, тогда уже невозможно счастье, какъ не мыслима мужественная зрѣлость безъ здороваго дѣтства. У всего есть прошедшее и любовь каждаго человѣка должна имѣть особую исторiю, а безъ нея она становится смѣшною, гадкою продѣлкою сѣдыхъ волосъ и дѣлается противною даже для тѣхъ, которые хотятъ ею пользоваться позднимъ числомъ. Нѣтъ я хочу жить во что бы то ни стало; какъ нибудь но только жить!» На ея лицѣ заигралъ свѣжiй румянецъ легкiя морщинки изчезли съ ея лба какъ бы отъ дѣйствiя волшебной силы, ея длинныя рѣсницы сдѣлались еще длиннѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ то блескъ карихъ глазъ дѣвушки усилился, тонкiя страстныя губы дрогнули полуоткрылись и задрожали, какъ въ лихорадкѣ; она откинула голову назадъ и крѣпко держалась за перила обѣими руками. Сердце ея за билось сильнѣе, она перестала различать правильное очертанiе предметовъ; ноги подкосились и упавъ на стулъ она громко зарыдала. «Что со мною—я плачу?» удивлялась она черезъ минуту. Соболева отерла свои слезы и снова начала тере-

бить туже вѣтку сирени, лежавшую на перилахъ балкона.

Вдругъ раздался топотъ лошади, скакавшей за садомъ.

Любовь Дмитріевна долго прислушивалась къ этому топоту потомъ она слегка улыбнулась и бросила въ садъ сиреневую вѣтку.

«Вотъ и всегда такъ, думала дѣвушка, стоитъ мнѣ только вспомнить о его присутствіи здѣсь и все, что прежде казалось мнѣ невозможнымъ или ужаснымъ—все это разсѣивается и передъ мною остается одно только энергичное и доброе лицо Федора Гавриловича. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ безъ него я ни съ чѣмъ не примирюсь и мое счастье будетъ тамъ, гдѣ станетъ жить Радужный. Воображаю, какъ удивились бы весьма многіе услышавъ отъ меня эти слова но онѣ искревни....»

ГЛАВА III.

— Мамаша, вы не можете себѣ представить, какъ я сегодня счастлива! говорила дѣвушка, входя въ будуаръ Вѣры Осиповны.

— Mais vous êtes toujours excelentee ma chere, отозвалась старуха, выпуская книгу изъ рукъ.

— Да, я очень счастлива и хочу сдѣлать какую нибудъ шалость, какъ сказалъ сейчасъ Ѳедоръ Гавриловичъ.

— Il ne manque que cela.

— Maman, прикажите пожалуйста осѣдлать мою лошадь.

— Съ кѣмъ же ты поѣдешь?

— Съ берейторомъ; но я должна встрѣтиться съ нашимъ гостямъ.

— Un rendes-vous, c'est fameux! и старуха сердито разсмѣялась.

— Я позвоню, mamam, и дочь дернула сонетку.

— Что прикажите? спросилъ вошедшій слуга.

— Велите берейтеру осѣдлать барышни лошадь и самъ онъ поѣдетъ сзади нее, приказала мать.

— Слушаюсь, и слуга вышелъ.

— Люба, я давно хочу поговорить съ тобою серьезно, начала старуха, поправляясь въ своемъ креслѣ.

— Я васъ слушаю maman.

— Мнѣ начинаютъ надоѣдать твои продѣлки съ m—er Радужный.

— Почему-же маменька? Вѣдь его посѣщеніе васъ не компроментируетъ?

— Нисколько, душа моя, напротивъ мнѣ пріятно видѣть у себя питомка такой древней дворянской отрасли, какъ Радужный; но это компроментируетъ тебя mamhére.

— Объ этомъ не безпокойтесь—это касается только до меня одной.

— Vous êtes bien impertinante ma chere.

— Я дѣлаю все, чтобы вы были спокойны; но дайте же и мнѣ свободу располагать своею личностью.

— Вижу, что ты еще не измѣнилась.

— Я и не измѣнюсь маменька.

— Ну, какъ хочешь такъ и дѣлай; но прошу тебя объ одномъ: мучь меня какъ можно менѣе.

*

— Я и сама, мамаша не хотѣла бы мучиться и обвивъ шею Вѣры Осиповны дѣвушка поцѣловала ее нѣсколько разъ.

— Нѣтъ, это надо какъ нибудь кончить, сказала мать.

— Что кончить?

— Всю эту исторію.

— Пожалуйста оставьте его въ покоѣ, если любите меня; теперь я пойду одѣваться и пришлю къ вамъ вашу компаніонку.

— Прошу тебя пусть она почитаетъ.

По уходѣ дочери Вѣра Осиповна долго качала головою и съ недовольнымъ видомъ шептала себѣ подъ носъ какія—то слова. Въ комнату ввалилась толстая компаніонка; треснувшій паркетъ подъ тяжестью этой ожирѣвшей особы, заставилъ хозяйку поднять голову.

— Вы всегда съ трескомъ вламываетесь въ комнату, сердилась она.

— Всегда хочу ступить тихонько, но чтожъ мнѣ дѣлать, Вѣра Осиповна если старыя ноги не повинуются?

— Съ вами никогда не сговоришься; вы скоро, Богъ знаетъ, что сдѣлаете и оправдаетесь тѣмъ, что у васъ все совершается по мимо вашей воли.

— Ну объ этомъ не безпокойтесь; я сама дворянка, только вотъ теперь послѣ мужа обѣднѣла.

— Знаю, знаю—не повторяйте вашей исторіи; а лучше скажите мнѣ вотъ что: Люба уѣхала кататься?

— Я видѣла онѣ уже на лошадь садились.

— А не правда ли она хорошо держится въ сѣдлѣ?

— Да, ужъ привыкли.

— Нѣтъ, я говорю вамъ о ея стройной таліи, надъ которою гордо поднимается ея граціозная головка; такъ и кажется, что она повелѣваетъ всѣми прохожими.

— Прохожихъ-то тутъ мало, развѣ баба какая нибуть встрѣтиться, или мальчишки деревенскіе выйдутъ посмотрѣть.

— Ничего вы не понимаете--возьмите лучше книгу, да почитайте что нибудь.

Компаніонка взяла со стола журналъ и начала читать въ немъ продолженіе какого-то романа. Вѣра Осиповна не перебивала ее—она думала совсѣмъ о другомъ.

Вдругъ чтица замолкла.

— Что съ вами? спросила хозяйка.

— А Федоръ Гавриловичъ у насъ долго прогоститъ? спросила та неожиданно.

— Вѣроятно нѣсколько дней.

— Такъ надо похлопотать о томъ, чтобы ему приготовили комнату.

— Ну, конечно, уже это ваше дѣло.

— Да, зачѣмъ онъ такъ долго станетъ здѣсь жить?

— Вы-то о чемъ хлопочете?

— Вашу дочь нужно выдать за князя какого нибудь; а этотъ, что такое? даже безъ лакея пріхалъ сюда.

— Вы очень отстали, голубушка, современные молодые люди часто ѣздятъ одни; понимаете ли теперь это въ модѣ.

Компаніонка что-то проворчала и снова принялась за чтеніе. Черезъ полъ часа она опять остановилась.

— Что-же вы? спросила Вѣра Осиповна.

— Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.

Въ гостинной послышались чьи-то шаги.

— Радужный пріѣхалъ, процѣдила компаніонка,

— Подите и попросите его сюда.

Компаніонка вышла, а старуха не успѣла еще порядкомъ обдернуть свое платье, какъ въ будуаръ вошолъ Федоръ Гавриловичъ. Хозяйка протянула ему руку.

— А, здравствуйте, да вотъ садитесь сюда рядомъ со мною, приглашала она гостя.

— Я виноватъ предъ вами въ томъ, что нарушилъ сегодня порядокъ, заведенный въ вашемъ домѣ.

— Вы опоздали къ чаю, mais je vous en parie soyez comme a la maison. Мнѣ очень пріятно видѣть васъ у себя и Люба тоже рада этому.

Она впиласъ въ него своими глазами; но Радужный и бровью не моргнулъ.

— У васъ такъ хорошо, что я бросилъ свое хозяйство, чтобы отдохнуть здѣсь.

— Очень пріятно; а кто же тамъ у васъ въ имѣніи остался?

— Тамъ есть управляющій.

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Вы такъ нигдѣ и не служили! спросила хозяйка.

— Нѣтъ не служилъ.

— А еслибъ ваши родные были живы, они застзвили бы васъ послужить.

— Для службы найдется много людей и безъ меня.

— Je ne dis pas,—но знаете все таки не мѣ-

шало бы послужить; у вашего отца были хорошія связи.

— Нѣтъ я не буду служить.

— Гмъ—ну такъ женитесь, и она бросила на него косой взглядъ.

— Жениться-то я и самъ собираюсь.

— Да; и есть невѣста?

— Еще не знаю, какъ устроится наше дѣло, но я люблю вашу дочь.

Старуха не сразу нашлась — она долго ворочалась на одномъ мѣстѣ, хотѣла даже встать съ креселъ и подойти къ окну; но къ счастью языкъ ея наконецъ развязался.

— Вотъ посмотримъ; il faut voir, сказала она.

— А, гдѣ Любовь Дмитріевна?

— Она поѣхала кататься верхомъ и думала, что встрѣтить васъ.

— Я сейчасъ же отыщу ее, и молодой человѣкъ быстро удалился.

Объ старуха предалась уединенному размышленію, которое заключила тѣмъ, что слава Богу дѣло это кажется кончилось и она можетъ успокоиться. «Все таки Радужный дворянинъ и отецъ его имѣлъ хорошія связи,» подумала она и вышла въ гостиную для того, чтобы видѣть, какъ молодые люди будутъ возвращаться съ прогулки.

ГЛАВА IV.

Радужный, выйдя изъ дому, направился къ конюшни, длинному каменному строенію съ полу-

круглыми окнами и желѣзною крышею. Зданіе это строилъ покойный баринъ—большой любитель лошадей. Оно помѣщалось сейчасъ за садомъ.

— Выведи пожалуйста мою лошадь, обратился гость къ кучеру.

— Ваша лошадь еще не отпыхалась; но не извольте безпокоиться: я вамъ осѣдлаю любую изъ нашихъ, барыня намъ такой приказъ дала, чтобы вашей милости отказа не было и, погладивъ сѣдую бороду, кучеръ распахнулъ обѣ половины конюшни.

— Если такъ, то выведи мнѣ вотъ этого гнѣдаго жеребца, и Федоръ Гавриловичъ указалъ на высокую и статную лошадь, нетерпѣливо топтавшую полъ передними ногами.

— Эхъ, крякнулъ кучеръ, жеребецъ этотъ два года не чуялъ на себѣ сѣдока, его ни куда и не трогали, кромѣ того, что на кордѣ гоняли.

— Все равно, давай его сюда: сѣдлать не надо: только попонку накинь.

— Будто и вправду жеребецъ нашелъ себѣ сѣдока, скептически отозвался кучеръ, смѣривъ молодого человѣка съ ногъ до головы.

—Давай его—вотъ когда сяду, тогда посмотришь! Кучеръ надѣлъ на жеребца узду, педантично обтеръ недоуздокъ, отложилъ его въ сторону и подобравъ поводья вывелъ лошадь на дорогу.

— Попона есть? спросилъ Радужный, вооружившись казацкою нагайкою.

— Все готово: садитесь.

Схвативъ жеребца за холку Федоръ Гавриловичъ быстро вскочилъ ему на спину!.

— Не держи поводьевъ! крикнулъ онъ кучеру.

Тотъ отступилъ назадъ, а жеребецъ взвился на дыбы. Два сильныхъ удара нагайкою поставили лошадь на все четыре ноги, но она не унялась и попробовала скинуть сѣдока, подкидывая задомъ; послѣ нѣсколькихъ новыхъ ударовъ нагайкою, жеребецъ рванулся впередъ и вмѣстѣ съ сѣдокомъ скрылся за надворными строеніями.

— Должно быть и вправду жеребецъ своего хозяина нашелъ, замѣтилъ кучеръ, сбѣжавшимся дворовымъ.

Скоро Радужный возвратился; онъ подъѣхалъ къ конюшни тихой рысцею. Жеребецъ былъ весь въ мылѣ; онъ гордо держалъ свою голову дугой, сердито смотрѣлъ въ обѣ стороны, но должно быть рѣшился быть послушнымъ, потому что при слабомъ движеніи уздечки остановился, какъ вкопанный.

— Куда поѣхала барышня? спросилъ сѣдокъ у у кучера.

— А, вотъ извольте ѣхать прямо, потомъ держитесь поворотки въ лѣво, въ четырехъ верстахъ отъ сюда деревня будетъ, тамъ и барышню нашу встрѣтите: онѣ хотѣли завести лекарство къ своей кормилицѣ, та вишь захворала, что-ли.

— Спосибо—найду, и круто повернувъ жеребца, онъ здавилъ его шенкелями. Добрый конь желалъ вымѣстить свою неудачу на собственныхъ ногахъ и потому съ мѣста пустился въ карьеръ.

— Молодецъ! невольно вырвалось восклицаніе изъ груди старого бородоча.

Федоръ Гавриловичъ встрѣтилъ Соболеву подъ ою деревнею, на которую ему указалъ кучеръ. п ѣхалъ къ амазонкѣ на томъ же полномъ

карьерѣ и сразу осадилъ коня. Съ минуту она молча любовалась его раскраснѣвшимся лицомъ и тою непринужденною манерою, которая помимо образованія, дается всякому знатоку своего дѣла.

— Вы такъ сидите на лошади, какъ будто цѣлый вѣкъ только и занимались ихъ объѣздкою, сказала Любовь Дмитріевна.

— Словно вахмистръ нашого эскадрона! вставилъ свое словцо берейторъ, служившій прежде въ драгунахъ.

Его отпустили впередъ, а молодые люди поѣхали рядомъ и правыя ихъ руки очутились вмѣстѣ. Они ослабили поводья и запыхавшіеся лошади пошли ровнымъ шагомъ.

— Сегодня утромъ, говорилъ онъ, ты просила разсказать, что случилось со мною, а я сослался тогда на мнимую старость, которая вероятно тебя разсмѣшила.

— Мы уже на «ты»? спросила она.

— Пора намъ и на ты, но это вѣдь все равно.

— Хорошо, такъ что-же съ тобою случилось?

— Случилось во первыхъ то, что я пріѣхалъ въ свое имѣніе и давно уже умъ мой свободенъ отъ серьезныхъ заботъ.

— Но ты говорилъ что чувствуешь потребность отдохнуть и сосредоточиться. Это для меня очень опонятно

— Да, но досугъ мой слишкомъ продолжителенъ.

— И ты успѣлъ сосредоточиться?

— Да, конечно, умъ непривыкшій къ праздности, потребовалъ себѣ работы и оказалось столько вопросовъ, ожидающихъ немедленнаго розрѣшенія, что я хотѣлъ разсердиться и прогнать ихъ отъ

себя, какъ это мною всегда дѣлалось прежде, но не тутъ то было; вмѣсто того, что бъ изчезнуть эти вопросы еще сильнѣе осаждаютъ мою голову и я началъ испытывать всю тяжесть безсонныхъ ночей, которыя оставляютъ васъ утромъ въ томъ видѣ, въ кокомъ бываютъ пьяные. Русскіе люди, испытавшіе хорошую потасовку.

— Я это знаю,—но скажи мнѣ что же ты надумалъ?

— Чтобы объяснить тебѣ это надо начать изъ далека: съ того времени, когда я возвратился изъ заграницы. Тогда въ порывѣ юныхъ силъ я вызывалъ на бой небо и землю; смѣялся надъ людьми, думающими о личномъ счастьи и въ гордомъ сознаніи своей молодости, доходилъ до отрицанія всѣхъ людскихъ потробностей. Наука, трудъ, и общеставенная польза, вотъ то знамя, съ которымъ я готовъ былъ тогда подняться на пьедесталъ славы и такъ-же весело, пошелъ-бы на вѣрную смерть ради убѣжденья. Славное то было время. Тогда умственное движеніе юной Россіи взволновало по верхность тихаго океана и уничтожила его вѣковую плѣсень. То былъ моментъ общественнаго пробужденія, а потому въ немъ господствовали крайности. Тогда я кончилъ курсъ въ университетѣ и мнѣ былъ 21 годъ, славное это было время! Правда глубина океана до сихъ поръ остается не подвижною, но люди, какъ лилипуты бываютъ, счасливыт и отъ своей муравьиной работы!

Онъ прижалъ ея руку къ своей груди и молча проѣхалъ нѣсколько шаговъ. Она все еще слушала его и боялась нарушить тишину частыми вздохами ея груди, которая вдругъ заволновалась.

— Много грязной клеветы нашептала тогда на насъ завистливая злоба пошлецовъ, но не въ томъ дѣло, началъ онъ снова, если неопытная молодость увлекалась, то все таки это былъ признакъ ея живучести.

— Я сама помню это время, сказала она наконецъ.

— Да, да, ты должна меня понимать, и онъ сильнѣе прежняго прижалъ ея руку къ своему сердцу.

— И что-то сталось съ этою прекрасною, но не практичною молодежью?

— Что сталось? многихъ уже нѣтъ, другія опошлились и поглупѣли, но нѣкоторые до сихъ поръ твердо держатъ совое знамя и не выпускюатъ его изъ своихъ рукъ. Наученные опытомъ они сорвали съ него не нужные бирюльки, вызывавшія одни только буйные возгласы и омыли его своими слезами· Слезами безъ которыхъ не выростаетъ ребенокъ огорченный тѣмъ, чтоему приходится принаравливаться къ окружащему міру, отъ чего голова его стукается о всѣ предметы, свойства которыхъ ему неизвѣстны. Она болитъ эта умнѣющая голова! Свое знамя мы на смертномъ одрѣ передадимъ нашимъ дѣтямъ вмѣстѣ съ печальною исторію нашей молодости. Мы передадимъ имъ нашу любовь къ добру и къ самой любви, оправданной и провѣренной нашими научными знаніями.

— Я хочу быть матерью такихъ дѣтей, сорвалось словцо съ ея дрожавшихъ губъ.

— Это твое назначеніе, шепнулъ онъ ей нѣжнымъ разстроеннымъ голосомъ.

За тѣмъ разговоръ молодыхъ людей совершенно

прекратился. Вскорѣ они увидѣли усадьбу Соболевыхъ и остановились.

— Который часъ? спросила она.

— Уже четыре, отвѣтилъ онъ, посмотрѣвъ на часы.

— Поѣдемъ домой, тамъ maman ждетъ насъ обѣдать.

И они въѣхали на дворъ полною рысью.

— Этотъ разговоръ мы кончимъ сегодня вечеромъ, сказала она, сходя съ лошади.

— Да, мы будемъ кататься на лодкѣ послѣ обѣда.

— Насилу-то я тебя дождалась, погорячилась было старая хозяйка, высунувъ свою голову изъ окна гостинной.

— Merci maman, я сегодня вдоволь накаталась верхомъ.

— То-то-же проворчала старуха; а что M-r Радужный вы, кажется, безъ сѣдла ѣздили. Панкратій, обратилась она къ бородачу кучеру, пришедшему взять лошадей, какъ это тебѣ не стыдно?

— И безъ сѣдла-то сударыня на этомъ жеребцѣ одинъ только этотъ баринъ можетъ ѣздить; а съ сѣдломъ то онъ всякому голову сломитъ, сердито замѣтилъ Панкратій, не любившій, чтобы барыня мѣшалась въ кучерскія дѣла, которыхъ она понимать не можетъ.

— Да, на этой лошади еще нельзя ѣздить съ сѣдломъ, подтвердилъ Федоръ Гавриловичъ.

— Да это та дикая лошадь, которую я запретила запрягать?

— То-то и есть, снисходительно сказалъ кучеръ,

а вотъ вы извольте продать этого жеребца барину, и онъ увелъ лошадей.

— Vous domptez les cheveaux monsieur bravómil le fois, сказала старуха и прибавила—теперь будемъ обѣдать.

ГЛАВА V.

За обѣдомъ Вѣра Осиповна была очень оживлена, она много говорила, безпрестанно перебѣгала съ одного предмета на другой, разсказывала эпизоды изъ своей прошедшей жизни; иногда острила довольно удачно и по окончанiи обѣда весело отправилась въ свой будуаръ, сопровождаемая неизмѣнною компанiонкою, которая была не въ духѣ, что сильно потѣшало старуху. Молодые люди, оставшись одни, прошли къ озеру и сѣли въ лодку. Любовь Дмитрiевна помѣстилась на рулѣ; а Радужный взялся за весла, которыми сдѣлалъ нѣсколько взмаховъ по водѣ; потомъ онъ оставилъ ихъ въ мѣдныхъ уключинахъ и подсѣлъ къ Соболевой. Поверхность озера была гладка, какъ зеркало, и только лодка, качавшаяся отъ движенiй сѣдоковъ, нагоняла легкiя волны, которыя правильнымъ кругомъ катились далеко во всѣ стороны.

«Нѣчто подобное я переживалъ въ Дубровѣ, думалось ему, чувство осталось тоже, но оно только

развилось, сдѣлалось требовательнѣе и опять удовлетворяется. Да такъ-ли это?» задалъ онъ себѣ скептическій вопросъ и посмотрѣлъ на свою спутницу, у ногъ которой онъ такъ хорошо пріютился. Снизу лицо дѣвушки казалось еще лучше; особенно хорошъ былъ контуръ ея шейки на клоненной въ сторону, да прекрасными казались ея глубокіе глаза, спокойно скользившіе по однообразной поверхности воды. Казалось она была довольна и Радужный не хотѣлъ нарушать этого безмятежнаго довольства, которое такъ мимолетно и такъ рѣдко посѣщаетъ дѣтей нашего пытливаго вѣка. Онъ молчалъ и любовался ею, какъ артистъ роскошъ которую молодой человѣкъ позволялъ себѣ такъ рѣдко. Время летѣло, лодка слегка покачивалась, а пловцы были такъ счастливы своимъ бездѣйствіемъ, что не замѣчали, какъ вокругъ ихъ солнце своимъ прощальнымъ лучемъ приглашало людей на ночной отдыхъ.

Вдругъ глаза дѣвушки какъ будто заискрились; она посмотрѣла на него вызывающимъ взглядомъ и сдѣлала такое движеніе рукою, какъ будто хотѣлось оттолкнуть отъ себя что-то ее безпокоющее. Федоръ Гавриловичъ отодвинулся отъ ея ногъ; лодка сильно покачнулась ибрызги полетѣли во всѣ стороны.

— Скажи мнѣ, что ты думаешь о положеніи тѣхъ которые надѣются найти нетронуные силы въ душѣ любимаго человѣка и вдругъ наталкиваются на однѣ остатки этихъ силъ, давно уже разстраченныхъ? спросила она и гордо откинула назадъ свою хорошенькую голову.

— Я думаю, что тѣ люди, которые дѣлаютъ такія ошибки сами не знаютъ чего они хотятъ.

— Ничего не понимаю.

— А между тѣмъ это ясно, какъ день. Тѣ люди, которые подозрѣваютъ силы въ любимомъ человѣкѣ, слѣдятъ за его поступками и по нимъ уже убѣждаются въ томъ что силы эти существуютъ.

— Конечно такъ.

— Но всякій честный поступокъ требуетъ извѣстнаго напряженія. Говори что хочешь, но сущность дѣла останется все таже: природа устроила людей такимъ образомъ, что нравственное спокойствіе и ровная регулярная жизнь однѣ способствуютъ цвѣтущему здоровью. Когда-же степень нашаго развитія заставляетъ возмущаться людей самыми обыденными явленіями жизни, противъ которыхъ они устремляютъ свою лихорадочную дѣятельность, тогда мысль живетъ на счетъ другихъ нашихъ потребностей и односторонность всегда истощаетъ насъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ доказательствомъ нашей силы мы вносимъ и понятіе о нашему безсиліи. Умъ нашъ можетъ быть развитъ, но мы окажемся слабыми въ гражданскомъ мужествѣ; мы можемъ закалить себя въ послѣднемъ, но за отсуствіемъ горячаго участія близкаго человѣка легко попадемся въ руки негодяя, на котораго перенесемъ нашу потребность любить. Примѣровъ всему этому такъ много, что ихъ найти не трудно; стоитъ только осмотрѣться.

— Это совсѣмъ не утѣшительно, и она печально поникла головою.

— Жизнь наша складывается такъ, что мы не

можетъ ожидать отъ нея полнаго удовлетворенія всѣмъ нашимъ потребностямъ.

— По этому выходитъ, что жизнь ничего не-стоитъ. Она хороша только въ тотъ періодъ молодости, когда увлеченія заставляютъ насъ позабывать о своемъ личномъ счастьѣ; но потомъ, когда потребность этого личнаго счастья отзовется наконецъ въ груди съ такою болью, что медлить сдѣлается не возможно, тогда мы начинаемъ утѣшать себя соображеніями о томъ, что такъ и быть слѣдуетъ, то есть, что мы и не можемъ быть счастливы. Если такъ, то не нужно мнѣ вашей разумной жизни—лучше завтра же сдѣлаться дикимъ человѣкомъ, подчиненнымъ суевѣріямъ не понятой имъ природы, но свободнымъ отъ предразсудковъ и больныхъ раздраженій вашего развитаго ума.

Она была сильно взволнована. Радужный взглянулъ на ея раскраснѣвшееся лицо и едва замѣтная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Изъ одной крайности вы бросились въ другую, началъ онъ тономъ глубоко убѣжденнаго человѣка, если я говорилъ вамъ о томъ, что способности наши развиваются не равномѣрно; и что однѣ изъ нихъ, болѣе пригодныя къ дѣлу, развиваются въ ущербъ другимъ то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы мы не были въ состояніи дополнить пробѣла нашего воспитанія. Напримѣръ, въ то время, когда мы кончили курсъ, мои сверстники считали преступленіемъ думать о личномъ счастьи и на перекоръ физіологіи, бывшей тогда въ ходу, всѣ мы по мѣрѣ своихъ силъ посвятили себя исключительно одному дѣлу:—уничтоженія старыхъ предразсудковъ, Это доказывало въ насъ присутствіе силъ, благодаря

которымъ мы могли перенести множество лишеній самого существеннаго свойства.

— Ну хорошо, а теперь-то что-же выходитъ?

— Выходитъ не дурно, намъ минуло тридцать лѣтъ и потребность личнаго счастья сдѣлалась такъ ощутительна, боль накипѣвшая отъ постоянныхъ лишеній въ женской ласкѣ и въ тихомъ счастьѣ такъ сильна, что по твоему же выраженію медлить далѣе не возможно и дѣло это весьма поправимо. Радужный взглянулъ на нее и такъ нѣжно, нѣжно улыбнулся.

— Всѣ тѣ нравственныя свойства, продолжалъ онъ, которыя человѣкъ пріобрѣтаетъ, благодаря личному семейному счастью, мы разовьемъ ихъ въ себѣ весьма скоро и тѣмъ пополнимъ пробѣлъ своей односторонней молодости. Поздніе браки, къ несчастью, а можетъ быть и къ счастью, есть достояніе нашего времени.

— Да, подтвердила Соболева; она по видимому начала успокоиваться.

— Конечно, продожалъ онъ, при первомъ нашемъ сближеніи, мы должиы вычерпать изъ своей груди весь накопившейся въ ней гной нашей не удовлетворенной души, но потомъ дѣло пойдетъ своимъ чередомъ и еслибъ предвидѣлось, что впереди всѣ наши стремленія будутъ удовлетворены, то мы могли бы дойти до того самодовольства, которое чувствуетъ сытое нѣмецкое буржуа.

Любовь Дмитріевна вздохнула свободнѣе.

— Но, все таки, молодость наша не пришла даромъ, сказала она.

— Да, но великихъ дѣлъ намъ свершить не удалось. Грустнѣе-же всего то, что число нашихъ ни-

чтожно и я подозрѣваю, что оно еще уменьшается съ каждымъ годомъ.

— Все хотя, что нибудь да сдѣлали и въ будущемъ можемъ еще постараться.

Онъ тяжело вздохнулъ и долго молчалъ.

— Разъ возвращаясь съ охоты, началъ, наконецъ, Радужный: я шелъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ мальчикомъ лѣтъ шестнадцати. Дорога наша лежала черезъ поля, на которыхъ народъ убиралъ рожь. Разговорившись со мною этотъ мальчикъ между прочимъ замѣтилъ, что еслибъ земледѣльцу удавалось получать всѣ зерны, созрѣвшія на его полѣ, то люди были бы очень богаты. «Вы когда нибудь сосчитайте сколько зеренъ въ самомъ длинномъ и самомъ короткомъ колосѣ и тогда узнаете, что въ длинныхъ ихъ больше чѣмъ пятьдесятъ, а въ короткомъ все же есть пятнадцать. Получаемъ же мы всего по пяти зеренъ съ каждаго колоса» сказалъ онъ. Съ тѣхъ поръ я часто примѣняю это сравненіе къ тому порядку вещей, который ведется въ обществахъ людей. Каждая жатва ржи очень похожа на жизнь цѣлаго поколѣнія.

— Это удачное сравненіе.

— Но самое важное дѣло въ томъ, что по порывамъ не опытной молодости каждаго поколѣнія можно судить о томъ на сколько оно сильно и какую частицу добра и справедливости оно внесетъ въ общество. Молодость даетъ закалъ человѣку на всю жизнь и воспоминаніе о ней заставляетъ насъ забывать о нашемъ послѣдующихъ немощахъ. Стоитъ только вспомнить о своихъ юношенскихъ мечтахъ и о страстной работѣ молодыхъ лѣтъ и

тотъчасъ въ душѣ отыщется еще достаточно энергіи для того, чтобы поддержать нашу честную репутацію.

— Барышня Любовь Дмитріевна! послышался голосъ ея горничной съ берегу.

—Что случилось? отозвался Радужный.

— Маменька зовутъ васъ домой; Алексѣй Владиміровичъ пожаловали; приказано чай подават ь.

— Скажите, что, мы покатаемся еще не много на лодкѣ и будемъ чрезъ пол-часа, крикнулъ онъ.

— Милый, какъ я тебя люблю, не ожиданно сказала Соболева и протянула ему руку.

— Давно бы такъ, и онъ цѣловалъ ее какъ безумный.

— Развѣ это отъ меня зависило прежде?

— И не отъ меня тоже.

— Скорѣе отъ тебя , но ты любилъ свою прежде Настю.

— Нѣтъ я не любилъ ее, я только увлекался ею.

— Всѣ равно.

— Не все равно, потому что я любилъ не ее, а ту идею, который служилъ тогда и которой буду вѣчно преданъ; я люблю народъ, какъ своихъ угнетенныхъ братьевъ, но не люблю его грязной и тупой жизни, изъ которой мы должны его вытянуть.

— Я всегда понимала, что ты не могъ ее любить.

— Какъ ты не могла любить Коха.

Они поцѣлоeались еще разъ и онъ взялся за весла.

Гость встрѣтилъ ихъ на балконѣ и съ свойственною ему любезностью подалъ дѣвущкѣ руку, чтобы помочь ей подняться на лѣстницу, но она ловко

взбѣжала на нее и остановясь на послѣдней ступенькѣ залилась веселымъ смѣхомъ.

— Я увѣрена, что вы на меня разсердились, сказала она.

— Не смотря на все мое желаніе сдѣлать это— никакъ не могу, отвѣтилъ Алексѣй Владиміровичъ, пожимая руку Радужному.

— A votre place M-eur Kock je me saires faché! отозвалась хозяйка съ балкона.

— Я думаю, что это безполезно, тѣмъ болѣе что современные нравы не уполномочиваютъ меня къ этому и гость граціозно взошелъ на балконъ.

— Это такъ, но вы нѣмцы народъ педантичный. Русская современность не должна служить вамъ закономъ, отозвался Радужный.

— Vous etes bien costique aujoard'hαiu полковникъ покрутилъ усъ и прикусилъ его своими губами.

Послѣ чаю онъ раскланялся и уѣхалъ.

— Люба, ты кажется рѣшилась поссориться съ нашимъ сосѣдомъ, замѣтила Вѣра Осиповна, послѣ его отъѣзда.

— Я съ нимъ всегда ссорилась.

— Да, да—вы съ нимъ никогда не ладили—я и сама не люблю его, онъ такой фальшивый человѣкъ, но онъ очень уменъ.

Поздно вечеромъ, въ эту ночь Федоръ Гавриловичъ сѣлъ на свою лошадь и уѣхалъ въ свое имѣніе.

— Покорно благодарю-съ, проводилъ его бородачъ, ощутившій въ своей рукѣ рублевую бумажку.

ГЛАВА VI.

«Да, теперь я дѣйствительно люблю» думалъ Радужный, сидя на своемъ конѣ; а изъ груди его что-то просилось на просторъ, это что–то щемило сердце, спирало свободное дыханіе и разливалось по тѣлу не прывычнымъ для него нервнымъ раздроженіемъ. Онъ запѣлъ было пѣсню:

На цвѣты, цвѣты взирала
Сердце замирало;
Замирай, ми....рай мое сер....деч....ко
По....миломъ дру....жечкѣ!....

Но его грудь пò прежнему была стѣснена. Молодой человѣкъ осадилъ лошадь и осмотрѣлся: дорога шла лѣсомъ, нависшимъ съ обѣихъ ея сторонъ; впереди она все съ уживалась и при свѣтѣ зари блестѣла ускою длинною полоскою терявшеюся въ темнотѣ. Не вдалекѣ квакали лягушки и отъ времени до времени трещали сучья подъ тяжестью сѣвшихъ на нихъ птицъ, которыя шумомъ своихъ крыльевъ нарушали несносное жужжаніе комаровъ; гдѣ-то вдалекѣ кукушка насчитывала сколько лѣтъ проживетъ еще дѣвушка, которая выѣхала на ночь съ конемъ и обратилась къ птицѣ съ суевѣрнымъ вопросомъ. Слышался звонъ колокольчиковъ, подвязанныхъ къ пасшимся лошадямъ; а когда смолкла кукушка тогда раздалась вдругъ заунывная русская пѣсня, затянутая молодыми конюхами. Потомъ, какъ-то вдругъ настала тишина, а тамъ снова квакнули лягушки и раздался ве-

селый смѣхъ молодой дѣвушки, рѣзвившейся съ парнемъ подлѣ разведеннаго костра; за тѣмъ ничто уже не нарушало ночнаго молчанія, даже докучливые комары куда-то скрылись.

Грудь Радужнаго сжималась все сильнѣе и сильнѣе, а нервы его продолжали раздражаться; ему припомнились тѣ грезы молодости, которыя онъ такъ долго и такъ упорно отгонялъ отъ себя какъ не нужную роскошь и вотъ, какъ это бывало съ нимъ и прежде въ минуты досуга, ему чудится что какое-то легкое существо, разсѣкая воздухъ, двигается къ нему; молодому человѣку уже не сидится на мѣстѣ и онъ безпокойно ворочается на всѣ стороны. Никого нѣтъ—значитъ тревога его напрасна и онъ готовился уже выбранить себя за собственную глупость, но въ это самое мгновеніе имъ чувствуется близость свѣжаго дыханія молодой женщины, вертящейся около него съ быстротою видѣнія и ему кажется, что локонъ мягкихъ волосъ хлещитъ его по щекѣ.

Федоръ Гавриловичъ круто повернулъ коня и поскакалъ назадъ. Подъѣжая къ усадьбѣ Соболевыхъ онъ придержалъ лошадь, свернулъ съ дороги и объѣхавъ поле приблизился къ нижній части сада. Въ мезонинѣ, который занимала Любовь Дмитріевна уже не виднѣлось огня, въ спальнѣ ея матери было тоже темно. Самъ не зная для чего онъ въѣхалъ въ садъ и направился къ тому мѣсту, гдѣ они такъ не давно еще разговаривали и остановился; передъ нимъ сидѣла любимая дѣвушка на той самой скамейкѣ, гдѣ онъ всегда одѣвался послѣ купанья. Радужный соскочилъ съ коня и приблизился къ ней, преодолѣвая свое смущеніе.

«Какой я однако дуракъ!» бранилъ онъ себя въ душѣ.

— Мнѣ такъ и казалось, что ты вернешься, сказала она поднимаясь для того, чтобы поздороваться съ гостемъ.

— Да, представь себѣ, какъ это глупо.... бормоталъ онъ.

— Что-же тутъ глупаго?

— Какъ же не глупо?. безпокоить людей по ночамъ, словно влюбленный мальчишка.... руки его не находили себѣ мѣста, а ноги готовы были подкоситься.

— Что съ тобою? спрашивала она вглядываясь ему въ лицо, ты такъ разстроенъ?

«Болванъ, дуракъ школьникъ» бранилъ онъ себя въ душѣ и сказалъ громко:

— Я люблю тебя какъ сумасшедшій!

Она положила свою руку на его плечо и съ нимъ вдругъ сдѣлалась перемѣна къ лучшему; вмѣсто прежней ребяческой робости онъ почувствовалъ въ себѣ небывалыя еще силы, кровь отхлынула отъ сердца и могучими волнами разливалась по всему тѣлу: ему вдругъ сдѣлалось тепло, а грудь начала снова свободно вдыхать въ себя ночной воздухъ. Радужный обнялъ дѣвушку и, взявъ ее на руки, прижалъ къ своей груди. Онъ цѣловалъ ее съ упоеніемъ извѣстнымъ счастливцомъ, которые любятъ въ первый разъ. Соболева не сопротивлялась; въ ея глазахъ все это было естественнымъ посcѣдствіемъ ихъ созрѣвшей любви. Когда же онъ сѣлъ на скамейку и не выпуская ее изъ своихъ рукъ черезъ чуръ уже крѣпко сдавилъ ей грудь,

она удерживаясь отъ не вольнаго крика, спокойно сказала ему:

— Другъ мой, ты дѣлаешь мнѣ больно.

— Прости меня Люба— я не помнилъ себя, когда въѣзжалъ въ садъ; теперь я не много успокоился и еще разъ прошу тебя извинить меня, и онъ прекратилъ ови поцѣлуи.

— Нѣтъ, Ѳедя, я совсѣмъ не то говорю тебѣ— цѣлуй меня пожалуйста—право я это заслужила, да и притомъ поцѣлуи твои такъ юношески горячи, что я вѣрю въ твою любовь и вѣрю что ты любишь первый разъ въ жизни. Цѣлуй меня мой милый! и страстными губами она коснулась его горячей щеки....

— Люба, между нами кончены всѣ недоразумѣнія мы принадлежимъ другъ другу, сказалъ онъ спустя нѣсколько минутъ.

— Да, эти недоразумѣнія прекращены кажется надолго.

— Еще лучше, еслибъ навсегда.

— Ѳедя я такъ вѣрю въ твою любовь, что не хочу отпустить тебя, и она обвила его шею своими руками.

— Я понесу тебя въ бесѣдку, что подъ горой.

— Неси куда хочешь,—я твоя—и она, какъ ребенокъ довѣрчиво прижалась къ его груди. Въ тоже мгновеніе онъ почувствовалъ, что на его руку капнула горячая слеза.

— Ты плачешь? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Не обращай на это вниманія—я такъ долго ждала....

— Да, ты можешь,—или нѣтъ, ты должна

упрекнуть меня за то, что первый день нашей торжествующей любви встрѣчаешь тѣми слезами, которыя у тебя накипѣли въ продолженіе моей пяти лѣтней слѣпоты.... Люба, прости меня я одинъ во всемъ виноватъ!

Онъ посадилъ ее на скамѣичку, упалъ передъ нею на колѣни и, обвивъ ея ноги своими руками, зарыдалъ, какъ раскаившійся преступникъ. Она сидѣла молча, закрывъ лицо руками.

— Ты молчишь?... о ты имѣешь на это полное право. Что тебѣ за дѣло до моихъ извиненій, которыми прошедшаго уже не вернешь? Мучь, мучай меня хорошенько.... и молчи....

Вдругъ Радужный быстро всталъ, отошолъ въ сторону и рѣшительно отеръ глаза: онъ уже овладѣвъ собою. Соболева по прежнему все еще сидѣла закрывъ лицо руками.

— Послушай Люба, сказалъ онъ нѣжнымъ, но твердымъ голосомъ, будущее одно зависитъ отъ насъ и его мы можемъ только испортить своими сѣтованіями о прошедшемъ, которое внѣ нашей воли.

Онъ коснулся ея плеча и она опустила руки на колѣни. Радужный разцѣловалъ ея лицо, влажное отъ слезъ; она не сопротивлялась и не отплачивала ему лаской. Онъ снова припалъ на колѣни, обнялъ ее за талію, цѣловалъ ей руки и грудь; Любовъ Дмитріевна только вздохнула, но по прежнему оставалась неподвижна.

— Ты моя? спросилъ, онъ поднимая ее со скамѣйки.

— Твоя, отвѣтила она, едва слышно.

Онъ понесъ ее къ бесѣдкѣ...

Начинало уже свѣтать, когда они обнявшись вернулись къ знакомой скамѣйкѣ. Лошадь паслась на густой травѣ, растущей по берегамъ озера. Увидѣвъ своего хозяина, она только подняла голову, посмотрѣла на него и снова принялась щипать траву.

— Ты не ожидала, что я могу краснѣть, какъ школьникъ? говорилъ онъ весело смѣясь.

— Это доказываетъ только, что въ душѣ ты еще юноша.

— Да, мы еще можемъ пожить полною жизнею, но я долженъ тебя предупредить, что не одинъ юношескій жаръ довелъ меня до смущенія.

— Понимаю, ты долго крѣпился.

— А если человѣкъ удерживаетъ себя долго отъ чего нибудь, то онъ всегда впадаетъ въ эксцентричность.

— Неужели ты уже уѣзжаешь?

— Мнѣ нужно быть дома; только теперь я вспомнилъ, что сегодня обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ Вороновъ.

— Я хотѣла бы остаться съ тобою именно теперь и показать всѣмъ близкимъ ко мнѣ людямъ, какъ я сильно тебя люблю.

— Понимаю твое тщеславіе и готовъ его раздѣлить съ тобою не позже какъ завтра вечеромъ.

Онъ подобралъ поводья и вскочилъ на лошадь. Любовь Дмитріевна ухватилась за его ногу. Онъ нагнулся, взялъ ее за талію и поднялъ къ себѣ на сѣдло.

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь сидѣть! радовалась она.

Конь направился шагомъ къ калиткѣ, въ кото-

рую вошелъ еще вечеромъ; подлѣ нея онъ остановился. Радужный спустилъ дѣвушку съ сѣдла обнялъ ее, поцѣловалъ и уѣхалъ на полныхъ рысяхъ. Она посмотрѣла ему въ слѣдъ, слегка вздрогнула отъ дѣйствія утренней зари и отправилась съ свою комнату.

«Да, любовь все таже съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуетъ міръ. Вотъ и я, такъ называемая эмансипированная дѣвушка, сдалась его ласкамъ точно также, какъ это дѣлали дамы рыцарскихъ сердецъ; такъ же какъ онѣ я поняла жгучее признаніе его любви и оцѣнила ея искренность не лучше и не хуже чѣмъ любая дѣвушка нашей деревни». Такъ думала Любовь Дмитріевна, проводившая своего жениха.

Войдя въ свою комнату она почуствовала сильное утомленіе. Горничная, въ платьѣ и башмакахъ спала на диванѣ въ ея спальни. Соболева тихонько раздѣлась и сразу заснула сладкимъ сномъ счастливаго и усталаго ребенка.

ГЛАВА VII.

Солнце было уже высоко, когда проснулась Любовь Дмитріевна и нѣжась на своей постели припоминала все случившееся съ нею наканунѣ. Она потягивалась всѣми членами и одѣяло сбившееся къ ея ногамъ, упало на полъ, какъ не нужный покровъ стыдливости, не оскорбляемой посторонними взглядами любопытныхъ. Волоса, нѣжные,

какъ мягкій пухъ, раскинулись по ея плечамъ, обнаженнымъ измѣнчивою женскою рубашкою, которая почему-то такъ и шьется, что имѣетъ вѣчное поползновеніе спалзывать внизъ. Лицо ея съ томными глазами, скрытыми на половину спущенными рѣсницами, дышало тою свѣжестью сохранившейся юности, которая такъ живительно дѣствуетъ на людей всѣхъ темпераментовъ и всѣхъ спеціальностей. На щекахъ дѣвушки играла краска, которая то слабѣя, то снова усиливаясь, отражала движеніе счастливаго сердца любящей женщины, удовлетворенной своимъ выборомъ. При видѣ такой дѣвушки вы чувствуете, что она окружена какимъ то благоуханіемъ, производящимъ круженіе въ вашей головѣ и напрасно люди съ аскетическимъ настроеніемъ силятся не поддаться вліянію подобной красоты. Надо быть крайне развращеннымъ для того, чтобы глядя на мраморную статую мастера чувствовать, что нибудь, кромѣ артистическаго наслажденія отъ правильныхъ очертаній камня; но надо такъ-же быть больнымъ или истощеннымъ для того, чтобы не чувствовать себя совершенно особенно настроеннымъ при видѣ живой женшины, довѣряющей своему возлюбленному любоваться тѣмъ божественнымъ изяществомъ формъ, до которыхъ во всемъ видимомъ мірѣ дошелъ только человѣкъ. Любовь Дмитріевна вытянулась всѣмъ тѣломъ, тонкое бѣлье обрисовало изящество ея бюста, руки ея свободно задрожали въ воздухѣ и сладострастная нѣга пробѣжала по всѣмъ ея членомъ. Ей было хорошо и вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось какъ-

«Какъ это гадко и возмутительно, думала она, что общественная жизнь состоитъ изъ ряда повторяемыхъ обмановъ и лжи. Кто много вретъ, кто удачнѣе другихъ скрываетъ отъ всѣхъ свою природную физіономію, тотъ болѣе выдается впередъ и имѣетъ лучшій успѣхъ въ жизни; развѣ такой порядокъ вещей не долженъ скоро кончиться и неужели этотъ вопросъ, задаваемый всѣми любящими людьми, не долженъ разрѣшиться именно такъ, чтобы прекратились страданія милліоновъ нашихъ братьевъ?»

Она потянулась еще разъ и изъ груди ея вырвался звукъ, пріятно ласкающій наше ухо. Это былъ не то стонъ по отсутствующемъ другѣ, который долженъ скоро возвратиться, не то слабый крикъ, вызванный полнотою жизненнаго ощущенія. Позднѣе, когда Радужному удалось услышать подобный звукъ, онъ говорилъ, что одинъ наслаждающійся человѣкъ способенъ двинуть впередъ такое число людей, которое будетъ во сто разъ больше числа возмущенныхъ страданіями своихъ ближнихъ; нужно только, добавилъ онъ, что бы наслажденіе это не было куплено цѣною чужаго счастья и, чтобы полнота его не могла вмѣститься въ одной человѣческой груди, тогда прекрасная и любящая людская натура, разольетъ свое счастье по нервамъ окружающихъ его людей и сдѣлаетъ это помощею того звука, который удалось подслушать ему, Ѳедору Гавриловичу. Понимая это мы постигаемъ источникъ всѣхъ изящныхъ искуствъ и сознаемъ ихъ могучее вліяніе на цивилизацію.

— Въ самомъ дѣлѣ, крикнулъ онъ уже съ вос-

торгомъ, что значитъ жизнь и смерть, если цѣною ихъ нельзя купить одной минуты сознательнаго наслажденія? Рискуя этими жалкими жизнею и смертью, станемъ добиваться того, чтобы другіе были счастливы и можетъ быть не далѣе, какъ у нашихъ дѣтей вся молодость пролетитъ подобно тѣмъ минутамъ наслажденія, которыя такъ рѣдко посѣщаютъ насъ среди царствующаго разлада.

Эти слова Радужный говорилъ нѣсколько дней спустя послѣ того утра о которомъ теперь идетъ рѣчь. А Соболева долго еще потягивалось въ своей постели, потомъ встала и подошла къ окну. Ослѣпительный свѣтъ солнца заставилъ ее прищуриться и мимолетная краска не вольнаго стыда выступила на ея щеки, скоро она разлилась по нѣжнымъ плечамъ дѣвушки отъ чего кожа ея получила легкій, розовый оттѣнокъ. Любовь Дмитріевна никогда еще не подходила къ окну въ ночномъ negligée; теперь же, когда ея красота съ нравственной и съ физической стороны былапризнана восторгомъ любимаго человѣка, тогда дѣвушка перестала стыдиться передъ собою, передъ нимъ и передъ ослѣпительными лучами солнца. Рукою она заслонила глаза и полюбовалась тѣмъ самымъ ландшафтомъ съ вѣковыми дубами, на который въ прошлое утро такъ долго смотрѣлъ Радужный.

«И эти вѣковые дубы знаютъ, что страданія людей, не смотря на ихъ развитіе, остаются все тѣ же въ теченіи многихъ столѣтій и что однѣ только природныя побужденія поддерживаютъ въ нихъ желаніе жить; а общество, гдѣ всѣ другъ друга обманываютъ только утомляетъ насъ своею искуственностью, отбивающею правдивое жизненное

чутье; но такъ не можетъ продолжаться; должны явиться люди, которые найдутъ силу, связывающую общество и сила эта должна выразиться въ дружественномъ ихъ союзѣ. Какъ это сдѣлается— я не знаю, но чувствую, что такъ должно случиться и если бы я не вѣрила въ это, то не могла-бы любить никого!» Тутъ она вспомнила о Федорѣ Гавриловичѣ, улыбнулась и подойдя къ постели потрясла колокольчикъ, стоявшій на маленькомъ столикѣ, подлѣ ея кровати.

— Готово ли у васъ все, что нужно? спросила она у горничной, вошедшей на ея зовъ.

— Какое платье надѣните сегодня, барышня?

— Дайте какое хотите, сегодня все будетъ мнѣ къ лицу.

— Что же такое сегодня?

— Сегодня я счастлива, и дѣвушка улыбнулась, но прежде всего мы пойдемъ купаться въ озеро, прибавила она.

— Вы сегодня хороши, какъ ангелъ, сказала горничная, подавая ей утреннюю кофту.

— Если бъ вы были на моемъ мѣстѣ, то тоже похорошѣли-бы.

— Да, счастье молодитъ людей, такъ говорятъ старые люди.

— Мало того, оно дѣлаетъ ихъ добрѣе.

— Вѣрно у насъ сегодня будутъ гости, и горничная плутовски посмотрѣла на барышню.

— Почему вы такъ думаете?

— Ваша мамаша сегодня имянинница.

— Ахъ да! но скажите: вы не знаете-посылала-ли мамаша кому нибудь приглашеніе?

— На имянины приглашеній никогда не посы-

лаютъ, господа сами помнятъ этотъ день, отвѣтила горничная, посвященная во всѣ тайны свѣтскаго этикета.

— Вы правы, но тогда нужно будетъ сдѣлать это какъ нибудь....

— Извольте сказать все въ вашихъ рукахъ.

— Видите-ли въ чемъ дѣло: Федоръ Гавриловичъ не знаетъ, что мамаша имянинница и онъ пріѣдетъ сегодня только вечеромъ.

— Маменька ваша могутъ обидиться.

— Да, такъ нужно-бы его увѣдомить; но онъ живетъ за тридцать верстъ.

— Что за важность—до обѣда ее далеко.

— Такъ устройте это голубушка.

— Можно барышня. Я прикажу конюху съѣздить къ Федору Гавриловичу и сказать ему, что барышня молъ проситъ пожаловать къ обѣду.

— Вотъ и хорошо, пойдемте-же купаться вы у меня умница Надя.

— А если онъ такъ не поѣдетъ, то не лучше-ли сказать ему, что барыня имянинница?

— Не нужно онъ и такъ пріѣдетъ.

Онѣ отправились купаться и по Надиному лицу замѣтно было, что она поняла какую-то важную вещь.

ГЛАВА VIII.

Радужный отдохнувшій часокъ въ сѣнной кучѣ, попавшейся ему на дорогѣ встрѣтилъ позднее утро подъѣзжая къ своему селу; въ широкой рѣкѣ,

омывавшей его садъ, уже поласкались мальчишки, когда онъ въѣхалъ на свой дворъ. Старый камердинеръ и конюхъ встрѣтили его у подъѣзда.

— Не пріѣзжалъ-ли кто нибудь безъ меня? спросилъ онъ, слѣзая съ лошади.

— Пріѣхалъ какой-то человѣкъ въ армякѣ, отвѣтилъ камердинеръ.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Спитъ въ угловой, съ вечера долго васъ поджидалъ.

— Вы, конечно, приготовили ему все какъ слѣдуетъ?

— Какъ вы изволили приказывать.

— Ну вотъ что: я пойду въ спальню заснуть немного, а когда гость встанетъ, то просите его прямо ко мнѣ.

— Слушаю-съ.

Старикъ послѣдовалъ въ домъ за молодымъ бариномъ и когда они вошли въ спальню, онъ еще разъ поправилъ уже готовую постель.

— Больше ничего не прикажете? спросилъ камердинеръ, держа въ рукахъ снятые съ барина сапоги.

— Ничего—ступайте.

— Отдохните съ Богомъ, батюшка Федоръ Гавриловичъ и старикъ вышелъ, унося съ собою сапоги.

Радужный легъ въ постель и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Онъ чувствовалъ усталость во всемъ тѣлѣ, его глаза какъ-то охотно сомкнулись; ему казалось, что онъ сейчасъ уснетъ, благодаря полумраку, розлитому въ его спальнѣ, въ которой заботливый Ермолаичъ опустилъ сторы и занавѣси; но не тутъ-то было: утомленіе его вдругъ миновало, потомъ въ головѣ начали роиться воспо-

минанія, затѣмъ вѣки разступились и открытые глаза забѣгали по темному фону голубыхъ шпалеръ. Онъ нетерпѣливо повернулся на другой бокъ и замѣтилъ, что одинъ изъ толстыхъ шнурковъ, опущенной занавѣски находился еще въ движеніи. «Вѣрно Ермолаичъ задѣлъ его уходя», подумалъ онъ и снова закрылъ вѣки. Тогда Федоръ Гавриловичъ вспомнилъ о своей невѣстѣ, ему казалось, что ея образъ летаетъ около его кровати, но такое сосѣдство на этотъ разъ не усилило біенія сердца молодаго человѣка, напротивъ воспоминаніе о ней подѣйствовало на него успокоительно. Радужному чудилось что Любовь Дмитріевна кроткою лаской своихъ нѣжныхъ рукъ дѣйствовала на него самымъ успокоительнымъ образомъ; она словно закрыла ему глаза и онъ началъ засыпать подъ звукъ ея голоса, шептавшаго ему на ухо слова, полныя любви и надежды. Что-то примирительное слышалось ему въ этихъ обѣщаніяхъ, а скептическій умъ отказался отъ своего неумолимаго анализа. Федору Гавриловичу было лѣнь отнестись критически къ смыслу утѣшительныхъ рѣчей своей возлюбленной и ему было такъ хорошо вѣрить ей во всемъ, что она говорила.

Радужный какъ-то вяло полуоткрылъ глаза и опять повернулся лицомъ къ стѣнѣ; вѣки снова опустились сами собою, а въ ушахъ по прежнему звучала мелодія пѣвучаго голоса любимой женщины; но вдругъ ему что-то почудилось: и вновь глаза его увидѣли снова шпалеры. Онъ сталъ внимательно прислушиваться и совсѣмъ проснулся. «Хочу быть матерью твоихъ дѣтей произнесъ онъ въ

вслухъ, да она сказала это, бѣдная моя Люба, но извѣстно ли тебѣ, что ожидаетъ нашихъ дѣтей? Лучше для нихъ, это не вѣдѣніе и поденная работа, которая забивала бы въ нихъ всякое стремленіе къ широкой сознательной жизни; эта жизнь лишаетъ насъ нравственнаго покоя и вертя нами, какъ морской шквалъ вертитъ большимъ кораблемъ, терзаетъ насъ для того, чтобы мы достигли неосуществимой, идеальной жизни. Какое горькое и безнадежное сознаніе твоей слабости!» Федоръ Гавриловичъ приподнялся на постѣли и не весело осмотрѣлъ комнату, въ которой, благодаря тому же Ермолаевичу царствовалъ безъукоризненный порядокъ: даже всѣ отцовскія бездѣлушки—страсть покойнаго генерала, были разставлены въ педантическомъ порядкѣ, который отнималъ у камердинера добрыхъ два часа каждый день. Радужному стало досадно на эту дисциплину, въ которой старикъ держалъ его спальню; онъ соскочилъ на коверъ и подойдя къ туалету снялъ китайскаго мандарина съ Гетовскимъ мефистофелемъ; толстую русскую бабу съ хорошенькою парижскою танцовщицею; Александра Македонскаго съ Прудономъ, а Марью Антуанетъ съ Гобессомъ и Декартомъ. Возвращаясь къ постели онъ уронилъ двѣ вещицы на коверъ; одна изъ нихъ изображала мадонну, а другая танцующую гризетку.

«Пусть лежатъ, отъ этого будетъ еще болѣе безпорядка» подумалъ хозяинъ, закутываясь въ лѣтнее одѣяло. Вдругъ онъ разсмѣялся.

— Ха, ха, ха, да какой-же я чудакъ! Ну зачѣмъ я дѣлаю всѣ эти глупости! упрекалъ онъ себя сквозь откровенный смѣхъ. «Доктора говорятъ, что сумасшедшіе быстро переходятъ отъ одного

предмета къ другому, такъ быстро, что они не успѣваютъ отдавать себѣ отчета въ собственныхъ впечатлѣніяхъ; если такъ, то сегодня я близокъ къ сумасшествію. Милая Люба. ты на меня надѣешься, а я тутъ такъ дурю и школьничаю, что ни одинъ серьезный человѣкъ не просидѣлъ бы теперь долго со мною.

«Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до серьезныхъ людей, поглотившихъ житейскую мудрость; вѣдь ты, Люба, не отойдешь отъ меня и не станешь бранить меня за шалости?»думалъ онъ; полежалъ еще не много и опять вспомнилъ о дѣтяхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ онъ почти вслухъ, не надо чтобы дѣти наши тупѣли отъ поденной физической работы четырнадцать часовъ въ сутки. Совсѣмъ не справедливо будто труженики. зашибленные нуждой и работой имѣютъ нравственное спокойствіе. Вздоръ, они не довольны своимъ положеніемъ: ихъ терзаетъ зависть, а не развитость влечетъ къ пороку, отъ котораго образованные люди должны спасти ихъ хотя бы изъ чувства собственнаго самосохраненія. Да, въ тысячу разъ лучше быть недовольнымъ своимъ положеніемъ и по крайней мѣрѣ знать тотъ путь, которымъ можно выйти изъ него, чѣмъ тяготиться своею жизнею и на себѣ же вымѣщать недовольство, предаваясь разъѣдающей зависти и излишествамъ пьянства и любви, разрушающихъ здоровье. Недовольные по крайней мѣрѣ учатъ другихъ, какъ они могутъ выбраться на свѣтъ Божій и этимъ они поддерживаютъ себя на высотѣ созданнаго ими идеала. Послѣ такого монолога Радужный долго ворочался на постѣли, наконецъ опять таки задремалъ. И видитъ онъ безконечную равнину, утыканную

гвоздями, остріе которыхъ обращено кверху. По этой равнинѣ тамъ и сямъ виднѣются громадныя колесницы; ихъ колеса устроены такъ, что они могутъ свободно вращаться не портя острія гвоздей, онѣ касаются до ихъ основанія и колесницы несутся мимо съ быстротою, доступною только одному локомобилю.

«Интересно бы узнать, думалъ Радужный во снѣ, для чего геній человѣческаго ума тратился на изобрѣтеніе такихъ колесъ, которыя не уравниваютъ тернистой дороги, а только предохраняютъ отъ порчи ноги не многихъ счастливцевъ, попавшихъ на платформы и въ вагоны этихъ изящныхъ колесницъ?»

Мучительный вопросъ не даетъ ему покоя и за его разрѣшеніемъ онъ обращается къ кровавымъ страницамъ человѣческой исторіи. Войны, грабежъ и убійства, достовлявшіе славу тѣмъ, кто ихъ совершалъ въ большихъ размѣрахъ, объясняютъ ему все.

«Животный автагонизмъ и борьба за существованіе вотъ причины, заставившіе умъ человѣческій изобрѣтать такія безполезныя вещи», рѣшилъ Федоръ Гавриловичъ и холодъ, тотъ могильный холодъ, который проникая въ сердце производитъ тошноту, голово-кружевіе и обморокъ, этотъ холодъ прохватилъ его на сквозь; ему захотѣлось выпить свѣжей воды; но ее не оказалось и онъ ухватился обѣими руками за желѣзный гвоздь, торчавшій у него между ногами. Напряженіе-ли, съ которымъ онъ сдавилъ этотъ твердый предметъ, или внѣшній холодъ, проникшій въ тѣло отъ его прикосновенія до желѣза, умѣрилъ внутренній холодъ—не извѣстно, но ему вдругъ сдѣлалось луч-

ше, и досада, доводящая людей до потери сознанія, заставила его съ яростью пошатнуть большой гвоздь и согнувъ его придавить къ землѣ, которая на цѣлую квадратную четверть приняла видъ обработанной пашни.

«Да здѣсь можно сѣить пшеницу» снова рѣшилъ онъ и досада перешла въ тоскливое чувство одиночества, въ которомъ предстоитъ заняться такой трудноотупляющею и маловознаграждаемою физическою работою. А колесницы несутся по площади въ разныхъ направленіяхъ; изъ нихъ доносится до него веселый смѣхъ и пикантныя фразы хорошо произносммыя на всѣхъ современныхъ діолектахъ изрѣдка слышатся также голоса людей, прокричавшихъ научные термины и какъ видно глубоко изучившихъ различные отрасли наукъ. Радужный выпрямился, прекратилъ свою работу и началъ внимательно слушать слова, доносимыя къ нему изъ этихъ подвижныхъ притоновъ роскоши. На ихъ платформахъ виднѣлись молодые костюмы, яркіе цвѣта которыхъ совсѣмъ не рѣзали глазъ, напротивъ того художественное сочетаніе красокъ ласкало взоръ и манило не опытныхъ къ тѣмъ людямъ, которые умѣютъ украшать себя такъ искусно, что внѣшность ихъ кажется простому смертному какимъ то недостигаемымъ совершенствомъ. До слуха Федора Говриловича долетали равномѣрные звуки поэтическихъ строфъ, которыхъ пѣвцы колесницъ восхищались изяществомъ костюмовъ, манерами и красотою этихъ счастливыхъ людей, удалось даже разсмотрѣть одного изъ нихъ: это былъ маленькій призимистый человѣкъ, и Радужному показалось, что пѣвецъ удивительно мастерски соединилъ въ своей особѣ невинность бабочки съ ехид-

ствомъ доносчика, не поступившаго въ полицію потому только, что въ обществѣ элегантныхъ людей полицейскій мундиръ стѣсняетъ публику; каждому богатому и счастливому человѣку полицейскій мундиръ напоминаетъ много сценъ, непріятно дѣйствующихъ на нервы спокойныхъ и легкомысленныхъ людей.

Люди, бывшіе на платформѣ, обратили на него свое вниманіе; многіе испугались, а другіе приняли важный видъ. Господинъ пожилыхъ лѣтъ и въ форменномъ сюртукѣ выступилъ къ самымъ периламъ. Лицо его вмѣстѣ съ баками и усами находилось въ такой щепитильной опрятности, что было очень похоже на вкусный соусъ изъ свѣжей телятины, приправленной горнитюромъ ä la francaise. Еслибъ не форменный сюртукъ, защищавшій эту голову, то многіе изъ обыкновенныхъ смертныхъ, а въ ихъ числѣ и Радужный могли бы ошибочно съѣздить рукою или вилкою въ физіономію этого господина и тѣмъ нажить себѣ не мало непріятностей.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ его господинъ, имѣвшій телячье лицо съ гарнитюромъ à la francaise.

— А самъ-то ты кто? дерзко переспросилъ его Федоръ Гавриловичъ и гордо осмотрѣлъ незнакомца съ ногъ до головы.

— Молчать негодяй! ты знаешь я начальство?

— Болванъ ты и больше ничего.

— Какъ ты смѣешь грубіянить?

— А такъ смѣю, что если ты еще будешь ко мнѣ приставать, то я стащу тебя съ платформы и тогда конецъ твоей безполезной жизни.

— Это разбойникъ, или нигилистъ! послышались мужскіе голоса.

— C'est afreux un brigand! пугалимы.

На платформѣ прозошло минутное смятеніе; господинъ съ лицомъ вареной телятины находился въ нерѣшимости о томъ слѣдуетъ-ли донести объ этомъ происшествіи высшему начальству или оставить это дѣло, которое однако уже извѣстно одной части избранной публики. На выручку къ нему явился другой начальникъ средней руки. Это былъ высокій брюнетъ лѣтъ сорока и совсѣмъ бы молодецъ мужчина еслибъ онъ не носилъ на своемъ лицѣ, отпечатка добровольнаго рабства, который портитъ человѣка хуже чѣмъ тяжелый трудъ и нужда колѣчатъ голодающихъ поденщиковъ.

— Вы ничего не понимаете, тутъ нужна тонкость, доведенная до плутовства, шепнулъ вновь пришедшій на ухо французскому соусу въ форменномъ сюртукѣ, который отступилъ съ достоинствомъ моськи порядочно отрепаленной другою собакою, оставившею ее наконецъ въ покоѣ.

Брюнетъ занялъ мѣсто удалившагося.

— Скажите пожалуйста, съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросилъ онъ Радужнаго.

Федоръ Гавриловичъ назвалъ себя.

— Весьма пріятно познакомиться, и брюнетъ протянулъ ему руку, но скажите, что-же заставило васъ впасть въ такое жалкое положеніе?

— Я не знаю тѣхъ формальностей, которыя нужны для того, чтобы попасть къ вамъ.

— Вы конечно кончили курсъ?

— Да, въ университетѣ.

— Мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ дворянинъ, носящій вашу фамилію, кончилъ курсъ въ право-

вѣденіи, или въ пажескомъ корпусѣ; но все равно пожалуйте къ намъ и будемъ вмѣстѣ трудиться на общую пользу.

— Хорошо, но позвольте прежде всего спросить у васъ, что это за ковчегъ, въ которомъ вы живете?

— Это одинъ изъ центровъ, развозящихъ просвѣщеніе.

— А другія колесницы—тоже такіе центры?

— Да, вы видите, что онѣ различныхъ размѣровъ—это все города.

— Но почему же города переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто вѣть кажется, всѣ дома въ нихъ строятся на фундаментѣ и состоятъ изъ не подвижныхъ зданій?

— Вы еще не изучили соціологіи. Дома въ городахъ дѣйствительно строятся, но его жители постоянно разъѣзжаютъ; безъ провинціи они жить не могутъ, то есть провинція ихъ содержитъ.

— Я это знаю, но мнѣ интересно изучить ваши порядки, а потому я поѣду вмѣстѣ съ вами. Вы тѣ отцы-благодѣтели у которыхъ такъ часто просятъ помилованія.

— Фи, молодой человѣкъ; вы кажется принимаете вещи близко къ сердцу; вѣдь все это не серьёзно—припомните, что вы видите это во снѣ или въ чаду что-ли—все равно; вы вѣдь знаете, что жизнь это такъ сказать дремота и безсвязный бредъ,

Перилы разступились и широкая лѣстница, покрытая ковромъ, приняла Радужнаго на платформу, гдѣ онъ ловко отрекомендовался публикѣ, изковеркавъ по французски свое русское имя фамилію.

— Онъ не глупый молодой человѣкъ! шептали мужчины.

— Il est charmaut et digne de son nom, почти въ слухъ говорили дамы.

— Конечно, вашъ отецъ даетъ вамъ приличное содержаніе? тихонько спросилъ его брюнетъ.

— Нѣтъ, я съ нимъ не въ ладахъ и не имѣю ни копѣйки.

— Ай, ай, ай! что я сдѣлалъ! возопилъ громко начальникъ.

— Laisez le tranquille—nous le protegrons, вступились дамы.

Колесница тронулась и прелестный полъ сдѣлалъ Радужнаго своимъ кумиромъ. На другой же день дамы въ одинъ голосъ утверждали, что такого молодаго человѣка онѣ еще не видывали.

— Что за ерунда! разсердился Федоръ Гаврилович просыпаясь; но глаза его снова слѣпились и онъ опять видитъ себя въ роскошныхъ покояхъ подвижной колесницы. Теперь онъ уже освоился съ новымъ своимъ положеніемъ. Всѣ лица, находившіеся здѣсь хорошо уже ему знакомы. Онъ не ошибаясь предугадываетъ мысли самыхъ вліятельныхъ членовъ того фантастическаго поѣзда, въ которомъ ему удалось исколеситъ всю равнину вдоль и поперегъ. Онъ хорошо уже понялъ что разумѣютъ наши чиновныя соотечественники подъ словами: «развозить просвѣщеніе». Онъ удивлялся только тому какъ много энергіи тратятъ иногда люди для того, чтобы упрочить за собою заманчивое тунеядство. Онъ видѣлъ еще какъ среди этой калючей равнины стали по немногу образоваться оазисы изъ раскошныхъ зеленыхъ полей, увядающихъ отъ неумѣлости забитыхъ работниковъ, сгибающихъ твер-

дые гвозди. Узкій мірокъ колесницы сдѣлался ему тѣсенъ, а впечатлительная натура, требующая широкой любви и добивающаяся нравственной гармоніи начала возмущаться равнодушіемъ счастливыхъ людей къ тѣмъ ихъ ближнимъ трудомъ, которыхъ поддерживается окружающая ихъ обстановка. И вотъ безпокойный взглядъ молодаго человѣка пробѣгаетъ по всѣмъ колесницамъ; онъ ищетъ идеала современнаго человѣка и вмѣсто него встрѣчается съ одними лишь дѣльными мыслями развитаго общества, сложившаго на груди свои ослабѣвшія руки и говорящаго на новый ладъ для того, чтобы облегчить свою эластичную совѣсть. Не обманываетъ-ли его напряженный взглядъ? Онъ видитъ, что-то очень странное. Не можетъ быть, чтобы одиночество, которымъ онъ такъ тяготился въ то время когда согнулъ единственный гвоздь въ своей жизни, не можетъ быть, чтобы одиночество и теперь преслѣдовало бы его съ прежнею назойливостью?

Къ несчастью, это кажется правда. Да вѣдь есть же мыслящіе люди, имѣющіе такое-же широкое сердце, какъ и онъ? Они есть и польза ихъ громадна; они служатъ вѣрными сторожилами русской мысли, двигаютъ ее впередъ, жертвуютъ для нея всѣмъ своимъ трудомъ и распространяютъ въ массу свѣтлыя воззрѣнія науки: но во первыхъ, число ихъ очень не велико, во вторыхъ, они негодны для той практической работы, которая сдѣлалась цѣлью существованія молодаго человѣка. Русская жизнь не образовала въ прежнемъ поколѣніи такихъ людей, которые могли бы работать за урядъ съ забитымъ крестьяниномъ и засѣдать съ администраторами при разрѣшеніи самыхъ сложныхъ соціальныхъ вопросовъ.

Лакейское тунеядство и восточный кейфъ, прерываемый буйствомъ, вотъ идеалъ большинства образованныхъ, или разбогатѣвшихъ людей.

Для Радужнаго передовые фанфороны, жующіе чужія фразы, гадки до тошноты; а честные люди теорій для него не товарищи и кажутся ему мужчинами, съ большими головами безъ ногъ и съ руками, безполезно болтающимися по воздуху. Разсуждая такъ Ѳедоръ Гавриловичъ чуствовалъ, что желчь разливается въ его груди и онъ становится не справедливъ къ очень многому. Оставаться долѣе въ такомъ положеніи значитъ подвергнуть себя одной изъ тѣхъ вспышекъ на которыя способны всѣ люди, накопившіе въ себѣ запасъ знаній, не приложимыхъ еще ни къ научному труду, ни къ практической жизни. И вотъ въ одинъ пасмурный день, Радужный соскочилъ съ задней платформы для того, что бы встать за урядъ съ людьми, занятыми сгибаніемъ гвоздей. Тогда онъ не имѣлъ еще опредѣленной цѣли: ему хотѣлось только примириться самому съ собою и внести въ новую для него сферу любовь къ ближнимъ и разумное разсходованіе человѣческихъ силъ; но все это предстовлялось ему въ какомъ-то туманѣ, а сердце разрывалось отъ разлада и онъ упорно работалъ, удивляя батраковъ не могшихъ понять, какъ это молодой человѣкъ своими красивыми руками исполняетъ такую черную работу. А теперь онъ уже успѣлъ сдѣлать кое-что по существеннѣе личной мускульной работы и сердце Радужнаго радостно запрыгало въ его здоровой груди; и опять образъ улыбающейся Любы пронесся мимо и поманилъ его къ себѣ.

«Я сейчасъ же поѣду къ тебѣ» думалъ онъ просыпаясь.

— Эй, баринъ, вставайте, чортъ возьми, вы научились уже спать по дамски, послышался басистый голосъ Воронова за дверью.

— А который часъ? спросилъ хозяинъ, просыпаясь.

— Одинадцать.

— Что же вы меня не будили?

— Роскошь—нечего сказать—у васъ ручка въ дверяхъ изъ слоновой кости сдѣлана; если ее продать, то можно купить пять коровъ, и гости вошелъ въ спальню ровнымъ шагомъ, паркетъ застоналъ потъ его тяжестью.

Ѳедоръ Гавриловичъ дернулъ за шнурокъ сонетки.

— Дайте мнѣ мыться, да закусить приготовьте въ столовой, приказалъ онъ камердиниру и быстро сталъ одѣваться.

— Вы пили чай? спросилъ Радужный у гостя.

— И чай пилъ, и садъ весь обошолъ, и выкупался, и коней вашихъ глядѣлъ, и соскучился.

Ѳедоръ Гавриловичъ помылся, надѣлъ на себя лѣтній пиджакъ и они прошли въ столовую.

ГЛАВА IX.

— Ну, что какъ дѣла? спросилъ Радужный, наливая сливки въ стаканъ кофе.

— Ничего: безъ васъ я открылъ еще пятнадцать сыроваренъ.

— Это на тѣ деньги, что земство отпустило?

— Да.

— А хватаетъ ли у васъ сыроваровъ?

— Еще одинъ лишній остался; вотъ вернусь домой, такъ пристрою и его.

— Значить дѣла ваши идутъ хорошо?

— Изрядно, только теперь представляется трудная задача; повѣрять сыроваровъ, ихъ въ моемъ вѣденіи набралось двадцать пять.

— Да отъ чего же вы не дѣлаете такъ, какъ это велось прежде? тѣ сыроварьни, въ которыхъ уже завелся извѣстный порядокъ, предостовляйте сельскому обществу. До сихъ поръ всѣ сыроварни, получившія самостоятельность процвѣтаютъ, потому что выгода ихъ очевидна для крестьянъ.

— Вы забываете, что сыроварьни эти должны уплатить земству долгъ; вѣдь деньги, данныя на ихъ устройство взяты заимнообразно.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, лучше наблюдать за ними пока онѣ не выплатять долгъ, но только это должно васъ стѣснять; повѣрка производства и мѣстныхъ складовъ отнимаетъ все ваше время.

— Въ томъ то и штука.

— Какъ же вы думаете устроить дѣло?

— А вотъ закусивши скажу вамъ что я надумалъ по этому поводу.

Радужный закурилъ сигару, а Григорій Петровичь выпивъ предворительно двѣ рюмки водки, принялся за завтракъ, съ которомъ онъ, по всегдашней своей привычкѣ, расправлялся весьма успѣшно; вслѣдъ за рябчикомъ, онъ проглотилъ половину фаршированной курицы, которую помянулъ двумя хорошими кусками слоенаго пирога; послѣ чего съѣлъ пять яицъ въ смятку; выпилъ еще рюмочку водки и принялся за фрукты.

— Прежде всего, скажите мнѣ готовы-ли у васъ

деньги любопытствовалъ Вороновъ, уничтожая груши.

— Двадцать тысячь отложено на умноженіе складовъ въ Петербургѣ и Москвѣ и на устройство рабочихъ артелей по Волгѣ.

— Ну, а какъ же на счетъ процентовъ?

— Процентовъ первые два года я не стану брать, а капиталъ вы отдадите мнѣ, когда справитесь.

— Ладно получите пока росписочку, а потомъ я вышлю вамъ вексель на семь лѣтъ.

Федоръ Гавриловичъ сходилъ въ свой кабинетъ и вынесъ бланкъ общества Взаимнаго Кредита.

— Вотъ вамъ деньги.

Вороновъ посмотрѣлъ на вексель, потрмъ вытянулъ изъ за пазухи кожанный кошель и сунулъ въ него бланкъ.

— Я думаю, сказалъ онъ, уплатить нашему земству изъ этихъ двадцати тысячъ, а въ семъ то лѣтъ я роздабуду; какъ нибудь не достоющія деньги; вѣдь ихъ самый пустякъ по 200 рублей на сыроварню.

— Пожалуй, что такъ-то оно лучше будетъ, да и дѣло это скорѣе привьется къ народу, который прямо получитъ всѣ барыши, или покрайней мѣрѣ, большую ихъ часть.

— Вѣрно; а вотъ еще что: вы знаете, что складъ нашъ въ Москвѣ хорошо торгуетъ?

— Знаю, и вы думаете нужно увеличить со держаніе смотрителю?

— Думаю что нужно; пусть жалованье ему по прежнему шестьсотъ рублей остается, да сверхъ того дать ему полтора процента съ барыша; такъ оно и нагонитъ ему въ тысячу рублей слишкомъ, а малый то онъ хорошій—нужно его поощрить.

— Да, но и одного процента, довольно, потому что обороты расширяются съ каждымъ годомъ.

— Пожалуй, хотя и такъ. Я значитъ скажу ему это, когда буду въ Москвѣ!

— А что вы думаете на счетъ улучшенія мѣстной породы скота?

— Думаю много, да ничего не выходитъ, потому денегъ лишнихъ нѣтъ, а изъ дохсдовъ сыроварень брать не хочу, вѣдь знаете нашъ народъ: не додай ему дохода, противъ прошлыхъ лѣтъ, такъ онъ на выписаннаго быка и посмотрѣть-то не захочетъ.

— Правда, бѣдность еще велика; но кажется можно-бы.

— Ну такъ и думай, какъ хочешь; а только этого нельзя.

— А и ждать то съ этимъ дѣломъ не приходиться; вы знаете по поему заказу выращиваютъ на одной мызѣ двадцать быковъ изъ мѣстной породы — но это бездѣлица. Дѣлать нечего я дамъ еще тысячу рублей на три года и по шести процентовъ, а въ слѣдующіе года вы пожалуйста не церемоньтесь: прямо изъ барышей склада берите деньги на покупку молодыхъ быковъ; по одному на сто коровъ — это minimum.

— Да тамъ не много и придется добавлять; потому старые будутъ продаваться.

— И нынѣшній годъ напрасно балуете народъ.

— Пусть уже этотъ годъ побалуется; но я вычту съ него проценты на эту тысячу рублей.

— Поймите, что надо стараться избѣгать благотворительности при первой возможности; дѣло это никогда не пойдетъ, если оно будетъ нуждаться въ подержкѣ изъ внѣ.

— Понимаю, ну да это только такъ... уже послѣдній годъ, и толстыя щеки Воронова раздвинулись такою добродушною улыбкою, что Радужному не остовалося дѣлать ничего болѣе, какъ тоже улыбнуться.

Григорій Петровичъ протянулъ ему свою широкую руку.

— Вы право хорошій человѣкъ! сказалъ онъ съ чувствомъ.

— Добрякъ, вы часто видите вещи въ лучшемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ—я боюсь, чтобы это не повредило вамъ въ будущемъ, и онъ жалъ ему руку съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

— Если, что нибудь повредитъ мнѣ лично—это не важность, лишъ бы оно не повредило нашему дѣлу.

— Дѣлу то вы не повредите.

— То то-же; я его слишкомъ люблю, и Вороновъ замолчалъ. Онъ перенесся воспоминаніями въ Дуброво и увидѣлъ дѣйствіе, произведенное на мѣстныхъ жителей тѣмъ, что доходъ ихъ съ коровъ утроился.

«Оживаютъ сердечные люди» думалъ онъ и слеза готова была капнуть съ его влажныхъ глазъ и потечь по его толстому, загрубѣлому лицу.

— А что же вы сигару не курите? перебилъ его Радужный, хорошо понимавшій своего пріятеля.

— Да я и забылъ. Онъ моргнулъ глазами, закурилъ сигару и сѣлъ въ кресло. Слѣды внутренняго волненія мгновенно изчезли съ его лица.

— Я всегда любуюсь вашимъ самообладаніемъ; первой разъ въ жизни я видѣлъ сейчасъ, какъ вы глубоко чувствуете вещи; а прежде приходилось только догадываться объ этомъ.

Опять добрая улбыка показалась на лицѣ гостя.

— Еще бы мнѣ не владѣть собою—вѣдь нервы-то у меня воловьи, да и мускулы такіе-же должно быть, а вотъ вы этимъ не можете похвастать.

— Да, у меня не такіе нервы.

— За то вы разностороннѣе меня, вы сразу обнимаете вещи со всѣхъ сторонъ, но ужъ и разбалованы, да такъ, что еслибъ я не зная васъ хорошо встрѣтился бы съ вами вотъ въ этомъ домѣ, ну ни за что не повѣрилъ бы, что вы хорошій человѣкъ.

— Вотъ видите, какъ нужно быть осторожнымъ въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ. Да, кстати, у меня и невѣста такая же избалованная.

— Это вѣрно Соболева?

— Да, я уже посватался.

— Ну ничего—она тоже славная.

— На свадьбу мою пріѣдите?

— Хотя не на долго, а все же буду.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; оба они собирались съ мыслями.

— А Настасья Ивановна здорова? неожиданно спросилъ Федоръ Гавриловичъ.

— Жена моя просила вамъ кланяться, да въ гости звала пріѣхать.

Наступило опять молчаніе.

— Пойдемте на балконъ, пригласилъ Радужный гостя, пусть здѣсь приберутъ.

— А какія новости слышны изъ Петербурга? полюбопытствовалъ гость, опираясь на перила балкона,

— Вообще довольно утѣшитетьныя, но я забылъ вамъ сказать еще одну вещь.

— Такъ постойте-же: начнемъ по порядку.

— Прекрасно. Пучининъ говорилъ въ министерствѣ о пользѣ артельныхъ сыроварень и писалъ мнѣ, что министръ принимаетъ въ этомъ дѣлѣ большое участіе.

— А знаетъ-ли онъ, что дѣло это все еще въ зародышѣ?

— Пучининъ разсказалъ ему все обстоятельно.

— Значить дадутъ денегъ?

— Дадутъ, но неизвѣстно когда.

— И много.

— Было предложеніе давать по десяти тысячъ въ продолженіе пяти лѣтъ.

— Конечно, заимообразно и безъ процентовъ?

— Понятно.

— Ну такъ это бы хорошо.

— Пучининъ говорилъ министру, что вы возьмете это дѣло на себя и писалъ мнѣ, что если сочтетъ это удобнымъ, то подастъ докладную записку отъ вашего имени.

— Оно бы лучше переговорить съ нимъ прежде.

— Конечно, вамъ придется явиться къ министру, но знаете—для того необходимо надѣть фракъ.

— А такъ не удобно?

— Совсѣмъ нельзя, но вы не стѣсняйтесь этимъ, фракъ моего отца будетъ вамъ, какъ разъ въ пору, вы только заѣзжайте ко мнѣ передъ аудіенціею.

— Я поговорю съ министромъ и о народныхъ банкахъ.

— Нѣтъ, на первый разъ по моему лучше поговорить только объ однѣхъ артельныхъ сыроварьняхъ.

— И то правда. А когда же все это можетъ устроиться?

— Мнѣ дадутъ знать, когда вамъ будетъ удобно

явиться къ министру; что-же касается до народнаго банка, то устроите его на первый разъ сообразно съ мѣстными нуждами, а денегъ я достану.

— Вѣрно Соболева дастъ?

— И она дастъ.

— А сколько процентовъ возьметъ?

— Пять, или шесть, не болѣе.

— Ну, я объ этомъ подумаю.

— Теперь могу разсказать вамъ о другомъ дѣлѣ: въ Петербургѣ я хочу устроить акціонерное общество изъ людей согласныхъ получать по 10 процентовъ на ихъ капиталъ. Цѣль общества: покупка дешевыхъ земель и перепродажа ихъ крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ, но непремѣнно хозяевамъ.

— И большой капиталъ собрали?

— Близко къ милліону.

— Но, пока это еще одинъ проэктъ?

— Да, но проэкты иногда осуществляются.

— Похлопочите объ этомъ хорошенько. Польза для производительности страны предвидится громадная, а то теперь значительная часть нашей Русской земли остается не обработанною — какъ дикая страна какая нибудь.

— Все, что продается съ аукціона, или за долги, все это слѣдуетъ скупать и эксплуатировать съ пользою для страны.

— Надо особенно осторожно дѣйствовать въ сѣверныхъ губерніяхъ.

— Знаю.

Вошелъ Ермолаевичъ и доложилъ, что пріѣхалъ конюхъ отъ Г-жи Соболевой.

— Зовите его сюда, сказалъ хозяинъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ у молодаго парня въ поддевкѣ изъ тонкаго сукна.

— Барышня приказали просить васъ пожаловать сегодня къ обѣду.

— Да уже часъ, сказалъ онъ, глядя на часы, но все равно скажите, что буду. Ермолаичъ, дайте закусить этому человѣку, да приготовьте мнѣ одѣваться.

— Лошадь тоже прикажите осѣдлать? спросилъ камердинеръ.

Хозяинъ посмотрѣлъ на гостя.

— Я могу ѣхать съ вами, у меня съ собою новая поддевка, сказалъ Бирюковъ, да и на Соболеву хочу посмотрѣть.

— Тогда велите, Ермолаичъ запречь въ фаэтонъ пару сѣрыхъ, да скажите кучеру, чтобы не мѣдлилъ: черезъ два часа я долженъ сидѣть у Соболевыхъ.

— Слушаюсь, и старикъ вышелъ торопливою походкою, увлекая за собою конюха.

ГЛАВА X.

Любовь Дмитріевна, возвратясь съ купанья, отослала Надю къ кучеру и начала одѣваться сама. Въ комнатѣ лежали двѣ длинныя картонки съ новыми платьями. Дѣвушка открыла первую изъ нихъ и не полюбопытствовала даже посмотрѣть на другой костюмъ, тщательно облачилась въ розовое шелковое платье съ высокимъ лифомъ. Платье это было отдѣлано голубыми лентами и кружевами. Когда она посмотрѣлась въ зеркало,

то тогда только припомнила, что сама заказала себѣ такой костюмъ. «Розовое съ голубымъ;—мамаша скажетъ, что это эксцентрично», подумала она.

— Очень мило—это такъ идетъ къ вамъ, замѣтила Надя, вбѣгая, и она принялась расправлять складки новаго наряда своей барышни.

Сопровождаемая Надею, Соболева вошла въ будуаръ своей матери, которая хотѣла въ это утро пить утренній чай у себя въ комнатѣ.

— Къ тебѣ все идетъ, сказала старуха, осматривая дочь; повернись пожалуйста въ сторону; отлично!.. даю тебѣ слово никогда болѣе не мѣшаться въ твои наряды; у тебя свой собственный преоригинальный вкусъ и ты умѣешь имъ пользоваться. Поцѣлуй меня голубушка!

Надя, выслушавъ похвалу старой барыни, медленно возвратилась къ своимъ занятіямъ.

Любовь Дмитріевна поцѣловавшись съ матерью, схватила ея руку и быстро поднесла ее къ своимъ губамъ.

— Voyons ma chere, qu'avez vous? спросила мать, стараясь скрыть свое волненіе и пряча руку въ складки широкаго чернаго платья, которому она не сочла нужнымъ измѣнять и на сегодняшній день.

— Мамаша, пожалуйста устройте нашу свадьбу какъ можно скорѣе.

Дѣвушка опрокинулась на спинку креселъ. Лицо ея горѣло жгучею краскою, глаза ея притаились за густыми рѣсницами, совершенно повисшими внизъ; руки и ноги какъ-то судорожно сжимались; вообще дѣвушкѣ сдѣлалось вдругъ очень не ловко, ей казалось, что она занимаетъ слишкомъ много

мѣста, «это не простительно глупо» одобряла она себя мысленно.

— Ты выходишь за Радужнаго? это ваше дѣло; мнѣ же остается только просить Бога, чтобы Онъ благословилъ васъ, сказала мать спокойно.

Дѣвушка встала, обняла старуху и поцѣловала ее въ лобъ.

— Люба, ты такъ взволнована, что я этого отъ тебя не ожидала, сказала мать, не спуская глазъ съ дочери, которая снова сѣла на прежнее мѣсто и ей сдѣлалось опять не ловко.

— Оставте это, maman, вы только скажите мнѣ: когда будетъ наша свадьба?

— Это зависитъ отъ васъ самихъ. Я всегда знала, что моя роль совѣтчицы будетъ кончена, какъ только ты сдѣлаешься взрослою,—это понятно: мы такъ далеко разошлись въ разныя стороны. Въ голосѣ старухи не слышалось укоризны—нѣтъ, въ немъ звучала какая то жалостная нотка. Дѣвушкѣ показалось, будто какой то очень слабый человѣкъ напоминаетъ людямъ о своемъ существованіи, но тонъ этого протеста противъ людской забывчивости вызывалъ скорѣе къ чувству состраданія и она почему то вспомнила, что только отъ стараго свалившагося дуба идутъ его новые побѣги.

— Перестаньте, мамаша, упрашивала ее дочь.

Но старуха уже сбросила съ себя всегдашнюю сдержанность. Она долго молчала и на этотъ разъ сочла нужнымъ высказаться.

— Повторяю, что радуюсь вашему счастью и сдѣлаю все, чтобы вы были спокойны, но мнѣ очень хорошо извѣстно, что старость не имѣетъ права требовать отъ молодости исполненія ея совѣтовъ; что вамъ за дѣло до нашей опытности? Вся-

кій молодой человѣкъ живетъ своею жизнію и хочетъ пріобрѣсти собственную опытность, которая дается ему рядамъ глупостей, или пожалуй промаховъ,—но тутъ я не вяжу ничего дурнаго; все это въ порядкѣ вещей.

Старуха начинала сердиться.

— Маменька, прошу васъ перестаньте, перебила ее дочь.

Каріе глаза Вѣры Осиповны загорѣлись тѣмъ огнемъ мимолетнаго гнѣва, который придаетъ старости такой неестественный видъ; лобъ, украшенный прядями сѣдыхъ волосъ, выступилъ впередъ, оставляя за собою фалборки кружевнаго чепчика, который вдругъ стушевался; лобъ потащилъ впередъ все лицо, которое вытянулось сперва до безобразія, а потомъ вдругъ свернулось въ круглую подвижную массу съ дрожавшими синими губами, а глаза продолжали мѣтать искры, освѣщавшія это дряблое лицо, можетъ быть въ послѣдній разъ. Безсиліе гдѣ бы оно не дѣйствовало, всегда имѣетъ смѣшной или уродливый видъ; для него покой есть самое выгодное положеніе.

Увидя этотъ гнѣвъ, дѣвушка встала съ мѣста, гордо подняла свою голову и сложила руки на груди, готовой выдержать всякую бурю.

«А вѣдь ее я совсѣмъ не боюсь» думала Любовь Дмитріевна и она начала всматриваться въ лицо старухи, обезображенной не бывалымъ еще гнѣвомъ. Дочь хотѣла отнестись скептически къ этой выходкѣ матери, волненіе которой она охотно приписала бы дѣйствію какого нибудь предразсудка Вѣры Осиповны, но въ умѣ дѣвушки не нашлось ни одного объясненія, подходящаго къ данному случаю; она не могла опредѣлить правъ стару-

хи сердиться, но съ другой стороны не могла бы доказать свое право, мучить мать. Вдругъ понятіе о долгѣ разрѣшило всѣ ея недоразумѣнья. Любовь Дмитріевна опустила голову, руки ея разжались и повисли внизъ; въ лицѣ не было ни кровинки. Передъ любящею матерью, которая требовала своихъ правъ на взаимность, стояла дочь, сознаваясь въ томъ, что она съ намѣреніемъ хотѣла ее обмануть. При этомъ у дѣвушкѣ болѣзненно сжалась грудь.

Прошло не болѣе одной минуты и лицо старухи снова успокоилось; глаза утратившіе не нормальный блескъ, стали видимо потухать; робкій взглядъ, которымъ дѣвушка окинула мать, объяснилъ ей еще разъ, что эта сцена не была комедіею и сердце дочери заныло, да такъ назойливо, какъ будто вмѣсто этого сердца образовался большой нарывъ, который долженъ или лопнуть, или задушить дѣвушку.

— Вчера я слѣдила за тобою: ты пошла къ озеру—мнѣ казалось, что ты можешь сдѣлать съ собою какую нибудь глупость послѣ пяти лѣтней любви... старуха помолчала;—теперь уже ей показалось что она можетъ убить дочь, которая стояла передъ нею неподвижно, какъ статуя.

— Ты молчишь? спросила мать.

— Говорите все, чуть внятно сказала та.

— Мнѣ уже нечего говорить. Я догадалась о томъ, что у васъ произойдетъ и не остановила вашего преступнаго увлеченія, а поруча васъ Богу вернулась отъ озера въ домъ; мнѣ это стоило очень дорого; ты знаешь, что я не вѣрю въ добродѣтель людей и что въ Радужномъ буду видѣть обманщика до тѣхъ поръ, пока вы не женитесь и не будете счастливы.

На одно мгновеніе въ комнатѣ воцарилась тишина.

— И неужели своимъ вѣчнымъ молчаніемъ, стоющимъ мнѣ дороже самой жизни, я не могу купить себѣ материнскихъ правъ и даже только одного изъ нихъ—откровенности моей дочери. Неужели, разойдясь въ лѣтахъ мы разошлись уже во всемъ и я не съумѣю даже утѣшить мою дочь въ томъ случаѣ, если всѣ ее обманутъ?.. Слезы помѣшали ей продолжать.

Опять мгновенная тишина; потомъ вдругъ что то съ шумомъ опустилось на коверъ; раздался слабый старческій крикъ и послышались громкія рыданія молодой дѣвушки, переживающей рѣшительную минуту своей жизни.

Долго еще Любовь Дмитріевна стояла на колѣняхъ передъ своею матерью и цѣловала ей руки, которыя ласкали лицо молодой дѣвушки и поправляли ей волосы, растрепанные ея порывистыми движеніями. Рыданія невѣсты были продолжительны: нѣсколько разъ казалось, что онѣ уже прекратились; по крайней мѣрѣ Любовь Дмитріевна отирала свои слезы и съ нѣжною улыбкою осматривала старуху, лицо которой свѣтилось кроткою любовью; оно какъ будто силилось выразить ей за что то свою благодарность. Дѣвушка думала тогда о томъ, какъ мало нужно для счастья близкихъ людей и вотъ снова на глазахъ ея навертывалась слеза, судорожное движеніе давило ей грудь и опять она начинала рыдать, сперва рѣдко, потомъ все чаще и чаще, такъ что слышался только одинъ протяжный плачь, отъ котораго старуха начинила уже теряться.

— Прости, прости меня, голубушка, просила

она дочь, натирая ей виски, стоявшимъ вблизи одеколономъ. Любовь Дмитріевна махала только рукою, но она еще долго не могла уняться.

Что-же дѣлать? женщинѣ надо выплакать въ одинъ часъ, если этотъ часъ разрѣшаетъ недоразумѣнія между матерью и дочерью, которыя въ продолженіе шести лѣтъ не могли отыскать главныхъ связей, дѣлающихъ ихъ неразлучными. Онѣ начали съ конца ипередернули всѣ струны своего организма прежде, чѣмъ напали на слѣдъ любви, той вѣчной, старой любви, которая сближаетъ между собою всѣ поколѣнія людей, умѣющихъ въ свое время относиться къ себѣ съ тою же строгостью, какъ и къ другимъ.

Наконецъ, въ будуарѣ Соболевой послышался веселый дѣвичій смѣхъ, который казался неистощимымъ; самыя обыкновенныя слова матери, добавленныя замѣчаніями дочери, становились неисчерпаемымъ источникомъ ихъ общей веселости. Такъ, согрѣвающая весна дѣйствуетъ на все живущее и такимъ же образомъ отражается на людяхъ всякій переворотъ къ лучшему, случившійся въ ихъ нравственной жизни. Тогда вдругъ нарушается будничное однообразіе повседневной жизни, что то новое прохватываетъ на сквозь все наше существо, по которому разливается какая-то могучая сила и она даетъ намъ необходимый запасъ твердости. Съ этимъ божественнымъ орудіемъ мы смѣло вступаемъ въ обычный застой нашей обстановки съ которой мы снимаемъ плѣсень осторожною и вѣрною рукою оператора, убѣжденнаго въ благополучномъ исходѣ болѣзни своего паціента, Прекрасныя, торжественныя минуты эти снабжали могуществомъ всѣхъ великихъ правѣдниковъ

добра и физіологія, справедливо сравнивая съ одной стороны человѣка съ машиною, легко допуститъ съ другой, что кромѣ пищи, поддерживающей теплоту нашего тѣла; людямъ нужны еще нравственные толчки, нарушающіе однообразіе ихъ питанія и ихъ труда, не избѣжно регулярнаго, какъ движеніе солнечной системы. Старая, избитая и вѣчно обнавляемая истина, ты такъ дорога каждому, въ комъ кипитъ еще избытокъ силъ, что о тебѣ невольно вспоминаешь при всякомъ фактическомъ доказателиствѣ твоей правоты.

— Мамаша, пойдемте ходить по саду, предложила Любовь Дмитріевна.

Онѣ спустились съ балкона и смотрѣли на природу тѣми восторженными глазами, какъ будто имъ приходилось видить ее послѣ долгаго заточенія въ какомъ нибудь темномъ мѣстѣ. Однако, Вѣра Осиповна быстро сообразила, что имъ не со всѣмъ удобно идти къ озеру и взявъ подъ руку свою дочь увлекла ее въ другую сторону сада.

— Люба, ты забыла освѣжиться чѣмъ нибудь, сказала старуха, замѣчая на глазахъ своей дочери признаки не давнихъ слезъ, не дурно бы тебѣ выматься и взять не много poudre de riz.

— Ничего не нужно, маменька, вы только поцѣлуйте меня еще разъ.

— Я не хочу, чтобы кто нибудь могъ догадаться о томъ, что произошло между нами, настаивала мать, исполняя желаніе дочери.

— Никто не узнаетъ, mamam.

Онѣ шли весело разговаривая. Миновавъ цвѣтникъ и рощицу изъ молодыхъ березъ, онѣ очутились на большой площадкѣ, засаженной фруктовыми деревьями. Всѣ видимые предметы доставляли имъ

матеріалъ для новыхъ замѣчаній, улыбокъ и ласкъ, завоеванныхъ ими сценою въ будуарѣ.

Идя такимъ образомъ онѣ достигли густой аллеи орѣшника, въ концѣ которой высокіе кусты сомкнулись и образовали изъ себя живую бесѣдку съ растительнымъ потолкомъ, не пропускающимъ ни одного солнечнаго луча.

— Сядимъ здѣсь, сказала мать, указывая на скамейку·

— Бѣдная, ты устала.

— Напротивъ, я удивляюсь своей бодрости: въ будуарѣ были минуты, въ которомъ я чувствовала что теряю сознаніе ,теперь-же я будто помолодѣла.

— Какая ты у меня славная, и дѣвушка перемѣнила разговоръ.

Вскорѣ явился слуга и объявилъ, что пріѣхали гости. Мать и дочь встали. Обнявшись онѣ направились къ дому.

ГЛАВА XI.

Въ залѣ собралось уже пять человѣкъ гостей; изъ нихъ трое были сосѣдніе помѣщики, за тѣмъ одна пожилая дама съ дочерью. Мать отличалась болтовнею и дочь наслѣдовала отъ нея эту привычку. Мать, принадлежащая къ числу помѣщицъ дѣла которыхъ запутаны, говорила преимущественно о выиграшныхъ билетахъ и о вещахъ отличающихся дороговизною. Однажды, она въ продолженіи цѣлаго года разсказывала о молахитовомъ столикѣ съ мозаичнымъ портретомъ, который былъ купленъ въ Парижѣ однимъ ея знакомымъ за двадпать пять тысячь франковъ. Послѣ того остряки, встрѣчаясь съ нею, непремѣнно спраши-

вали у нея о цѣнѣ замѣчательнаго столика и она нискольлько не обижаясь, начинала снова разговаривать о подробностяхъ этого дорогаго предмета. Дочь любила вещи современнаго свойства и надоѣдала всѣмъ своими разсказами о животрепещущихъ новостяхъ дня.

Обмѣнявшись первыми привѣтствіями съ хозяйками общество расположилось въ гостинной. Болтливая барыня сѣла на диванъ рядомъ съ хозяйкою, остальныя заняли ближайшія къ нимъ кресла.

— Вотъ уже въ двадцать пятый разъ какъ я поздравляю соднемъ Ангела Вѣру Осиповну, сказала болтливая гостья.

—Имянины бываютъ каждый годъ, а вы поздравите меня съ событіемъ, которое случается только одинъ разъ или два въ жизни каждаго человѣка, и хозяйка посмотрѣла на дочь.

Любовь Дмитріевна поощрила ее сдѣлавъ головою знакъ согласія.

— Дочь моя выходитъ замужъ, сказала хозяйка.

Гости навострили уши.

— Вчера Ѳедоръ Гавриловичъ сдѣлалъ ей предложеніе и мы выразили ему свое согласіе добавила она.

— Безподобно, поздравляю васъ обѣихъ и какъ это случилось кстати — въ день маменькиныхъ имянинъ...

Дама, брѣдившая выигрышными билетами, хотѣла продолжать, но въ это время въ гостинную вошелъ предводитель дворянства съ женою, а за ними цѣлая вереница мужчинъ и дамъ.

Когда гости размѣстились частью въ гостинной, частью въ залѣ, болтливая барыня засуетилась около послѣднихъ и спѣшила сообщить имъ услы-

шанную новость. Вѣра Осиповна знала, что она облегчитъ ей этотъ трудъ.

— Imaginez-vous! слышался его голосъ въ гостинной.

Дочь этой барыни, высокая дѣвушка съ большими руками, сухая и въ веснушкахъ, овладѣла рукою молодой Соболевой и, при первомъ приливѣ новыхъ гостей, отвела ее въ сторону.

— Ахъ, ma chere, вы не повѣрите мнѣ, какая тоска, говорила барышня, ну вотъ вы, напримѣръ, такая дѣльная и современная, я давно хотѣла съ вами посовѣтываться...

— О чемъ это? спросила Любовь Дмитріевна, привыкшая не обращать вниманія на слова этой дѣвушки.

— Ну скажите, что мнѣ дѣлать? Дома скука ужасная: съ тѣхъ поръ какъ братъ мой сталъ мировымъ посредникомъ онъ почти не говоритъ со мною, все занятъ своими бумагами и разборами. Съ мамашею, вы знаете, я почти ни въ чемъ не схожусь, скука ужасная, читаю, читаю и наконецъ рѣшительно не умѣю убить свое время. Пожалуйста дайте совѣтъ. Если бы я имѣла такъ много денегъ, какъ вы, напримѣръ, то скоро нашла бы себѣ общеполезное занятіе.

— Какъ вы много наговорили мнѣ сегодня.

— Вы ко мнѣ придираетесь, а совѣта дать все таки не хотите.

— Я видѣла много такихъ дѣвушекъ, какъ вы; всѣ они брались за работу, мѣняли ее очень часто и потомъ бросали всякое дѣло.

— Вы сегодня дурно расположены, потому что Вѣра Осиповна хочетъ васъ пристроить.

— Напротивъ я сама сильно того желаю, но скажу вамъ что дѣвушка въ двадцать семь лѣтъ,

какъ вы, которая ничего и никого не любила, такая дѣвушка должна скучать.

— Можно работать.

— Нельзя честно работать не любя своего дѣла.

— Почему же крестьяне работаютъ?

— Во первыхъ, они любятъ свое дѣло и это скажутъ вамъ тѣ, которые ихъ хорошо знаютъ, во вторыхъ, они не думаютъ о себѣ такъ много, какъ мы съ вами.

— Я спрошу объ этомъ у вашего Радужнаго.

Соболева подошла къ другимъ гостямъ.

Въ гостинной Вѣра Осиповна, осажденная распросами предводителя, передавала ему подробности о времени пріѣзда и занятіяхъ Радужнаго.

«Это, что нибудь да значитъ», подумала она спросила:

— Вы очень интересуетесь этимъ молодымъ человѣкомъ; il ne vous est pas parent?

— Нисколько, но молодежъ нашего уѣзда хочетъ выбрать его на мое мѣсто при пред стоящихъ выборахъ, такъ я и хотѣлъ бы знать, какого онъ придерживается направленія; впрочемъ, интересуюсь имъ болѣе, какъ женихомъ вашей дочери, и онъ засмѣялся, но улыбка его вышла какою-то кислою и хозяйка приняла это къ свѣдѣнію.

— А вотъ и женихъ, сказалъ кто-то указывая въ окно.

Общество, бывшее въ гостинной, соскочило съ своихъ мѣстъ и съ любопытствомъ смотрѣло на дорогу. Въ полуверстѣ отъ дома, вдоль каменной ограды фруктоваго сада, пара сѣрыхъ рысаковъ мчала фаэтонъ со скоростью, заставлявшую опасаться за жизнь ѣхавшихъ, потому что дорога была далеко не шоссейная. Фаэтонъ быстро под-

летѣлъ къ подъѣзду, промелькнувъ мимо любопытныхъ гостей.

— Молодецъ, сказалъ кто-то подлѣ предводителя.

— Это чисто какъ прапорщики ѣздятъ по Невскому, замѣтилъ предводитель, пользуясь отсутствіемъ хозяйки.

— Не одни прапорщики, а всѣ русскіе любятъ такъ ѣздить, начиная съ крестьянина и кончая вельможею, подхватилъ тотъ же голосъ.

— Въ городѣ это не удобно.

— Но, въ деревнѣ ничего.

Слова эти произнесъ отставной маіоръ, извѣстный безпорядкомъ въ своемъ хозяйствѣ и страстью противорѣчить всѣмъ своимъ знакомымъ.

— M-elle Соболева самая богатая невѣста въ цѣломъ уѣздѣ, шумѣла въ залѣ болтливая дама.

— Ну, ужь, вы утрируете вещи! замѣтилъ ей какой-то скептикъ.

— Помилуйте, у ней триста тысячъ однѣхъ денегъ, домъ въ Петербургѣ, нѣсколько имѣній, да всего наберется около милліона.

— Какъ же милліонъ! удивлялись одни.

— А пожалуй и будетъ, подтвердили другіе.

— Ну, а женихъ то очень богатъ? спрашивали у свѣдующей барыни.

— Не богатъ, а такъ себѣ имѣетъ состояніе; село у него хорошее и земли много, а денегъ послѣ отца осталось у него только пятьдесятъ тысячъ.

— Имѣніе то у него хорошее—знаю, вмѣшался пухленькій старичекъ.

— Имѣніе хорошо, да запущено; съ этого имѣнія можно много дохода извлечь, еслибъ оно въ хорошія руки попало, энергично проговорилъ молодой агрономъ.

— Кабы намъ съ вами его подарили, острилъ старикъ.

— Да, хотя бы и намъ.

Въ залу вошли хозяйка и дочь. Вслѣдъ за ними появился Радужный, держа подъ руку Воронова, который былъ весьма эфектенъ въ своей новой поддевкѣ, надѣтой на шолковую рубашку голубаго цвѣта. Онъ гордо несъ свою высокую голову и никому не кланяясь прошелъ въ гостинную. Ѳедоръ Гавриловичъ, напротивъ того, привѣтливо кивалъ головою въ обѣ стороны, но это не помѣшало нѣкоторымъ изъ гостей обругать его нигилистомъ.

— Конечно, нигилистъ, какъ же явиться на торжественный обѣдъ въ легкомъ сюртучкѣ, чуть-ли не изъ демикатона, замѣтилъ пухленькій старикъ; ужъ ему бы слѣдовало фракъ надѣть.

— Полно старина, мы и сами въ сюртукахъ, возразилъ молодой агрономъ.

— Да, вы и сами нигилистъ, мнѣ священникъ говорилъ о вашихъ убѣжденіяхъ.

— И вотъ на зло вамъ и священнику выберемъ Радужнаго въ предводители.

— Господа, господа, возопилъ старикъ, да вы его совсѣмъ не знаете.

Ближайшая къ нему молодежь расхохоталась.

— Оставьте старика, окликнулъ высокій брюнетъ, пойдемте лучше закусить.

— А, это ты Павелъ, здравствуй! и къ брюнету подскочилъ молодой блондинъ, красный какъ маковъ цвѣтъ и круглый какъ хорошій доморощенный жеребенокъ.

— Павелъ здорово — какъ дѣла?

— Скверно, тотъ быкъ, что я откармливалъ на выставку, подохъ вчера.

— Скверно-же братъ.

— Онъ мнѣ самому триста рублей стоилъ.

— Ну, теперь другого откорми.

— Нѣтъ дудки, я теперь весь скотъ продамъ, благо цѣны на него стоятъ хорошія.

— Для чего-же?

— Выгоднѣе: хлопотъ никакихъ, а сѣно буду прессировать и отсылать въ городъ для продажи.

— Вотъ тебѣ и раціональное хозяйство, о которомъ ты толковалъ три года тому назадъ! въ газетахъ печаталъ цѣлые трактаты.

Кругловатый блондинъ вспыхнулъ.

— Что же дѣлать, братъ, оборотнаго капитала нѣтъ.

— Моготы нѣтъ — вотъ что!

— Ты, Павелъ, не хочешь этого понять.

— Я понимаю, что если взялся за что, такъ и сдѣлай.

— Какъ же сдѣлать, когда трудъ не окупается безъ оборотнаго капитала?

— Жди: банки скоро откроются.

— Какъ займу, такъ и пиши пропало.

— Ну, отстань—дѣлай какъ хочешь.

Въ это время Вѣра Осиповна рекомендовала Радужнаго своимъ почетнымъ гостямъ. Предводитель расшаркался съ нимъ очень любезно и освѣдомился о томъ, намѣренъ ли молодой человѣкъ поселиться въ деревни или онъ здѣсь только на время.

— Хочу здѣсь жить, а уѣзжать отъ сюда стану только временно, отвѣтилъ Ѳедоръ Гавриловичъ, пожимая руку предводителю.

— А теперь, началъ онъ весело, позвольте мнѣ рекомендовать вамъ своего пріятеля Воронова — генерала отъ сыроваренія.

Предводитель протянулъ руку, улыбающемуся Григорію Петровичу.

— Какъ это генералъ отъ сыроваренія? спросили близь стоящіе гости.

— Вороновъ главный дѣятель въ устройствѣ артельныхъ сыроваренъ, отвѣтилъ Радужный.

— Вотъ какъ, послышались голоса, пріятно познакомиться.

— Но, Ѳедоръ Гавриловичъ былъ моимъ учителемъ, пробасилъ Григорій Петровичъ.

— Значитъ и у насъ будутъ артельные сыроварни? спросилъ предводитель.

— Не только сыроварни, но я хочу устроить и другія артели, отвѣтилъ Радужный.

— Тутъ, у насъ въ уѣздѣ, одинъ отставной морякъ устраиваетъ патошные заводы на артельныхъ началахъ, но только здѣсь на него дурно смотрятъ, и предводитель усмѣхнулся.

— Скажите—я не зналъ этого. Вы говорите отставной морякъ, гдѣ—это?

— Въ деревнѣ Рябиновой.

Радужнаго рекомендовали очень многимъ; гостей наѣхало около ста человѣкъ, почти всѣ желали съ нимъ познакомиться. Наконецъ, представленіе кончилось и Федоръ Гавриловичъ улучилъ свободную минуту для того, что бы пройтись съ своею невѣстою. Не успѣли они сказать другъ другу нѣсколько словъ, какъ къ нимъ подошелъ Кохъ и съ всегдашнею своею щепетильностью освѣдомился у нихъ о томъ, не опоздалъ ли онъ къ обѣду.

Ему отвѣтили, что нѣтъ.

— А кто этотъ господинъ въ поддѣвкѣ? любопытствовалъ полковникъ.

Радужный посмотрѣлъ въ ту сторону, въ которую указалъ Кохъ и увидѣлъ Григорія Петровича, окруженнаго толпою молодыхъ людей, закидавшихъ его вопросами о сыровареніи. Вороновъ разсказывалъ имъ все дѣло обстоятельно, начиная съ того дохода, который можетъ принести сыръ изъ цѣльнаго и изъ снятого молока.

— Это мой пріятель, отвѣтилъ Радужный, и прошелъ дальше.

— Вашъ пріятель, кажется, очень простоватъ. Кохъ злобно посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Не говорите этого батюшка. Вороновъ умѣетъ любить—въ этомъ его геніальность, которую вы не съумеете оцѣнить, возразилъ проходившій мимо ихъ маіоръ.

ГЛАВА XII.

Въ шесть часовъ гостей попросили къ столу. Вѣра Осиповна, занявъ мѣсто рядомъ съ женою предводителя, подала примѣръ другимъ. Осматрѣвшись она замѣтила отсутствіе своей дочери и Радужнаго.

—Возьмите колокольчикъ и позвоните на балконѣ. Приказала она слугѣ.

— Это прекрасная выдумка, похвалилъ кто-то хозяйку.

— Да, знаете, по деревенски.

Черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ двадцать вошли въ залу и заняли мѣста. Между ними были Федоръ Гавриловичъ и его невѣста. Они сѣли рядомъ. Противъ Радужнаго помѣстился Вороновъ, а подлѣ него Алексѣй Владиміровичъ, который началъ разговоръ такими язвительными словами

— Ваши дѣла М-г Радужный идутъ, кажется, хорошо съ тѣхъ поръ, кака вы прибыли въ свою деревню?

— Да, не дурно, а вотъ ваши я слышалъ плохи, отвѣтилъ женихъ.

— Чѣмъ же плохи?

— Да вы все судитесь съ вашими временно-обязанными крестьянами, а они вамъ грубятъ.

— Кто вамъ говорилъ?

— Вашъ посредникъ.

— Да, канальи ужасные!

— Кого вы такъ величаете? отозвался Вороновъ.

— Бывшихъ своихъ крестьянъ—страшные негодяи!

— А посредникъ каковъ? любопытствовалъ Григорій Петровичъ.

— Конечно, и посредникъ виноватъ съ ними; надо бы дѣйствовать энергичнѣе.

— То есть побить ихъ, что-ли?

— Помилуйте: оброка не плотятъ, гоняютъ свой скотъ на мою землю и отзываются тѣмъ, что межи не знаютъ, а сами такъ и наровятъ сдѣлать мнѣ непріятность, на дняхъ подожгли мнѣ лѣсъ, а посредникъ все медлитъ, да медлитъ; вообще здѣсь всѣ привыкли не обращать вниманія на порядочныхъ людей. Мнѣ придется быть у министра и жаловаться на посредника.

— За одно пожалуйтесь и на меня, отозвался предводитель.

— Нѣтъ,—извините—я бываю очень радъ, когда мировой съѣздъ отказываетъ мнѣ въ чемъ нибудь по закону; но медленность вашего посредника возмущаетъ меня; отъ этого усиливается раздраженіе народа противъ бывшаго его помѣщика. На дняхъ я былъ такъ взбѣшенъ выходками крестьянъ, что

сказалъ имъ: «ну братцы, я всѣхъ васъ сперва раззорю, а потомъ и отдамъ на выкупъ».

— Этого вы никакъ уже не можете сдѣлать, тѣмъ болѣе теперь, когда Радужный поселился въ уѣздѣ; онъ возметься быть адвокатомъ вашихъ крестьянъ, пробасилъ Вороновъ.

— Мнѣ говорилъ посредникъ, что вы очень часто жалуетесь, отозвался предводитель.

— Помилуйте, это только въ нашей бѣдной Россіи дѣлаются подобныя вещи.

— Да, конечно, во многихъ иностранныхъ государствахъ общество отнеслосъ бы къ вамъ еще строже, и Вороновъ покачнулся на стулѣ.

— Я, кажется, имѣю дѣло съ демократомъ?

— Да, вы можетъ быть и угадали.

— Во всякомъ случаѣ, мы не поймемъ другъ друга; надо имѣть землю, заселенную крестьянами для того, чтобы согласиться со мною.

— Я имѣлъ такую землю и вы знайте, что я распорядился съ нею совсѣмъ не такъ, какъ вы.

Полковникъ иронически посмотрѣлъ на говорившаго, который жевалъ пирогъ съ удивительнымъ спокойствіемъ «какую глупость я сейчасъ сдѣлалъ» сердился на себя Алексѣй Владиміровичъ.

Настало не ловкое молчаніе.

— M-er Кохъ, я вамъ совѣтую по короче познакомиться съ вашимъ сосѣдомъ; онъ устроиваетъ артельныя сыроварни, о которыхъ вы такъ много слышали, сказала хозяйка.

— Vraimant? и полковникъ закидалъ Воронова вопросами, но тотъ отвѣчалъ ему какъ-то не охотно и разговоръ между ними долженъ былъ скоро прекратиться. «А хорошъ гусь лапчатый», думалъ сыроваръ о своемъ сосѣдѣ.

— Вы знаете отъ чего сердится Кохъ? спросилъ его на ухо другой сосѣдъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Онъ видите ли, пріѣзжій изъ Петербурга и тамъ связи всякія имѣетъ, а здѣсь на него никто и вниманія не обращаетъ—ему и досадно.

— Понимаю, онъ думалъ, что всѣ станутъ ему въ ножкикланяться.

— То-то и есть.

Общій разговоръ, начатый такъ неудачно, совершенно прекратился и слышенъ былъ только гулъ отъ частныхъ бесѣдъ между сосѣдями

Любовь Дмитріевна тоже толковала о чемъ-то со своимъ женихомъ; не замѣтнымъ образомъ она возвышала голосъ по мѣрѣ того, какъ разговоръ становился занимательнѣе; сперва близь сидящіе начали вникать въ смыслъ ея словъ, дѣлая на нихъ свои замѣчанія, потомъ глаза всѣхъ устремились на Радужнаго, отвѣчавшаго ей длиннымъ монологомъ.

— Нѣтъ, все это не разрѣшаетъ вопроса, сказала она звонкимъ серебристымъ голосомъ, а вы прямо объясните мнѣ почему образованные люди послѣднихъ столѣтій обращаются такъ часто къ похваламъ первобытнаго человѣчества, а между тѣмъ грубость этихъ первобытныхъ людей не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ разговоръ вмѣшался Кохъ.

— Вы хотите указать намъ на философовъ XVIII столѣтія, которые дебютировали на реальной почвѣ не изучивъ ее основательно? Теперь теоріи этихъ людей, строившихъ свои системы на остроумныхъ догадкахъ, преданы общему забвенію, и полковникъ сомодовольно покрутилъ себѣ усъ.

— Я говорю не объ однихъ философахъ XVIII столѣтія, но въ нѣкорыхъ геніальныхъ произведеніяхъ нашего вѣка вы встрѣтите тоже самое: что сдѣлалъ Байронъ съ героемъ лучшаго своего произведенія, что воспѣвалъ Шатобріянъ въ своемъ романѣ «Les Nadchais?» его герой чувствовалъ себя прекрасно среди дикихъ. Замѣтьте, что Байронъ и Шатобріянъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ имѣютъ между собою очень мало общаго. И до сихъ поръ множество людей высказываетъ тоже самое.

— Эти увлекающіеся поэты ничего не стоятъ какъ философы....

— Я протестую противъ вашихъ словъ M-eur Кохъ—оба поэта, о которыхъ теперь говорятъ замѣчательные философы, отозвалась хозяйка:— это мои любимые писатели.

— Извольте, соглашаюсь съ вами: положимъ оба они и еще Ж. Ж. Руссо съ англичаниномъ Гезлитомъ, который имъ восхищается – положимъ, всѣ они великіе мыслители, но они, такъ сказать, не имѣли достаточнаго матеріала для мышленія; а вотъ теперь, когда факты разработаны, Дарвинъ сдѣлалъ выводъ и по моему онъ величайшійсовременный философъ, который стоитъ на рубежѣ новой цивилизаціи.

— Бюфонъ въ свое время тоже стоялъ на рубежѣ новойцивилизаціи, однако, Вольтеръ, называвшій его естественную исторію романомъ имѣетъ гораздо болѣе современнаго смысла, чѣмъ этотъ знаменитый ученый, настаивала хозяйка.

— Въ чемъ вы признаете величіе Дарвиновской теоріи? спросилъ Радужный.

— Въ томъ, отвѣтилъ полковникъ, что онъ раз-

вилъ вѣрную идею о борьбѣ за существованіе и отдалъ первенство въ руки сильнѣйшаго.

— Который можетъ эксплуатировать слабого?

— Всегда такъ было и будетъ.

— Во первыхъ, Дарвинъ не философъ, онъ только собралъ матеріалъ для философіи; во вторыхъ, онъ не сказалъ послѣдняго слова науки, въ третьихъ, борьба за существованіе, которую ведутъ между собою животныя особи не примѣнима къ людямъ, потому что главная сила людей заключается въ ихъ умѣ, а умъ силенъ только тогда, когда онъ дѣйствуетъ въ обществѣ многихъ людей и чѣмъ число ихъ больше, тѣмъ успѣшнѣе идутъ производство и цивилизація — это уже признано политическою экономіею. Значитъ, человѣческое общество будетъ процвѣтать тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе станетъ развиваться въ немъ эта любовь къ ближнему.

Радужный завертѣлся на своемъ стулѣ.

— Не знаю: можетъ быть вамъ удастся пересоздать общество, но до сихъ поръ—война, революціи и похищеніе власти сильнымъ составляли предѣлы человѣческихъ стремленій; ироническая улыбка такъ и застыла на губахъ Коха.

— Вы близоруки, если не видите, что общество уже пересоздалось, что всѣ великія слова, обозначающія высшія наши стремленія теряютъ свой смыслъ передъ новымъ, недавно выработаннымъ словомъ, которымъ выражаются нравственныя потребности исключительно современной цивилизаціи. Великое это слово: гуманность. Теперь люди убѣдились, что человѣческая кровь, проливаемая нашими братьями, не содѣйствуетъ ни революціоннымъ, ни деспотическимъ видамъ отдѣльныхъ личностей. Всѣ неудачи увлекающихся

прогрессистовъ произошли именно отъ недостатка практической гуманности въ ихъ предводителяхъ, и если бы вмѣсто того, чтобы дѣлать заговоры развращающіе народъ, они сблизились бы съ нимъ въ мастерскихъ и на нивахъ и дали бы ему нравственную силу, то всѣ наши невзгоды пали бы ницъ, какъ засохшая вѣтошь, которая не можетъ встать на ноги потому, что мертвыя не воскресаютъ; нѣтъ, не убійство ближнихъ, а рука благословляющая людей жертвовать своимъ трудомъ на пользу другихъ людей—вотъ задача современной цивилизаціи. Дружное единодушіе и выгода любви не допускающей зла—вотъ сила гуманизма. Конечно, для достиженія благосостоянія Россіи нужно еще много труда и времени, но это не ослабитъ энергіи нашихъ патріотовъ.

— Это ново, замѣтилъ Кохъ и всѣ сидѣвшіе за обѣдомъ затихли, какъ вѣтеръ передъ бурею; эти слова дѣйствительно показались всѣмъ большою новостью; потомъ почти всѣ заговорили разомъ.

— Молодецъ, пробасилъ Вороновъ, не привыкшей къ отвлеченному мышленію, но любящій правду во всѣхъ ея видахъ.

— Если такова задача современности, то я мирюсь со всѣми выходками новыхъ людей; мирюсь и примыкаю къ нимъ, замѣтила хозяйка. Многіе говорили въ томъ же родѣ, другіе нѣсколько иначе, а нѣкоторые утверждали совсѣмъ противное.

— Но, все таки, мой вопросъ не разрѣшенъ, настаивала Любовь Дмитріевна, обращаясь къ своему жениху.

— Вы говорите, что люди восхищаются первобытными праотцами, но эта мода уже проходитъ

по мѣрѣ того, какъ лучшіе умы начинаютъ развивать идеи гуманизма и любви. Видите ли что: основаніе людской природы остается все тоже, какъ и прежде, но до сихъ поръ сильные люди развивали въ слабыхъ одни дурные инстинкты, а хорошіе брали подъ свой контроль, такъ напримѣръ, католицизмъ взялъ совѣсть и любовь людей въ свою кабалу. Людямъ было тошно и они мечтали о дикихъ праотцахъ; въ настоящее время сильные умы широко развили понятія о совѣсти, о любви и проч. и теперь это не должно уже повторяться, потому что для массы открывается новый источникъ наслажденій и прошлое уже недолжно казаться ему въ розовомъ свѣтѣ. Потому-то Шатобріянъ и Байронъ уже утратили свою популярность.

Обѣдъ кончился очень шумно и весело. Вставъ изъ за стола все общество размѣстилось въ саду и въ большой липовой аллеи, гдѣ ему подали вино и кофе.

Когда стемнѣло, всѣ возвратились въ домъ и въ залѣ начались танцы подъ звуки одного рояля. Радужный открылъ вечеръ. Онъ правольсировалъ съ своею нелѣстою и вслѣдъ за нимъ закружилась вся мѣстная молодежь.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда и большая часть гостей разъѣхалась по домамъ, но многіе въ томъ числѣ и Ѳедоръ Гавриловичъ съ Вороновымъ остались ночевать въ домѣ Соболевой.

— Знаете ли, мнѣ кажется, что ваша теорія сильно говоритъ въ пользу терпѣнія, которое и безъ того сковываетъ руки русскаго человѣка, сказала невѣста удаляясь со своимъ женихомъ въ сторону отъ гостей, перекидывавшихся прощальны-

ми словами и, кончающихъ свои споры, начатые еще за обѣдомъ.

— Напротивъ, душа мая, эта теорія побуждаетъ людей къ энергичному протесту противъ зла; но протестъ, который она поощряетъ, не влечетъ людей на преступныя дѣла. Его девизъ — любовь, трудъ и пріобрѣтеніе. Стремясь къ этому люди дѣлаются сильны, а только это и нужно для нашего счастья.

— Я вполнѣ съ этимъ согласна.

— Было время, когда я искалъ свое призваніе мучился и не находилъ его. Тогда шальныя мысли приходили мнѣ въ голову, я не зналъ людей и мечталъ. Теперь же мнѣ извѣстно, что для счастья какъ своего, такъ и общественнаго нужно только умѣть любить и научиться работать.

— Какъ бы я хотѣла, чтобы это была правда, приложимая къ жизни, а не одна только теорія добраго человѣка!

— Подумай, и ты убѣдишься сама.

Онъ поцѣловалъ ей руку и такъ нѣжно улыбнулся.

— Я, кажется, уже убѣждена, сказала она любуясь его свѣтлымъ лицомъ, но убѣждена только въ твоихъ прекрасныхъ стремленіяхъ, которыя составляютъ исключеніе среди нашей пошленькой жизни.

— И такъ до завтра.

— Прощай!

— Толкуютъ все о такихъ хорошихъ вещахъ, а не замѣчаютъ, что въ нашъ вѣкъ главная болѣзнь состоитъ въ томъ, что всѣ недовольны своею жизнію, сказалъ докторъ и ему никто не возражалъ.

ГЛАВА XVIII.

На слѣдующее утро около чайнаго стола собралось человѣкъ двадцать. Разговоръ принялъ мирное направленіе. Говорили о нуждахъ мѣстнаго населенія, объ общемъ упадкѣ хозяйства и о необходимости народнаго образованія. Радужному пришлось высказать много замѣчаній, вынесенныхъ имъ изъ практической жизни. Оставшіеся ночевать были большею частію молодые люди, желавшіе сблизиться съ женихомъ и поглазѣть на генерала отъ сыроваренья. Общество сошлось очень скоро и громкій говоръ молодежи, сопровождавшей слова энергичными жестами, напоминалъ собраніе студентовъ, не потерявшихъ надежды на совершеніе великихъ дѣлъ. Жизнь потрепала многихъ изъ присутствующихъ и опытность, конечно, не дается людямъ даромъ, но въ этомъ кружкѣ молодаго поколѣнія, составленнаго изъ многихъ людей, видящихъ другъ друга въ первый разъ, не раздавалось ни одного апатичнаго возгласа; напротивъ, всѣ имѣли много надеждъ впереди. Можно было бы сказать что въ Россіи дѣла идутъ теперь лучше, чѣмъ до знаменитой Крымской компаніи, еслибы бывшіе здѣсь люди говорили свои задушевныя мысли и меньше бы либеральничали, что у насъ до сихъ поръ не даетъ ничего, кромѣ крупныхъ недоразумѣній. Конечно, теперь мы можемъ встрѣчать большое число широко честныхъ и дѣятельныхъ людей. Это важно и по необходимости станемъ довольны тѣмъ, что есть .

Когда всѣ успѣли высказаться, высокій брюнетъ, который дѣлалъ накануне внушеніе кругленькому блондину сказалъ, обращаясь къ Воронову:

— Вотъ еслибъ этотъ шалопай Пилинъ былъ здѣсь, я бы заставилъ его поклясться, что онъ никогда не измѣнитъ раціональному хозяйству.

— А развѣ онъ не уступчивъ? спросилъ Григорій Петровичъ.

— Онъ малый ничего — только хромаетъ не много на счетъ развитія, но дѣло дѣлаетъ и при хорошемъ вліяніи изъ него выйдетъ толкъ.

— И такихъ людей очень много.

— Я его часто браню.

— А, онъ васъ слушаетъ?

— Слушаетъ, но дѣло въ томъ, что еслибъ многіе говорили ему тоже самое, такъ было бы больше толку. Видите-ли, что замкнутость у насъ ужасная; большая часть помѣщиковъ живетъ особникамъ въ своихъ мызахъ: иной полъ года никого не видитъ, кромѣ своихъ рабочихь, ну и воображаетъ себя геніемъ. Такія собранія, какъ вотъ вчера— очень рѣдки у насъ.

— Кстати, вашъ Пилинъ препотѣшный — вмѣшался другой гость — онъ сереозно воображаетъ себѣ, что всѣ люди — мошенники и оригинально отзывается о передовыхъ, которыхъ онъ и въ глаза не видалъ «Они, говоритъ онъ, ничего не сдѣлаютъ, потому что народной жизни незнаютъ». Жаль его, малый то онъ со смысломъ!

— И одинъ изъ лучшихъ хозяевъ въ нашей мѣстности.

— А вотъ мы за него примимся, смѣялся Ѳедоръ Гавриловичъ.

— Да, такихъ много.

— Тѣмъ лучше — они будутъ нашими союзниками.

Послѣ завтрака всѣ уѣхали; у Соболевыхъ остались только Радужный и Вороновъ, который удалился сводить счеты по своимъ складамъ.

— Вѣра Осиповна, когда же наступитъ день нашей свадьбы? спросилъ женихъ.

— Когда хотите — хотя сейчасъ, отвѣтила мать.

— Сейчасъ? ну Люба поѣдемъ въ церковь.

— Нѣтъ, я шучу, черезъ десять дней все будетъ готово.

— Прекрасно: въ это время я успѣю побывать въ Петербургѣ.

— Когда ты ѣдешь? спросила невѣста.

— Отъ васъ уѣду сегодня послѣ обѣда, а завтра съѣзжу въ Петербургъ на три или четыре дня.

— Пожалуйста заѣзжай въ мою типографію и посмотри все ли тамъ въ порядкѣ, просила невѣста.

— Хорошо. Итакъ дѣло кончено, черезъ десять дней мы будемъ обвѣнчаны?

— Да, и Вороновъ будетъ моимъ шаферомъ, не правда ли maman?

— Непремѣнно, я сама попрошу его объ этомъ.

— И знаете ли, что вы этимъ окажите ему большую пользу, замѣтилъ Радужный.

— Какъ это? любопытствовали дамы.

— Ему придется скоро явиться къ министру по дѣламъ своихъ артелей и, конечно, необходимо будетъ надѣть фракъ, а онъ никогда не имѣлъ дѣла съ такимъ костюмомъ. Приглашая же его въ шафера, вы дадите ему возможность освоиться съ этою модною выдумкою.

— Прекрасно, прекрасно! одобряли дамы.

— Увасъ тутъ весело — люблю это, сказалъ Григорій Петровичъ, входя въ столовую, а я къ вамъ за справкою Ѳедоръ Гавриловичъ.

— Еще успѣете съ вашею справкою, а лучше выслушайте наше предложеніе; всѣ мы хотимъ сдѣлать васъ шаферомъ Любиньки, вмѣшалась хозяйка.

— Время то у меня лишняго мало.

— Дайте намъ только одинъ день.

— Да, на проѣздъ къ вамъ и обратно пять и того цѣлая недѣля.

— Вы должны это сдѣлать, а то мы всѣ пріѣдимъ къ вамъ и у васъ отпразднуемъ свадьбу моей дочери.

— Ну, ну что съ вами дѣлать? пріѣду и добрые его глаза сдѣлались еще добрѣе.

— Ѳедоръ Гавриловичъ говоритъ, что вамъ необходимо быть шаферомъ для того, чтобы освоиться съ фракомъ, подшутила невѣста.

— Что-жъ, это правда, я и упустилъ изъ виду необходимость примириться съ фракомъ. Буду, непремѣнно буду вашимъ шаферомъ!

Невѣста протянула ему руку.

— Вы не знаете, какъ я счастлива теперь добрый Григорій Петровичъ, сказала она, посовѣтуйте мнѣ, какъ бы подѣлиться этимъ счастьемъ съ другими.

— Очень просто—устройте центральную школу, въ которой готовили бы учителей для сельскихъ училищъ вашего уѣзда.

— Отличная мысль. Жертвую на эту школу три тысячи единовременно и по тысячи рублей ежегодно но съ тѣмъ, что бы ты Ѳедоръ Гав-

риловичъ былъ ея попечителемъ и потрудились бы увѣдомить земство о моемъ желаніи.

— Сегодня же вечеромъ сдѣлаю это; ты и я, мы оба будемъ ея попечителями.

— Григорій Петровичъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, потомъ ушелъ, уводя съ собою Радужнаго, необходимаго ему для справокъ.

Оставшись однѣ, мать и дочь посмотрѣли другъ на друга, потомъ вдругъ встали, обнялись и поцѣловавшись нѣсколько разъ, отправились въ садъ.

Черезъ часъ слуга доложилъ имъ, что подано обѣдать. Радужный и Григорій Петровичъ были очень веселы; они разсказали дамамъ нѣсколько характеричныхъ эпизодовъ изъ народной жизни и обѣдъ кончился среди веселаго смѣха всѣхъ присутствующихъ. Вѣра Осиповна призналась, что никогда еще она не чувствовала себя такъ хорошо, какъ сегодня.

— Десять дней, оставшихся до твоей свадьбы пройдутъ не замѣтно среди разныхъ приготовленій, которыя всегда развлекаютъ женщинъ, утѣшала она дочь, которая по видимому съ нею соглашалась.

Скоро гости сѣли въ поданный имъ экипажъ и пара сѣрыхъ помчала ихъ отъ крыльца; Соболевы долго смотрѣли какъ укладывалась дорожная пыль въ слѣдъ за скрывшимся изъ виду фаэтономъ.

— Пойдемъ домой, предложила Вѣра Осиповна.

Но Любовъ Дмитріевна молчала и не трогалась съ мѣста.

Мать взяла ее за руки.

— Что-жъ ты стоишь тутъ, какъ на выставкѣ? на тебя смотрятъ всѣ дворовые, и она увела дочь въ свой будуаръ.

— Мамаша — я не могу оставаться здѣсь безъ него, сказала дѣвушка, бросаясь въ кресло.

— Люба, ты меня смѣшишь — точно маленькій ребенокъ какой.

— Да, я, въ самомъ дѣлѣ ребенокъ, но не очень то избалованный; еслибъ вы только знали, какъ много я вытерпѣла въ эти пять лѣтъ!

— Перестань ребячиться; лучше поговоримъ о дѣлѣ; намъ предстоитъ такъ много хлопотъ.

— Нѣтъ, maman, я пойду къ нему — зачѣмъ я стану терять десять дней на какія то пустяки!

— Знаешь, ma chére — это просто ни на что ни похоже!

— Знаю что это глупо, и дѣвушка готова была заплакать.

Мать и дочь долго смотрѣли другъ на друга.

— Я пойду въ свою комнату, рѣшила, наконецъ, Любовь Дмитріевна и быстро направилась къ двери.

Когда шумъ ея шаговъ затихъ въ корридорѣ, Вѣра Осиповна развела руками и задумалась о чемъ то очень серіозномъ.

— Вотъ, заговорила она вслухъ, и современные люди, которыхъ мы не понимаемъ, а дѣлаютъ такія же глупости какими и другія поколѣнія всегда отличались.

Послѣ того она съ минуту помолчала и начала кивать головою.

— Oui, le font de la nature humaine est toujours le même, произнесла она внушительно и самодовольно осмотрѣла комнату, ils sont touses des ego istes.

Вдругъ она припомнила что-то и назвала себя старою дурою, которая ничего не понимаетъ. Вѣра Осиповна нетерпѣливо оттолкнула скамейку отъ своихъ ногъ и взялась было за работу, но она ей не давалась и вязаніе очутилось скоро на окнѣ.

— Я ничего не понимаю, ничего не понимаю! сердилась она: и гуманность, и глупость, и практичность, и терпѣливое жительство въ грязной избѣ и злой умъ! какое то смѣшеніе понятій!

Компаніонка открыла дверь и предложила свои услуги почитать что нибудь.

— Пожалуйста оставьте меня въ покоѣ, досадовала Соболева.

Толстая проживалка вздохнула и удаляясь, тяжело переводила духъ.

— Да, но, все таки, она добрая моя Люба, успокоивала себя старуха и вспомнила вчерашнюю сцену съ дочерью, сидѣвшею тогда на этомъ самомъ креслѣ, которое такъ и торчало у ней передъ глазами.

— Я никогда не думала, что способна выкинуть такую исторію! извинялась она, предъ собою и за тѣмъ ей стало жаль своей дочери, которая была вчера такъ хороша за обѣдомъ. Старуха припомнила малѣйшія подробности тогдашняго туалета дѣвушки и заключила свои восторги тѣмъ соображеніемъ, что Люба дѣлаетъ очень хорошо, не украшая своихъ волосъ модною прическою. Ея прекрасныя кудри такъ мило обвиваютъ граціозное очертаніе ея бѣлой шеи.

«А то, помилуйте, на что же похожи прически этихъ дамъ? онѣ крѣпко на крѣпко стягиваютъ свои волосы въ одинъ безобразный камокъ, который торчитъ надъ головою, какъ хвостъ кохинхинской курицы—просто безобразно», думала она. Послѣ того Вѣра Осиповна вспомнила свою молодость, пожалѣла о томъ, что она такъ дурно и главное такъ скоро протекла, досадовала на то, что смерть приближается такъ медленно, унося съ каждымъ днемъ остатки увядшей красоты до тѣхъ поръ, по-

ка отъ человѣка не останется одинъ оставъ, погасающей цвѣтущей жизни. Старухѣ хотѣлось заключить условіе со смертью и отдать ей весь остатокъ жизни за одинъ годъ молодости. Безумное желаніе, заставившее Вѣру Осиповну вспомнить о религіи. Старуха обратилась къ ней за утѣшеніемъ, но это не облегчило ея сердца; она кончила тѣмъ же самымъ, чѣмъ часъ тому назадъ хотѣла начать ея дочь и тихо, тихо заплакала.

«Тяжелѣе всего бываетъ намъ въ тѣ минуты, когда отголосокъ молодыхъ силъ западаетъ въ наше старческое сердце» думала она; а слезы все сильнѣе и сильнѣе текли изъ ея безстрастныхъ глазъ.

Къ вечернему чаю мать и дочь явились какъ ни въ чемъ не бывало. Первая овладѣла своимъ ровнымъ спокойствіемъ, вторая была весела и обѣ онѣ много говороли о костюмахъ, о бѣлье и прочихъ вещахъ, всегда предшествующихъ свадебнымъ торжествамъ.

«Люба очень похожа на меня характеромъ» заключила старуха свои вечернія наблюденія надъ дочерью и чувство материнской радости сдѣлала ее счастливою. Съ сознаніемъ послѣдняго чувства она легла спать послѣ это длиннаго дня, въ который Вѣра Осиповна перечувствовала такъ много разнородныхъ ощущеній.

А Любовь Дмитріевна примирилась съ своимъ положеніемъ и спокойно ждала приближенія дня своей свадьбы.

На этомъ я теперь остановлюсь, а впослѣдствіе надѣюсь передать читателю, если онъ это захочетъ, о дальнѣйшіяхъ похожденіяхъ Радужнаго. Пока-же заключаю этотъ романъ.

ЭПИЛОГЪ.

Въ назначенный день состоялась свадьба Радужнаго съ Любовью Дмитріевною. Сельскій священникъ вѣнчалъ ихъ въ новой ризѣ, пожертвованной церкви щедротами Вѣры Осиповны.

Въ числѣ шаферовъ были Пучининъ и Григорій Петровичъ, къ которому по увѣреніямъ невѣсты фракъ шелъ ни сколько хуже его суконной поддѣвки.

За тѣмъ всѣ остальныя событія въ жизни дѣйствующихъ лицъ этого романа, явились логичными результатами всего предъидущаго о нихъ разсказа. Вороновъ любитъ свою жену, которая развила свой природный здравый смыслъ и содѣйствуетъ мужу въ его полезной дѣятельности. Григорій Петровичъ явился къ министру, который поощрилъ его благія начинанія. Федоръ Гавриловичъ принялъ на себя званіе Предводителя дворянства и гласнаго въ земствѣ, въ которое вступилъ съ такою рѣчью:

«М. Г. Принявъ на себя званіе Предводителя, и гласнаго я считаю долгомъ передать вамъ, почтившимъ меня своимъ выборомъ, тотъ образъ дѣйствій, которому намѣренъ слѣдовать на новомъ своемъ поприщѣ. По моему мнѣнію вся задача Земства состоитъ въ томъ, чтобы открыть народу неизсякаемые источники для заработковъ, усилить его образованіе и поднять мѣстное хозяйство. Мы должны помнить, что эта задача совсѣмъ не такъ легка и намъ не слѣдуетъ развлекать свое вниманіе эффектными надеждами на болѣе широкую дѣятельность, которая

будетъ всегда пуфомъ до тѣхъ поръ, пока народное благосостояніе не упрочится на твердыхъ основаніяхъ. Паташные заводы, устроеные въ уѣздѣ извѣстнымъ вамъ офицеромъ въ отставкѣ, открыли народу новый промыселъ—намъ слѣдуетъ поддержать его; а также подумать и о другихъ возможныхъ у насъ производствахъ. Этимъ вопросомъ я полагаю открыть сегодняшнее засѣданіе».

Сергѣй Платоновичъ Пучининъ женился на Ларчиной. Сперва онъ быстро пошелъ было въ гору и отъ него ожидали много полезнаго для Россіи. Полковникъ Кохъ женился на богатой купчихѣ, которая глупа до того, что въ обществѣ ему приходится предупреждать ея слова. Какъ только она открываетъ ротъ Алексѣй Владиміровичъ перебиваетъ ее и говоритъ присутствующимъ о томъ что именно жена его хотѣла сказать; онъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры и не много присмирѣлъ но это не мѣшаетъ ему хвастать. что въ четырнадцать лѣтъ службы онъ получилъ генерала. Нерѣдко онъ чувствуетъ себя даже неловко въ обществѣ Радужнаго, но все таки не хочетъ прервать съ нимъ знакомство.

— «Теперь онъ сдѣлался сносенъ», говорилъ о немъ Федоръ Гавриловичъ. Любовь Дмитріевна хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Свою типографію она продала Ларчиной, а сама посвящаетъ свой досугъ сельскимъ школамъ, но въ послѣдній годъ у нея родился сынъ, отнимающій у Радужной очень много времени. Вѣра Осиповна живетъ въ одномъ домѣ съ молодыми, но въ особой половинѣ. Она, по прежнему, любитъ свою дочь, хотя и отдаетъ предпочтеніе Радужному, которому одна-

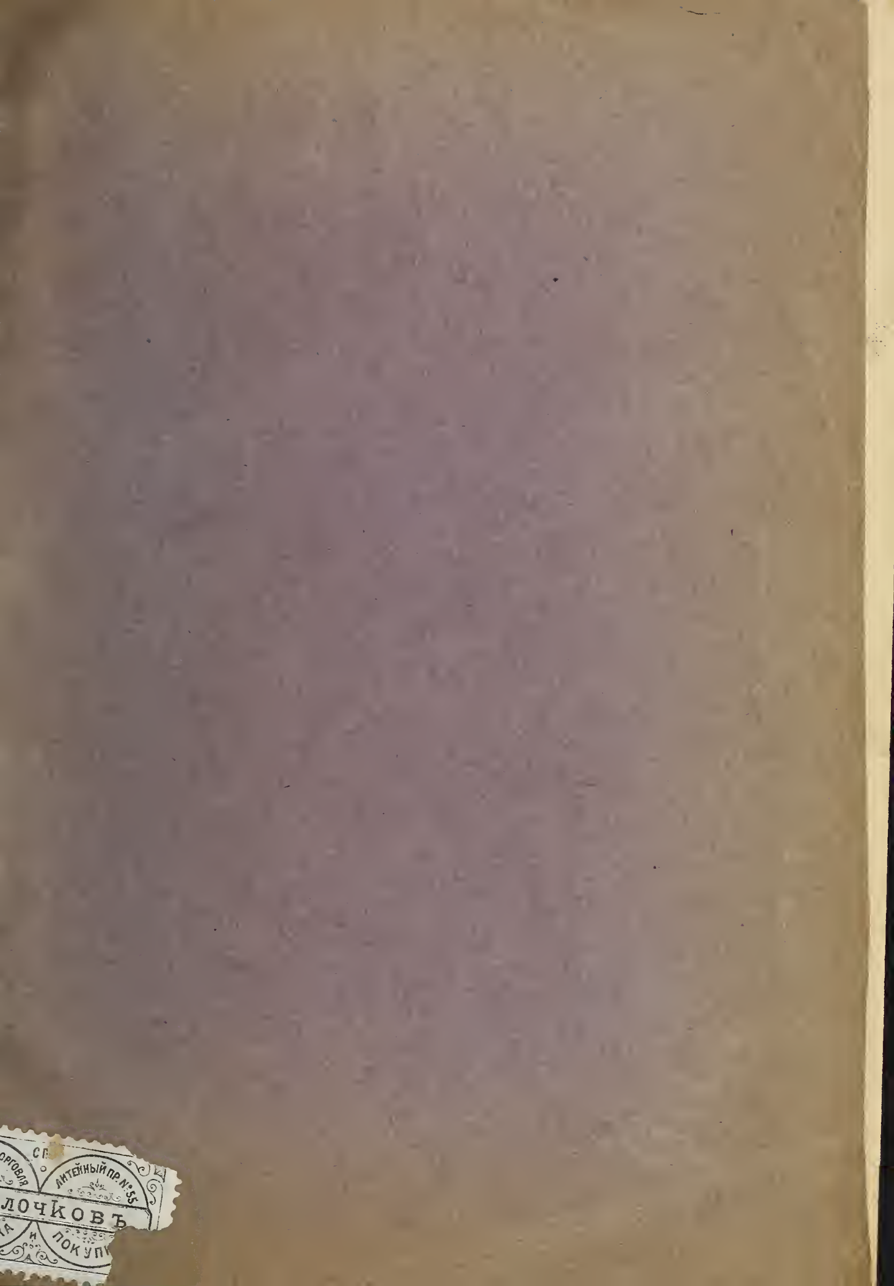
жды среди большаго общества сказала такой комплиментъ:

— Всматриваясь въ ваши занятія, я часто припоминаю слова Беранже:

Je ne suis qu' un vert luisant
Mais je rend la nuit moin sombre....

Пелагея Александровна Шабрина не видится болѣе съ своимъ племянникомъ, на котораго сердито за заключенный имъ неравный бракъ съ купчихою, «avec la fille d'un sans Culotte», какъ не совсѣмъ-то точно выражается почтенная старуха. Она уже очень дряхла и священникъ ѣздитъ служить обѣдню къ ней въ домъ. Здѣсь я, за недостаткомъ свѣденій, которыхъ еще не успѣлъ собрать, пропускаю всѣ подробности о дѣятельности Радужнаго въ Земствѣ и о его новой обстановкѣ. Разсчитывая въ скоромъ времени удовлетворить любопытство читателя, я считаю нужнымъ теперь-же сказать еще нѣсколько словъ о Федорѣ Гавриловичѣ и о его пріятеляхъ. Вороновъ во время мануфактурной выставки 1870 года пробылъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца; онъ явился сюда въ качествѣ экспонента съ круглыми сырами и масломъ, приготовленнымъ по голштинскому способу. Радужные часто вспоминаютъ о добромъ дядѣ Матвѣе, онъ тоже былъ на выставкѣ. Для этого Федоръ Гавриловичъ нарочно выписалъ его въ Петербургъ. Пучининъ вышелъ не давно въ отставку.

КОНЕЦЪ.

ЛИТЕЙНЫЙ ПР. №55
ЛОЧКОВЪ
И

ЦѢНА 75 КОП.

